

Чайный Лис

Очень красиво,
Бездомный
Таню

Пока остальные ёкаи враждовали с людьми, тэнгу, первые в истории, заключили с ними союз и стали помогать в истреблении неразумной нечисти. Белый тэнгу Хару в дела политики не вмешивался, а лишь желал, чтобы его семья жила вечно. Но вот незадача, за очередную ошибку его изгнали на землю, на которой он не знал ничего, кроме одного-единственного человека. Ограниченный в перемещениях и использовании чар, Хару свалился в храм, в котором было запечатано страшное существо в лице милой девушки.

Глава 1. Связанный красными лентами

На мгновение небеса рассекла золотая линия и превратилась в гигантскую пасть, затем исчезла так же незаметно, как и появилась, словно ничего и не произошло. Лишь какое-то пятнышко кубарем полетело вниз, будто зверь выплюнул кость, с которой уже обгрыз мясо. Пятнышко махало руками и кричало, звало на помощь, не в силах взлететь и вернуться туда, откуда упало.

Это непоседливый тэнгу Хару, навлекший на себя гнев отца, за что его изгнали из дома. И лишили возможности летать, пока он не осмыслит свои ошибки и не осознаёт вину. Именно поэтому сейчас он кричал:

— Отец, я всего лишь хотел помочь! Пустите меня домой, пожалуйста! Я же разобьюсь! Мои крылья! А-а-а-а!

Однако ответа так и не получил.

Некоторое время назад во дворце Кинью.

— У меня получилось!

Киноварно-красные глаза юноши сияли от радости, счастливая улыбка озарила молодое лицо, ещё не познавшее тяготы жизни. Хару днями и ночами напролёт возился в кладовой со всевозможными лекарственными травами и иными ингредиентами для отваров. Лекарь изредка заглядывал сюда, брал необходимое и уходил, покачивая головой. Не выгонять же сына главы одного из кланов тэнгу из его же замка, пусть и проводил тот большую часть времени не в собственных покоях, на тренировочном поле, библиотеке или каком-то ином зале, где обычно можно было встретить его братьев и сестёр, а в кладовой лекаря.

Хару был младшим ребёнком в семье, ему больше позволялось, вот его и избаловали. Наследником и будущим главой был его старший брат Масао, поэтому младший не лез ни в дела управления, ни внешнего мира, ни даже сражаться не научился, он и меч в руках держать не умел, а родители и не переживали. Отец был заинтересован в воспитании и обучении исключительно старшего сына, на остальных времени не оставалось, а мать баловала дочерей и младшего, держала под своим крылышком и даже не думала, что когда-нибудь они покинут родное гнёздышко.

Если старшая сестра старалась, как и мать, заботиться о Хару и уберегать его от неприятностей, то Хотару, третья по старшинству, пользовалась его наивностью и повсюду помыкала им. Как-то раз она с серьёзным видом сообщила, что персики, принесённые людьми в качестве даров, отравлены. Не теряя ни минуты, Хару помчался на кухню и вышвырнул все коробки в окно. А поскольку дворец Кинью благодаря чарам тэнгу висел в небесах, спрятанный за облаками, то персики полетели к людям на землю. Для кого-то они стали дарами, сладью, которую простые крестьяне так просто не отведают, а менее везучих могли и убить, если бы ударили по голове. Но Хару об этом ничего не знал, как и не слышал, что тот день люди прозвали днём Персикового дождя и до сих пор благодарят божеств, что те преподнесли им сладкий фрукт.

Зато Хару узнал, что из части персиков успели приготовить пироги и подать на стол, куда примчался младший тэнгу и перевернул все блюда на пол. Ох, прилетело ему от отца, пока Хотару, заливаясь смехом, стояла в стороне и наблюдала.

Последние годы клан тэнгу, обитающий во дворце Кинью, вёл деловые отношения с людьми: поначалу помогал даймё в борьбе с нечистью, которая, в отличие от разумных

ёкаев, просто пожирала всё на своём пути, словно саранча. Даже сёгун обратился к главе клана за помощью. Джунъичи, первый из тэнгу, кто согласился помочь людям, отправил несколько отрядов своих воинов на землю, после чего император и сёгунат изменили своё отношение к тэнгу, хотя к остальным ёкаям по-прежнему относились как к врагам, не отличающимся от неразумной нечисти.

Несколько раз даймё из рода Хонда, являясь на собрание во дворец Кинъу, приводил с собой сыновей, которых начал посвящать в государственные дела. Так Хару и Хотару познакомились с Асахи, который для первого стал другом, а для второй — источником интересных рассказов.

Однажды Асахи поведал Хотару историю о бессмертных мастерах — зачастую монахов, всю жизнь совершенствующихся, изучающих боевые искусства, медитирующих в уединении. Рассказал, что некоторые из них восходят на небеса и обретают бессмертие.

— Но неужели вечно жить могут только вот такие... люди? — одновременно удивлённо и расстроено спросила Хотару, уже знавшая, что такое смерть. — Нет других способов обрести бессмертие?

С хитрой улыбкой Асахи самодовольно посмотрел на девушку и радостно воскликнул:

— Есть, вот только те, кому удалось достичь его таким образом, об этом умалчивают. Поговаривают, некоторые пытаются изготовить эликсир бессмертия, другие — выплавить пилюлю вечной жизни, а вот из каких ингредиентов их делать — секрет! В легендах об этом ни слова.

Теперь уже Хотару хитро прищурилась.

— Значит, эликсиры и пилюли, — протянула она задумчиво и бросила взгляд в сторону двери.

— О кустах с плодами бессмертия ещё существуют...

Однако Хотару уже не расслышала последние слова Асахи, а воодушевлённо вихрем мчалась к младшему брату. Наконец-то повеселится!

Вот только кто знал, что её розыгрыш затянется на несколько лет...

— Хару! Хару! А ты знаешь, что однажды мы все умрём?! — с этими криками она ворвалась в его покои. Младший тэнгу поначалу перепугался, но Хотару быстро успокоила брата и выложила ему всё, что узнала о бессмертии от Асахи. Конечно же, не забыла приукрасить, сколь важна эта тема — весь их клан сможет жить вечно.

И... Хару загорелся её идеей.

А где логичнее всего изготавливать эликсир? В каком месте можно хранить различные жидкости? Правильно, на кухне. Прекрасный выбор. Не желая терять ни мгновения, Хару незамедлительно покинул свои покои и отправился на кухню, где на протяжении нескольких дней смешивал всевозможные продукты. Только ему забыли объяснить, что если смешать овощной бульон с сакэ, а сливовое вино — с ячменным чаем, то в лучшем случае он получит жидкость странного вкуса, а не какой-то эликсир бессмертия. Хотару же ясно сообщила, что никто не знает, из чего тот изготавливается, ингредиентом может оказаться что угодно, будь то рисинка, неделю отмокающая в дождевой воде, или лист вишнёвого дерева, сорванный под утренними лучами солнца, или даже кровь человека или самого тэнгу — то есть буквально что угодно.

Поначалу кухарки не жаловались на Хару, к его необычным выходкам уже привыкли. Они предположили, что с его доброй натурой он просто хотел что-то приготовить для кого-то из родных, а попросить помощи либо стеснялся, либо решил всё сделать сам. Никто не

переживал, что младший тэнгу переводил продукты, вот только однажды он поджёг кухню. Благо огонь потушили, вот только главе клана Джунъичи, отцу Хару, пришлось наслать тёмные грозовые тучи, чтобы сокрыть дым от пожара в небесах.

Мать защитила младшего сына, не дала наказать его. Наоборот, поощрила его заботу о семье и предложила показать ему кладовую лекаря. Пусть готовит себе эликсиры там, не используя огонь, мало ли какое полезное снадобье изобретёт. Однако ему строго-настрого запретили пробовать приготовленное на вкус. Переживали, что случайно смешает травы, которые в совокупности могут пагубно повлиять и даже отравить. Асами, мать Хару и жена Джунъичи, наказала лекарю приглядывать за её младшим сыном, а также попросила выделить двух простых тэнгу в качестве слуг, которые впоследствии стали друзьями Хару. Асами надеялась, что они будут пробовать эликсиры её сына, а Хару был не из тех, кто подверг бы других опасности.

Зато Хотару повеселилась со всей этой истории. Первое время она сама часто прибегала в кладовую, тоже помогала смешивать зелья, но вскоре ей это наскучило, а Хару сдаваться не собирався.

Некоторое время Хотару подробно расспрашивала Асахи о пилюлях при их последующих встречах. Из рассказов она узнала, что изготавливают их в специальных котлах, используя не только необходимые ингредиенты, но и духовную энергию. Она мало что поняла, но всё пересказала Хару, тот решил сначала перепробовать всевозможные зелья и лишь потом перейти к экспериментам с пилюлями.

Два года пролетели незаметно. Хотару не могла придумать, как бы ещё поиздеваться над младшим братом: тот совершенно не реагировал на её предложения. Порой она начинала жалеть, что рассказ о достижении бессмертия стал целью жизни Хару, даже подумывала сказать, что дворец Кинъу падает с небес, чтобы выманить брата из кладовой, однако не нашла его там. Наконец-то!

Пока Хотару искала Хару по дворцу, тот запасся всевозможными ингредиентами и добрался до кухни с котлом. Специального у него не было, но почём знать, что этот не подойдёт?

Этажом выше в соседнем крыле его отец Джунъичи проводил совет с людьми и другими тэнгу. Те жаловались, что один за другим даймё начинали подозрительно вести себя, иначе общались, принимали странные решения, отдалялись от своих близких, будто в них вселилась нечисть. О даймё Хонда и вовсе последние пару недель никаких вестей, хотя его сыновья говорили, что отец просто занят и вскоре встретится с остальными. Но не только с ним происходили странные вещи, поэтому остальные даймё забеспокоились. На совете также присутствовал Масао, старший сын Джунъичи, который в отличие от отца к людям относился настороженно.

Ничего не знающий об этом Хару ликовал на кухне, скакал вокруг котла, из которого получил небольшой шарик, по форме напоминающий пилюлю из историй Хотару. Смешав кучу продуктов и лекарственных трав, он получил пилюлю бессмертия! Хару ни на мгновение не задумался, что странная масса просто случайно приняла форму шара.

— У меня получилось, получилось! Хотару-онэчан!

Его пепельные волосы, которые несколько дней не расчёсывали, спутались и образовали колтуны, Хару не потрудился завязать их лентой, и так сойдёт. Резким движением руки отодвинул дверь в сторону и собирався уже мчаться на поиски Хотару, но успел только выскочить в коридор. Он совсем забыл потушить огонь под котлом, а тот вдруг

резко поднялся чуть ли не до самого потолка, охватывая деревянные столы пламенем.

Некоторые тэнгу, как и другие ёкаи, могли обладать различными способностями, в том числе управлять элементами. То ли Хару вдруг на радости открыл в себе дар, то ли чья-то ещё невидимая сила вмешалась, однако котёл вдруг взлетел и пробил потолок. Бам-бам! Один удар о стену, хруст, визг. Он пробивал все стены, пока не долетел до зала совета, где вдруг взорвался. Содержимое горячими комьями с хлюпаньем разлетелось в стороны, попадая в присутствующих и людей, и тэнгу, обжигая их и издавая пар. Зал наполнил неприятных запах горелого с примесью горьких лекарственных трав.

— Хару!

Отцу даже гадать не надо было, чьи это проделки. Кто ещё мог стать виновником сего, как не бестолковый младший сын, тем более один раз тот уже сжёг кухню.

— Ой...

Переполненный гневом крик Джунъичи донёсся до Хару, от взрыва валявшегося этажом ниже, заставил сжаться в ещё более напуганный комочек. Младший тэнгу виновато потупил свои красные глаза, как будто бы отец сейчас видел его, но быстро пришёл в себя и вскочил на ноги.

— Отец, я не виноват! Я всего лишь...

Со свистом у его лица пролетело ослепительно белое перо, словно стрела, и вонзилось в стену. Своими оправданиями Хару лишь выдал своё местоположение. Он сглотнул и помчался по коридору, по дороге крича:

— Хотару-онэчан, Мию-онэчан спасите, помогите, я не виноват!

Только Хару отрывал ногу от земли, как в это место попадало острое перо, те уже дорожкой следовали за беглецом. Ором бестолковый тэнгу только помогал найти его.

— Отец, не надо! — продолжал кричать он, как вдруг со всей силы врезался в чью-то широкую грудь. На плечи Хару опустились сильные руки, помогая юноше устоять на ногах, и не позволяя никуда более сбежать.

— Ай, — жалобно протянул Хару и поднял голову.

Перед ним стоял молодой господин, уже сложившийся. Хотя пепельные волосы и были распущены, как у Хару, висели они ровно и аккуратно, идеально выпрямленные и расчёсанные, ни одного колтуна, а при свете из окна отливали ослепительной белизной. Хару ещё по белому кимоно с чёрно-красным узором в виде перьев и листьев, украшенным золотыми и красными крапинками, догадался, что столкнулся с кем-то из семьи, но в лицо взглянул со страхом. Глаза Масао оказались не столь яркими, как у Хару, а скорее имели цвет адзуки, и сейчас сердито шурились и сверлили младшего брата взглядом.

— Хару, — голос Масао звучал очень спокойно, что пугало ещё сильнее, чем злобный крик отца, — ты помешал совету.

Хару бы сейчас с радостью этажом ниже провалился или улетел подальше, как злосчастный котёл.

— Ты понимаешь, что ты натворил?

Голос брата не дрожал, не повышался, но даже так Хару отчётливо слышал нотки недовольства.

— Я... мне очень жаль.

Он сглотнул, не в силах подобрать оправдание. И что ему сказать? «Я хотел, чтобы наша семья жила вечно»? Хару понимал, что подобные советы важны для его отца и всего рода тэнгу. Хотя сам он и не разбирался в этом, но за всю историю практически не существовало

случаев, когда люди и ёкаи жили в мире и согласии, ещё и помогали друг другу, а не пытались убить, будь то охота на нечисть или просто человек на ужин. А он всё испортил.

Хару не стал оправдываться, лишь понурил голову и виновато посмотрел в пол, не пытаясь сбежать.

— Вот ты где, — за спиной раздался сердитый голос отца. Хару вздрогнул и чуть не рванул вперёд, как вдруг руки старшего брата сильно сжали его плечи, не давая сдвинуться ни на шаг.

— Отец, не убивайте! — жалобно заскулил младший тэнгу и зажмурился.

Провалиться сквозь землю или улететь, провалиться сквозь землю или улететь... Стать птицей и улететь! В глазах цвета киновари вспыхнули озорные искорки, Хару начал превращаться, чтобы сбежать от гнева отца, как вдруг всё его тело сковало. Взглядом перепуганный тэнгу метался из стороны в сторону, но не мог сделать ни шагу, даже просто пошевелиться не удавалось. Губы онемели и не поддавались, Хару не издавал ни звука, только дрожал и в ужасе смотрел на брата.

Масао тяжело вздохнул и убрал руки с его плеч, взъерошил и без того растрёпанные волосы. Держать не было смысла, теперь Хару не мог сбежать. Красные ленты связали его руки, ноги, шею. Кусочек ткани стал заметным лишь на несколько мгновений, но как только Хару моргнул, ткань исчезла. Никто не развязывал ленты, те лишь стали невидимыми, перестали быть материальными. Заметной осталась лишь одна — та, что отец завязал Хару на лбу. Бедный тэнгу всё ещё не мог пошевелить губами, оставалось только гадать, что теперь его ждёт. Вдруг он краем глаза заметил, что его ноги остались в переходной форме. Птицей Хару не успел обратиться, но и человеком не остался. С удивлением вместо человеческих он обнаружил три толстых длинных пальца с заострёнными когтями, как у птицы, но говорить не мог, поэтому все жалобы пришлось оставить при себе.

— Масао, приведи мать и сестёр, — строго сказал Джунъичи, лица которого Хару не видел.

— Отец, что вы намереваетесь делать?

— Приведи мать и сестёр, — ещё более сердито повторил тот, не собираясь ничего объяснять.

Масао кивнул головой и удалился, оставив Хару и отца наедине.

— Я устал терпеть твои выходки, Хару, избаловала тебя мать, — отец вздохнул. — Я преподам тебе урок, который ты запомнишь надолго.

После этого он замолчал. Хару говорить не мог, поэтому не дал ответа, а Джунъичи продолжать не собирался. Оставалось лишь гадать, как отец собирался наказать его. Не оставит же вот так стоять несколько месяцев? Время шло, Хару продолжал стоять неподвижно, разглядывая стены и высматривая трещинки — а чем ещё себя занять? Отец прохаживался по коридору за его спиной, но в поле зрения не попадал. Что за решение он придумал, раз избегал смотреть в глаза младшему сыну?

Вскоре звук торопливых шагов донёсся с другой стороны дворца — это мать летела на помощь ребёнку. В следующий миг она кинулась к сыну на шею, прижала его к себе покрепче, поглаживая по спине.

— Хару? — позвала мать, обеспокоенно взглянув на него. — Почему ты не реагируешь?

Тот лишь шевелил глазами, тогда Асами резко перевела взгляд на мужа.

— Почтенный супруг, как это понимать?!

Они друг друга стоили. Если Хару боялся отца в гневе, то Джунъичи пугала его же

собственная жена.

— Я всё решил, Асами, — твёрдо сказал он.

— Что же вы решили, позвольте узнать?!

Неконтролируемые перья вдруг разлетелись в сторону, едва не задев Хару и Джунъичи. Хару услышал, как те вонзились в пол и стены, отец тоже сглотнул.

Масао вернулся с Мию и Хотару, все трое молча встали в стороне. Джунъичи хмыкнул, сложил руки за спиной и произнёс:

— Я изгоняю Хару из дворца Кинъу.

— Вы... что? — ошарашенно переспросила мать бестолкового тэнгу, нахохлилась и сердито двинулась в сторону мужа, пропав из поля зрения Хару. — Да я вас сейчас изгоню!

До острого слуха Хару донеслось тихое бормотание отца:

— Вот знал же, — после чего тот повысил голос и продолжил: — Я всё решил, так будет лучше.

В воздухе раздался свист, за которым последовали удары по стенам и полу. Хотя Хару и не видел, но должно быть, мать выпустила очередную волну перьев.

— Лучше для кого? Для нас? Нам с детьми Хару не мешает, это ребёнок, о котором надо заботиться, — Хару бы сейчас с радостью влез с возмущением, что он не маленький, но говорить по-прежнему не мог. — Для самого него? Почтенный супруг, вы ничему его не учили, только и думали о Масао, а Хару даже меч в руках держать не умеет. Получается, вы просто хотите изгнать его, чтобы лично вам не мешал, но в таком случае просто закройте его в моём крыле, и никаких проблем не будет.

Имена обоих сыновей мать произносила с трепетной любовью, после чего с каждым последующим словом в её голосе отчетливо слышалась годами сдерживаемая злость. Хару растерялся. До него до сих пор не доходило, что значит «изгнать из Кинъу», он всю жизнь жил здесь, на землю ни разу не спускался. Тэнгу только избранных смертных поднимали сюда, поэтому Хару и общался с людьми, но чтоб покинуть дворец... Он не мог себе представить этого.

— Отлично, вот и научится, — рыкнул Джунъичи, не позволяя жене спорить. — Масао, принеси катану, а также лук со стрелами.

— Хару остаётся во дворце.

Третья волна перьев вонзилась в стены, от которых вскоре не останется ничего, кроме дыр.

Младший тэнгу увидел, как Мию что-то шепнула Хотару на ухо, после чего сёстры удалились вслед за братом. Перед уходом Хотару бросила жалостливый и как будто виноватый взгляд на брата, но быстро отвернулась и убежала за старшей сестрой.

Растерянный, не в силах пошевелиться или издать хоть звук, Хару вдруг начал понимать, что такое страх. Если бы он мог дрожать, его бы сейчас всего трясло, но лишь ощущал, как холод сковал всё внутри, сжал, не давая нормально вздохнуть. Нет, Хару не боялся отца; слышал крики — бежал. Не потому что в страхе трепетал перед ним, а просто не хотел попадать под горячую руку, потом отец бы остыл и успокоился. А теперь он не мог спрятаться, ему даже не оставили возможности хоть что-то сказать в оправдание.

— Хару отправляется на землю размышлять над своими поступками.

Отец был непреклонен.

— Хотя бы ленты с него снимите! — вот и мать сдалась, уже стараясь хоть как-то смягчить приговор младшего сына, а не спорила, чтобы его оставили.

— Чтобы он тут же обернулся птицей и вернулся в родное гнездо?

Хотя Хару и не видел лица отца, но прекрасно слышал иронию в его голосе. Звучало как хороший план... Пусть Хару пока ещё сам не додумался до него, но отец слишком хорошо знал его, именно так он бы и поступил.

— Почтенный супруг, вы хотите убить нашего сына? — мать бросила вызов отцу, но и тот не сдавался.

— Почтенная супруга, вы обвиняете меня в убийстве?

— Да! — яростно воскликнула та. — В том, которое вы вот-вот собираетесь совершить и от которого ваша нижайшая супруга пытается уберечь вас!

На некоторое время Джунъичи замолчал, Хару даже хотел вздохнуть с облегчением, решив, что отец передумал и его накажут как-то иначе. Но произошло другое.

— Я делаю из него достойного сына и уважаемого тэнгу.

Голос отца переполняла горечь, в груди Хару всё ещё сильнее сжалось, а в горле встал ком.

— Если он не умрёт, — возразила мать и фыркнула, однако отец использовал её слова как аргумент.

— Если не умрёт, мы будем гордиться им, — после чего он обратился к сыну. — Хару, ты не сможешь снять ленты, пока не станешь достойн...

— Достойным?! — моментально перебила его Асами. — И в какой же момент это произойдёт?!

— Я сейчас и тебя свяжу, Асами.

— Вы и меня выгоняете, почтенный супруг?! — зацепилась за его слова мать, и Хару был уверен, что в этот самый момент она задрала подбородок, хотя этого он не видел. — Отлично, буду жить на земле вместе с Хару.

— Нет, почтенная супруга, вы останетесь здесь и не сможете освободиться, пока Хару не осознает свои ошибки и не вернётся во дворец Кинъу, это послужит отличной мотивацией для него. Верно, Хару?

Ладно, если он сам провинился — не страшно, он примет наказание. Но ни за что не станет впутывать в это близких! И уж тем более мать!

За время перепалок между родителями Масао успел сходить за оружием и вернуться.

— Катана и лук со стрелами, как вы и просили, отец.

— Эй! — возмутилась мать и, должно быть, сердито посмотрела на старшего сына. — Не смей исполнять все прихоти отца.

— Он всё правильно сделал, — возразил Джунъичи и наконец-то появился в поле зрения Хару. Забрал принесённое оружие из рук старшего сына и удостоил младшего своим взглядом. Растерянность, печаль, сожаление, замешательство — всё это отразилось на лице, и именно поэтому отец не смотрел на сына до этого. Сам прекрасно понимал, что Хару ещё птенец и что он с лёгкостью мог бы передумать, но теперь уже пути назад нет.

Катану в ножнах он воткнул сыну за пояс, а колчан и лук повесил на спину. После этого вздохнул и произнёс:

— На земле ты сможешь шевелиться, но в птицу превращаться не сможешь.

— Почтенный супруг! — крикнула разъярённая мать со спины Хару, как вдруг глава клана и хозяин дворца Кинъу поднял руку, а Асами застыла на месте.

Джунъичи поставил руку сыну на плечо, его пальцы дрожали, Хару прекрасно это чувствовал, а вот голос оказался твёрдым и спокойным.

— Прощай, сын. Надеюсь, вскоре мы увидимся.

— Отец, подождите! — одновременно закричали запыхавшиеся сёстры Мию и Хотару и примчались к семье. Старшая крепко обняла Хару, понимая, что отец уже не изменит своего решения, а Хотару привязала ему на пояс мешочек с красной лентой — символом тэнгу, затем тоже обняла младшего брата.

Не говоря более ни слова, отец поднял руки перед собой, дожидаясь, пока все отойдут. Асами сверлила его сердитым взглядом, но оставалась беспомощной — такой же, как и Хару. Джунъичи скрестил ладони, после чего резко развёл руки в стороны. Пол под ногами Хару исчез, а сам Хару полетел вниз.

Теперь он снова мог шевелиться, говорить, кричать, но не мог обернуться птицей и взлететь.

— Отец, я виноват! Матушка, спасите меня, верните домой!

Так тэнгу стал бездомным.

*онэчан (яп.) — старшая сестра

Глава 2. Храм оказался логовом монстра

Выброшенный из гнезда птенец, лишённый возможности летать, напуганный и растерянный, падал вниз, совершенно не представляя, что делать. И кричал. Звал отца и мать, брата и сестёр, друзей начал вспоминать, а затем и всех знакомых перечислять. Земля приближалась. Он в панике закрыл глаза и сильно-сильно сжал их, но этого было мало, поэтому ещё и руками прикрыл, чтобы спрятаться от страха, и упал на что-то мягкое, словно под ним расстелили покрывало. Хару не успел среагировать и опомниться, как вдруг отскочил и полетел дальше, но на этот раз с грохотом приземлился на крышу небольшого тёмного домика. Пока он махал руками и пытался за что-нибудь ухватиться, крыша хрустнула и провалилась под ним. Хару упал, застонал и, скорее от пережитого страха, чем от боли, потерял сознание.

Сколько времени прошло, он понятия не имел, но когда очнулся... Нет, не запаниковал, не начал возмущаться из-за отца, а перевернулся на другой бок, сладко зевнул и чуть снова не вырубился. Но возникла проблема: Хару попытался подложить под голову руки, а те не поддались — кто-то связал их прочными верёвками за его спиной.

Хару резко сел. Потереть заспанные глаза не было возможности, поэтому он сильно зажмурился и ещё раз зевнул, стараясь прийти в себя. В комнате не находилось никаких фонарей, свечей и других источников света, свет падал лишь из окна соседней — и то его почти полностью завесили.

Оглядевшись по сторонам, Хару заметил миниатюрный деревянный дворец на стене с красивой изогнутой крышей — дворец Кинью выглядел похоже снаружи, только превосходил в размерах и смотрелся куда более величественно. Над ним висела толстенная верёвка, с которой что-то свисало. Хару разглядел только ветви незнакомого ему дерева и небольшие чаши. Он попытался подняться, но с грустью заметил, что его ноги так и остались в переходной форме и видом напоминали птичьи. Некоторое время он посидел на холодном полу, продолжая оглядываться по сторонам, но вскоре это наскучило. В комнате не находилось практически никакой мебели, а сам Хару успел замёрзнуть, поэтому вновь попытался подняться, как вдруг с грохотом упал на пол. Его ноги тоже привязали.

— Отец, вот так вы решили наказать меня? — жалостливо проскулил несчастный тэнгу и вздохнул.

Пусть отец лишил его возможности превращаться птицу, но, возможно, что-то ещё Хару мог. Увы, ни меча, ни стрел при нём не оставили, но не они были главным оружием тэнгу. Хару зажмурился и сконцентрировался. Пока он сводил брови и напрягался, в его руке материализовалось перо — такое же пепельное, как и его волосы.

— Повезло, — с улыбкой пробормотал Хару. Хотя бы этого отец не лишил его, оставив возможность выбраться из критичной ситуации. Может, в реальной битве он и не сумеет сразу попасть в нужную цель, но хотя бы сейчас избавится от верёвок... или нет.

Руки Хару были связаны за спиной, поэтому он не видел, где именно резать, и делал это вслепую, как вдруг резанул себя по руке. Та тут же зашипала, из раны потекла кровь.

— Ай!

Он попытался перевернуть перо и достать до верёвки, но вновь попал по руке уже в другом месте, ближе к пальцам. Не привыкший к боли Хару шмыгнул носом, на глазах выступили слёзы, из-за чего ему пришлось заморгать, чтобы не расплакаться. Кровь текла по

рукам, отчего те стали скользкими, и Хару уронило перо.

И не просто уронил — то попало ему в ногу. Благо, кидал он не со всей силы, а лишь случайно уронил, и, спасибо отцу, теперь его ноги были не нежными человеческими, а огрубевшими птичьими. Хоть во второй раз Хару поранился не так сильно, однако он всё равно зашипел.

— Отец, за что вы так со мной!

— С чего ты взял, что тебя связал отец?

— Кто тут?!

Удивлённый женский голос так перепугал Хару, что он забыл о своих порезах, резко подскочил и, не устояв, ещё и верёвки мешали, вновь грохнулся на пол. Боль от падения отдалась во всех частях тела, Хару нахмурился и посмотрел в сторону, откуда говорили.

В нескольких сяку* от него стояла невысокая девушка, по голосу и по виду в полумраке примерно его возраста, хотя лица он нормально не разглядел.

— Ты кто?

Теперь, когда Хару нашёл говорящую, он сверлил её взглядом и старался не моргать, вдруг убежит. Та не спешила с ответом, вздохнула, прошлась по комнате и всё-таки сказала:

— Я тут живу.

— А я бездомный тэнгу, очень приятно.

Хару не сомневался, что услышал смешок, но не спешил расстраиваться и возмущаться. За смешком раздалось и тихое бормотание:

— Тэнгу, значит... — она издала чавкающий звук, как будто попробовала на вкус некое блюдо и облизнулась, затем уже громче добавила: — А имя у бездомного тэнгу есть?

— Хару, — ответил он, не тратя ни мгновения на раздумья. — А тебя как зовут?

Она вдруг замерла на месте, перестала бродить по комнате и села на корточки прямо перед ним, а её губы растянулись в широкой улыбке. И не просто широкой, а широченной! Хару такую раньше не видел. Казалось, улыбнись она чуть сильнее, и губы порвутся.

— Зачем тебе моё имя?

Она так сильно наклонилась к нему, что её нос едва не коснулся его шеи, вдобавок, обдала его своим горячим дыханием. Хару резко отпрянул назад и ударился спиной о стену.

— Не хочешь говорить — не надо! — дрожащим от растерянности голосом произнёс он, испуганно разглядывая девушку и не понимая, чего та добивалась. Сама спросила его имя, а своё говорить не хотела. — Хочешь, я расскажу тебе, как стал бездомным?

— Нет, — ответила она мгновенно.

— Нет? — удивился Хару, страх вмиг исчез. — Почему? Это интересная история.

Он не просто попытался перевести тему, а собирался рассказать нечто важное для него.

— Мне неинтересно, — усмехнулась девушка и поднялась на ноги, после чего двинулась в сторону прохода в другую комнату.

— Ты передумаешь, как только услышишь, — кинул ей вдогонку Хару.

— Сомневаюсь! — крикнула из соседней комнаты хозяйка дома... или храма?

Некоторое время Хару сидел на полу, пытаясь нащупать перо, чтобы всё-таки перерезать верёвки, но, сколько ни водил руками, так и не сумел найти. Вскоре, ступая бесшумно, вернулась уже знакомая девушка и присела перед Хару. Себе на ноги она положила какие-то тряпки, от которых оторвала несколько полосок и взяла тэнгу за руку.

— Что ты делаешь? — спросил он, с подозрением наблюдая, как влажной тряпкой она протёрла его руки и смыла кровь, а лоскутками замотала порезы.

— Не хотелось бы, чтобы ты истёк кровью прежде, чем я тебя съем.

На её лице застыла столь невозмутимая улыбка, что Хару и сам засмеялся, решив, что она шутит.

— Теперь ты готова услышать историю о том, как я стал бездомным?

Продолжая сидеть на полу, она взгляделась в его лицо и прищурилась, что-то высматривая. Некоторое время они сидели в тишине, как вдруг девушка схватилась за живот и разразилась смехом.

— Нет, серьёзно, это единственное, что тебя волнует? Не где ты оказался, не кто я такая, не почему ты связан, в конце концов?

Она перестала смеяться и вновь с интересом уставилась на Хару. Тот бы сейчас развёл руки в стороны, будь они свободны, но в итоге потупил голову и сказал:

— Это тоже. Ещё мне интересно, как ты появилась передо мной... То есть, я даже не заметил тебя. В той стороне же нет дверей или других ходов? И как тебя зовут?

— Я приползла, — усмехнулась девушка и вскинула свои брови. Она так выразительно это сделала, что Хару даже в полумраке сумел разглядеть.

— Я не видел, чтобы тут кто-то ползал, — задумчиво произнёс он. Вряд ли бы он не заметил ползущую перед ним девушку, даже пока пытался перерезать верёвки.

— Кто-то очень невнимательный.

— Сама такая! Ты же не змея, чтобы незаметно проползать.

Девушка, что так и не назвала своего имени, сильно напоминала Хотару. Сестра также передразнивала Хару, ни разу не давала ему победить в словесных перепалках, также отвечала лишь на часть предложения или с лёгкостью переводила тему. Хотя она и была старше, даже не думала переставать шутить над братом. Хару всего ничего провёл на земле, а уже скучал по родным. Последние недели он не так часто виделся с Хотару и другими членами семьи, так как целыми днями торчал в кладовой, ища способы обрести бессмертие.

— Надо найти Асахи! — вдруг осенило Хару, он даже подскочить попытался, но снова запутался в верёвках и упал на больное место.

Хозяйка молча смотрела на него, не задавала ни единого вопроса и не помогала подняться.

— Ты не знаешь, где живёт Асахи? — с надеждой поинтересовался Хару, уверенный, что та точно знает, о ком он говорил, будто тот был единственным человеком на земле.

— Я даже не знаю кто это.

— Помоги мне найти Асахи, пожалуйста, — жалобно попросил Хару. Мысль найти друга осталась единственной в его голове, она могла стать спасением и путём домой. Асахи точно придумает, как Хару вернуться, а если нет, то хотя бы приютит на время.

— Почини мне крышу для начала, — вдруг потребовала девушка и, не дав возразить, добавила: — Которую ты же и пробил.

— Когда? Я... — Хару вдруг запнулся, осознав, что вполне мог приземлиться на крышу, пока падал из дворца Кинъу. — Ты развяжешь меня?

— Поклянись, что не сбежишь, — потребовала она, по-прежнему сидя на полу.

— Клянусь.

В её руке вдруг оказался нож, блеснувший в полумраке. Хару не увидел, откуда девушка достала его, то ли в рукаве прятала, то ли где-то ещё. Она с лёгкостью перерезала толстые верёвки, а Хару принялся разминать затёкшие руки.

— Только я не знаю, как чинить, — притихшим голосом виновато пробормотал он и тут

же перевёл тему: — А ты живёшь в храме?

Взгляд Хару зацепился за стену, которую он поначалу разглядывал, когда только очнулся здесь.

— Бездомный тэнгу так из-за алтаря подумал? — издевательски протянула девушка и усмехнулась. — Они и в обычных домах бывают, но, пожалуй, это место можно и храмом назвать. Инструмент в пристройке снаружи.

— Ты не покажешь? — с надеждой спросил Хару, не имевший ни малейшего понятия, как мог выглядеть инструмент.

— Сам найдёшь.

Хару поднялся на ноги и вышел в другую комнату, которая одновременно служила и кухней, и прихожей. По всей видимости, пользовались ей редко: в свете отдельно падающих лучей Хару заметил горстки пыли, перемешанные с чем-то ещё. Это что-то также оказалось и на полу — тэнгу с хрустом на что-то наступил. По всей кухне была раскидана скорлупа от яиц. Хотя проход наружу сразу бросался в глаза (там просто не было двери), Хару всё равно огляделся по сторонам, заметив другую дверь за спиной.

Любопытный тэнгу уже собирался проверить, что за ней, как вдруг девушка крикнула:

— Нашёл инструмент?

— Ещё нет.

— Не можешь выход найти? — захохотала она и с весёлой улыбкой показалась на кухне.

— Я нашёл его! — её предположение так смутило Хару, что его вдруг бросило в жар, а щёки покраснели. Резко, словно стрела, он вылетел наружу, не позволяя и дальше позорить себя.

Яркий свет ударил в глаза, пришлось прищуриться. Хару не привык к тёмным помещениям, во дворце Кинью всегда было светло, за исключением ночи, но с рассветом глаза быстро привыкали к солнечному цвету. А в этом маленьком храме зачем-то завесили окна и не открывали их даже днём.

Очень быстро Хару привык к солнцу и наконец-то смог открыть глаза. Храм окружал высокий забор, по всей территории росла высокая трава, за которой никто не следил и не подрезал. Во дворце Кинью хоть и находился достаточно крупный внутренний двор с множеством деревьев и других растений, но за ними там как следует ухаживали, а здесь росли какие-то непонятные кусты без плодов. Деревьев на территории храма не было, хотя Хару увидел их верхушки за забором. Сам храм представлял собой небольшой деревянный домик, которому уже шёл не один десяток лет. По сравнению со светлым персиковым дворцом Кинью с золотыми крышами храм выглядел тёмным и мрачным, наверняка тут грустно жилось, Хару даже мысленно пожалел девушку. Более того, весь храм был обклеен множеством прямоугольных бумажек с незнакомым Хару иероглифом. Висели они не только на домике, но и на заборе. Он с любопытством подошёл и сорвал один из листов, чтобы потом уточнить у хозяйки, что это такое.

Рядом с храмом стоял совсем крошечный домик, который, по всей видимости, девушка и назвала пристройкой. Хару подошёл и приоткрыл дверцу, от небольшого дуновения ветерка сразу поднялась пыль, от которой тэнгу закашлялся. Внутри находились какие-то деревянные и даже железные инструменты, но Хару не имел ни малейшего понятия, как ими пользоваться.

Он собирался позвать девушку «онэчан», но вдруг задумался, что она могла быть и младше его, значит, обращаться к ней как к старшей сестре было бы странно. Раз своего

имени она не назвала, то не оставалось ничего, кроме как...

— Хозяйка, а чем крышу чинить?

Конечно, ещё он мог назвать её мико. Раз она жила в храме, то, вероятно, была жрицей.

— Как будто я знаю.

Её голос прозвучал совсем близко, Хару обернулся и заметил, что девушка стояла на пороге храма, однако переступить его и выходить на улицу не спешила. При солнечном свете он наконец-то смог разглядеть её густые чёрные волосы, бледно-серое кимоно с чёрным узором и прекрасные большие золотистые глаза. Стоило взглянуть в них, как он вспомнил цветки ямабуки**, которые как-то принёс Асахи для него и Хотару. Во дворце Кинъю такое растение не встречалось, Асахи рассказывал, что нарвал цветы в горах, они имели светлый жёлто-оранжевый цвет, а их название означало «дыхание горы», если Хару правильно запомнил и ничего не перепутал.

Быть может, в полумраке храма её глаза напомнили о цветках ямабуки, поэтому тэнгу сразу вспомнил Асахи, хотя на тот момент цвет её глаз вроде бы и не разглядел.

— Возьми какую-нибудь доску и прибей её, чтобы в дождь не протекало, — добавила она, вытягивая шею и стараясь разглядеть, что там находилось в пристройке. — Мне всё равно, как это будет выглядеть, вряд ли тут найдутся нормальные материалы. И кого волнует, в каких условиях тут живёт...

Её голос вернул его в реальность, иначе бы он так стоял и разглядывал её.

Последнее предложение она так тихо сказала, что Хару услышал лишь отрывками, но переспрашивать не стал, и так смысл не уловил. К счастью, доски тут тоже имелись, поэтому Хару выбрал две самые крупные и взял их в руки, а вот чем их крепить — не придумал. Он напряг ноги и с лёгкостью запрыгнул на крышу — хоть какая-то польза от его нынешних ног-лап. Дыра, в которую провалился Хару, когда свалился с неба, оказалась не такой уж и большой. Одной доски оказалось достаточно, чтобы просто закрыть её. Хару просто положил её в надежде, что ту не сдует ветром, и спрыгнул на землю, вернув вторую доску в пристройку.

— Я закончил, — с гордостью заявил он, подходя к храму и радостно глядя на хозяйку.

Та старалась спрятать улыбку и подавить смешок, но не удержалась.

— Что, так просто?

— В дождь узнаем, — насупился Хару, не понимая, что сделал не так.

— Будешь ждать со мной дождя?

— Да... Если ты не сможешь найти Асахи, то мне всё равно больше некуда идти.

Хару считал невероятным везением, что он познакомился именно с этой девушкой, а не человеком, охотящимся на ёкаев и другую нечисть. По рассказам и родных, и людей, на земле таких много, и не все знали, что тэнгу и люди заключили мир. Другие же ёкаи питались плотью и душами людей, а люди в свою очередь охотились на ёкаев, не все желали жить в мире, поэтому и добрый миролюбивый Хару мог попасть в беду.

— Цюю*** не скоро настанет, а мелкие дожди редко приходят.

— Тогда зачем ты попросила меня починить крышу? — с неподдельным изумлением поинтересовался Хару, а девушка снова не смогла удержаться и звонко захохотала, продолжая стоять на пороге. Смущённый тэнгу не спешил заходить внутрь.

— Не думала, что ты надолго удержишься, — загадочно ответила хозяйка, но подвоха в её словах Хару не уловил, хотя по её интонации какой-то скрытый смысл там присутствовал. — Проголодался?

— Очень, — тут же согласился Хару и вдруг почувствовал, как заурчало в его животе.

— И я умираю от голода, — пожаловалась девушка и широко улыбнулась. — Заходи, поедим.

Она отступила в сторону, желая пропустить тэнгу в храм. Тот не обратил внимания на её изучающий взгляд, как и не заметил хищного оскала, и уже собрался зайти, как вдруг что-то ударило его по спине.

— Ай! — воскликнул Хару, как что-то грохнулось на землю. Перед ним лежал оранжевый плод, который тэнгу с удивлением поднял и повертел в руках. — Это хурма?

— Глупости, хурма не растёт весной, — возразила девушка, с подозрением прищурилась и огляделась по сторонам. — Пойдём внутрь, наверное, люди решили поиздеваться над нами.

— Разве ты не мико? — Хару обернулся на неё. — Люди не уважают жриц храма?

Некоторое время они стояли в тишине, пока до девушки с глазами цвета ямабуки доходил смысл его слов, после чего она разразилась громким и заливным смехом.

— Я что-то не так сказал? — тэнгу смутился и вновь покраснел.

— Ты считаешь меня мико? — переспросила она, продолжая смеяться, её неестественно широкая улыбка пугала. — Ладно, можешь и так называть. Пойдём внутрь скорее, я думаю, это недоброжелатели кинули в тебя хурму.

Пока тэнгу мялся на месте и пытался решить, следовать ему за девушкой в храм или же проверить, откуда взялась хурма, как вдруг второй твёрдый плод прилетел ему в спину.

— Ауч! — возмутился Хару и резко обернулся. — Я пойду поговорю с твоими недоброжелателями.

Хозяйка храма резко развернулась, ударила руками по стене и зашипела:

— Нет! Вернис-сь!

Хару уловил в её голосе нотки злости и страха и обернулся, заметив ужас во взгляде.

— Не переживай так за меня.

Он улыбнулся и уверенно пошёл в сторону, откуда кидали хурму. В груди разливалось тепло: оказывается, приятно, когда кто-то так сильно переживал за него. Он всего лишь хотел узнать, почему люди обижали несчастную жрицу, а она, должно быть, испугалась, что и ему достанется. Он радовался, думая о том, с какой хорошей девушкой познакомился. Бедный наивный Хару...

Тэнгу с уверенностью перепрыгнул через забор, снова радуясь своим птичьим ногам и не чувствуя боли от недавних ран, огляделся по сторонам. Прямо у ног лежала хурма, которую Хару поднял и покрутил в руках — выглядела вполне нормальной. На тропинке в кэне**** от него лежал ещё один плод, такой яркий, что сложно не заметить. Хару подошёл к нему и тоже поднял, в следующем кэне лежал очередной, а за ним и третий. Хурма вела его куда-то по тропинке. Некоторое время тэнгу набирал плоды в руки и двигался вперёд, но вскоре удерживать их стало сложно, а со стороны храма раздался едва доносящийся голос хозяйки, переполненный жалости:

— Хару?

Хару посмотрел вперёд — след из хурмы не кончился — и вздохнул, после чего развернулся и пошёл в сторону храма. Если недоброжелатели вернуться, он обязательно выйдет и попросит не обижать жрицу, а пока не будет пугать её и заставлять переживать. Хару с лёгкостью перепрыгнул через забор и подошёл к входу с радостным восклицанием:

— Хозяйка, я вернулся!

Он постучал ногами-лапами по земле, чтобы стряхнуть грязь, лишь затем переступил порог. Жрица исчезла.

— Хозяйка?

В кухне-прихожей её не оказалось, поэтому Хару заглянул в ту самую комнату с алтарём, в которой недавно очнулся. Девушка сидела на полу, обхватив колени руками и уткнувшись носом между ними.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Хару и опустился рядом, продолжая держать хурму в руках.

На него уставились два золотистых глаза, чья обладательница что-то тихо прошептала. Хару не услышал и наклонился.

— Я голодна, — повторила она.

Жрица широко улыбнулась и открыла рот, тэнгу успел заметить четыре острых клыка и хищный взгляд, как та с пронзительным шипением резко подалась вперёд.

*Сяку = 30,3 см

**Ямабуки (яп. ヤマブキ、山吹) — листопадный кустарник керрия, растёт в Японии и Китае

***Цюю (яп. 梅雨) — сезон дождей, приходится на июнь-июль

****Кэн = 1,81 м

Глава 3. Или логово монстра оказалось храмом?

Холод сковал несчастного белого тэнгу, который почувствовал себя добычей и застыл на месте от испуга, не зная, куда податься и что сказать. Хурма рассыпалась по полу, покатила в разные стороны, вместе с ней выпал и лист с иероглифом, который Хару успел сорвать с внешней стены храма. Неведомым чудом шуршание отвлекло хозяйку, она застыла на месте и перестала моргать, тупо пялясь в лист. Хару не успел прийти в себя, поэтому тоже молчал, не решаясь сдвинуться с места. Как только он сглотнул, девушка уставилась на него уже потеплевшими глазами цвета ямабуки.

— Откуда ты это взял?

Её переполненный изумлением голос прозвучал очень тихо, она наклонилась и попыталась дотронуться до помятого прямоугольного листа, как вдруг резко отдернула руку.

— Хару, ты сам его сорвал?

— Простите, пожалуйста, я не хотел... — растерянно произнёс он и виновато опустил голову.

— Нет, Хару, скажи, ты сам это сделал? Своими руками?

— Мне очень жаль...

Он уже начинал думать, что, сорвав лист, провинился точно так же, как с котлом во дворце Кинъу, прилетевшем на совет и там взорвавшемся. Отец выгнал его из дома, а как поступит жрица? Ему же не показалось, что она хотела съесть несчастного тэнгу? Бедняга не понимал, с каких пор люди питаются ёкаями (а он не сомневался, что девушка была человеком), но и спрашивать боялся.

— А другие сорвать можешь?

Слова её Хару услышал, но понять их смысл не мог, уверенный, что поступил неправильно.

— Хару! Ты можешь сорвать другие печати?

— Сорвать? — испуганно переспросил он, словно птенец, выпавший из гнезда и столкнувшийся с опасной куницей. — Я думал, что испортил что-то важное...

Утром устроил переполох во дворце Кинъу, а теперь сорвал какую-то печать в маленьком храме доброй девушки. Видимо, не просто так Хару стал бездомным — только и делал, что всё портил. Отец был прав, что выгнал младшего сына из дома, иначе бы со временем там остались бы одни развалины.

— Эй, возьми себя в руки или крылья, что у тебя там? И попробуй сорвать другие!

Растерянный Хару продолжал сидеть на полу и непонимающе глядеть на хозяйку храма, как та вдруг схватила его за рукав и резко встала, потянула за собой.

— Идём-идём!

По воодушевлённому взгляду, торопливой интонации и нетерпеливым жестам Хару ощутил, как изменилось её настроение. До этого девушка переживала и злилась, даже напомнила хищного зверя (из людей Хару близко общался исключительно с Асахи, другие ровесники не посещали дворец Кинъу, но по рассказам о людях сложилось иное впечатление), а теперь она спешила. В золотистых глазах теплилась надежда.

Хару не обладал силой и мудростью, как отец и старший брат Масао, не владел оружием, не мог похвастаться какими-то особыми талантами, зато умел считывать эмоции. Не все, но какие-то яркие вроде радости и грусти, злости и страха, отвращения и восторга он

замечал. Порой мог даже не смотреть на собеседника и чувствовать, что тот переживает. Однако если тот прекрасно контролировал свои эмоции, то и Хару был бессилён, чем зачастую пользовалась Хотару, наигранно рыдая. Когда он видел слёзы сестры, то ни капли не сомневался, что ей грустно или больно.

Невысокая и хрупкая на вид девушка с лёгкостью оторвала Хару от пола, подняла его на ноги и вытолкала сначала на кухню, а затем и наружу.

— Вот, сорви его.

Не высовывая руку, она указала пальцем в сторону ближайшей печати. Тэнгу с неуверенностью сделал несколько шагов по траве и дотронулся до желтоватого листа, повернув голову в сторону жрицы. Её большие золотистые глаза следили за каждым его действием, губы не сложились в улыбку, а сжались в предвкушении. Хару дёрнул печать, та с лёгкостью оторвалась и оказалась в его руке.

— Снимай все! — радостно воскликнула девушка и рассмеялась, прислонилась спиной к стене и опустилась на пол.

Он потянулся к следующей, та также легко отделилась от шероховатой поверхности и оказалась в его руке, затем другая. Хару обошёл весь храм и вернулся к хозяйке с довольно крупной стопкой печатей — он складывал их в правой руке и подпирал подбородком, в то время как левой срывал, а теперь приходилось поддерживать.

— Куда их? — спросил Хару, боясь сделать что-то не так, но чувствовал себя уже спокойнее.

— Сожги их! — решительно заявила девушка, всё это время сидящая перед порогом и пристально следящая за тэнгу. — Только в храм не носи.

— А где мне их сжигать?

— На траве, — беспечно ответила жрица, этот вопрос её вообще не волновал.

— Она же загорится...

А вот Хару хватило неудачного пожара на кухне, снова рисковать он не намеревался. Мало ли, перья отца и досюда достанут.

— Меня не волнует, что произойдёт с этим местом.

Она поднялась с пола и встала прямо перед порогом, но как будто невидимая стена не пускала её наружу, девушка так и осталась стоять на месте. На лице отразилась досада. Нахмурившись, она повертела головой в разные стороны и попросила:

— Сорви ещё все печати с забора.

Раз она была хозяйкой этого места и жила тут задолго до Хару, то наверняка лучше понимала, что делать. Тэнгу оставил печати со стен храма на земле, а сам прошёлся вдоль забора, срывая каждый лист, затем положил их к остальным. Взгляд девушки метался из стороны в сторону, она сама продолжала стоять на месте, всё ещё не переступая порог.

— За забором тоже срывать? — поинтересовался Хару, уже догадавшись, что снять нужно абсолютно все.

— Там тоже есть? — удивилась хозяйка и изогнула брови. — Да, срывай все, и побыстрее.

Хару заметил эти печати, ещё когда за хурмой ходил, поэтому перепрыгнул забор и обошёл весь с внешней стороны. В отличие от пожелтевших и помятых ветром печатей на территории храма здесь висели как старые, так и новые, на некоторых чернила оставались яркими, как будто их нанесли совсем недавно. Хару сорвал все до единой и сложил их в общую кучу.

— Я не буду сжигать их на траве, — твёрдо заявил он, наученный горьким опытом жизни.

— Ты уверен, что сорвал все? Точно ни одной не осталось? — обеспокоенно уточнила девушка, пытаясь высунуть нос за пределы храма, но порог так и не переступила.

— Уверен.

Если нигде не осталось спрятанных печатей, то все остальные Хару сорвал.

— Ладно, неси их сюда и кидай в ситирин.*

Тэнгу опустил на корточки и принялся складывать печати обратно в стопку, которую ветер уже успел раздуть и раскидать по земле. До этого Хару приносил их за три захода, а теперь куча печатей уже сложилась в стопку выше него, а несколько листиков ещё и по траве разлетелись. За раз все перенести не получится, поэтому Хару снял верхнюю часть и поставил её рядом. Теперь, когда он мог подбородком доставать до верхушки, то положил его на верхнюю печать, а сам ухватил снизу сколько смог, с трудом поднял и потащил в сторону храма.

Жрица тут же сиганула в соседнюю комнату с алтарём, как будто Хару нёс к ней отраву.

— А где ситирин? — с трудом пробормотал Хару. Так как подбородком приходилось придерживать верхние печати, шевелить нормально челюстью он не мог, вдобавок, не знал этого слова. — Как она выглядит?

— Ты заметишь огонь.

Оказавшись в помещении, Хару сразу увидел крупный чёрный предмет, напоминающий большое ведро, но с открытым верхом и толстыми стенками. Над ним возвышался огонь, а внутри потрескивали дрова. Должно быть, это и был ситирин, к которому Хару подошёл и попытался опустить печати.

— Ай! Больно! — вдруг закричал он, когда ладонью случайно коснулся пламени.

— Что ты делаешь, глупый тэнгу? — возмутилась хозяйка храма, но к кухне не приближалась. — Просто кинь их в ситирин!

— Если кину, то переверну ситирин, а медленно опустить не могу — слишком горячо! — посетовал несчастный Хару. Обожжённую руку погладить не мог, так как продолжал держать печати.

Он поставил стопку на пол и сразу подул на ладонь, в глазах тоже защипало от боли.

— Сожги ты их уже! — завывала из соседней комнаты девушка и молящим голосом добавила: — Пожалуйста!

Хару слабо улыбнулся, наклонился, здоровой рукой поднял несколько печатей и аккуратно опустил их в ситирин. В следующее мгновение пламя жадно обволокло листья, края сразу почернели, в воздухе поднялся дым, да с таким противным запахом, что Хару закашлялся и отошёл в сторону. Дым оказался едким и чёрным, пришлось попятиться из кухни на улицу.

— Кхе... Почему такой... дым? Кхе-кхе, — прикрыв лицо рукой и продолжая кашлять, спросил задыхающийся тэнгу. Слишком сильно привык к чистому и свежему воздуху за всю свою жизнь во дворце Кинью.

— М-м, от чернил, — неуверенно ответила жрица и уже громче крикнула: — Жги всё!

— Я сейчас, кхе-кхе, задохнусь, — пожаловался Хару, уже успевший выбежать на улицу, желание возвращаться в храм пропало.

— Сначала сожги там всё, а потом задыхайся в удовольствии!

Тэнгу догадывался, что эти печати были чем-то важным, возможно, даже

судьбоносным, не просто так жрица желала от них избавиться. Но если доброй девушке станет лучше от этого, то Хару поможет. Раз это то, чего она хочет, он сожжёт всё до последнего листа.

Прикрыв обожжённой рукой нос (заодно мысленно порадовавшись, что хотя бы тот не успел стать клювом), Хару вернулся в кухню и закинул ещё пачку печатей, затем сразу выскочил наружу. Чёрный дым уже стоял не только в храме, но и валил через единственную открытую дверь.

— Мико, а ты сама там не задохнёшься? Не хочешь выйти? — забеспокоился Хару, осознав, что сам-то он хоть как-то может отдышаться.

— Нет-нет, я подожду, когда всё сгорит.

Не похоже, чтобы она страдала или умирала, переживать не о чем.

Пока воздух во дворе наполнялся чёрным дымом, Хару поднимал валявшиеся на траве печати и складывал их в две стопки, которые он смог бы поднять и донести. Аккуратно разложил, присел рядом и взял одну из печатей, с интересом изучая написанное. Родители не считали нужным заставлять его изучать грамоту, хотя какие-то иероглифы он знал и даже мог читать и писать, но далеко не все.

Оказалось, крупный иероглиф находился лишь на одной стороне, а на обратной из мелких складывалось целое предложение. Но написали их настолько небрежно, вдобавок, добавили непонятных линий, которые скорее служили узором, нежели словами, что Хару и их не мог прочитать.

— Бездомный тэнгу, ты куда пропал? — обеспокоенно позвала жрица, но нос из храма не высунула. — Там ещё не всё догорело.

Он бросил взгляд на дым, по-прежнему вылетающий из кухни, и нахмурился — не хотелось возвращаться. Но не успел что-либо сказать в ответ, как голос девушки прозвучал более тревожно:

— Хару? Хару, ты здесь?

В груди тэнгу вдруг всё сжалось, и не от страха, как когда его выгонял отец, а от неведомого ранее чувства. Что это? Жрица подумала, что Хару оставил её и сбежал, и от одного представления об этом ему стало грустно? Он не понимал, почему внутри всё так заняло.

— Я собираю остальные печати, — в итоге ответил он и поднял вторую стопку, также придерживая её подбородком. Обожжённая рука пощипывала, из-за чего Хару хмурился, но пытался не обращать внимания.

Стараясь глубоко не вдыхать, он вошёл в храм и опустил печати на пол рядом с первой стопкой. В ситирине от листов ничего не осталось, поэтому Хару подхватил побольше и закинул в огонь, а сам тут же улизнул обратно на воздух. Чтобы не тратить время впустую, он сначала сложил оставшиеся листы в третью стопку, а затем вновь обошёл храм, проверяя, не упустил ли хотя бы одну печать, на всякий случай осмотрел забор, проглядел, не затерялись ли какие-то отдельные.

Через некоторое время он всё-таки заставил себя зайти обратно в храм, прикрыв нос рукавом, закинул ещё пачку печатей и выбежал обратно.

— Ты так весь день будешь бегать туда-сюда, — подала голос жрица из комнаты с алтарём. — Брось всё из ситиринна на пол, пусть горит!

— Я не буду сжигать дом мико, — отозвался Хару, посчитав это чем-то зверским.

— Но я хозяйка и сама прошу тебя об этом! — говорила она с недовольством. Тэнгу

вздохнул, вернулся в храм, закинул ещё пачку печатей в ситирин и заглянул в соседнюю комнату.

Окружённая хурмой, девушка с золотистыми глазами сидела в противоположном от входа углу, обхватив колени руками и покачиваясь из стороны в сторону.

— С тобой всё в порядке? — от её болезненного вида Хару забеспокоился. — Тебя вывести на улицу?

— Нет! — её испуганный взгляд впился в его лицо. — Сначала сожги всё, потом поговорим.

Хару переминался с ноги на ногу, не зная, послушаться её или всё-таки разузнать подробнее.

— После этого ты объяснишь мне, зачем я сжигаю печати? — всё-таки задал он вопрос, догадываясь, что по каким-то причинам она не могла сделать этого сама. Хозяйка нахмурилась и вздохнула, но всё-таки ответила:

— Объясню и послушаю историю, как ты стал бездомным — что угодно, только избавься уже от печатей.

Она говорила быстро, подгоняя его.

— Мою историю? — Хару подумал, что ослышался, как вдруг воодушевился и выбежал на кухню. — Я скоро вернусь!

Наконец-то она согласилась! Тэнгу невероятно обрадовался, подхватил побольше листов печати, закинул их в ситирин и выскочил во двор. Ветер вновь раздул верхние листы, Хару мигом подобрал все, обхватил стопку руками и потащил на кухню, где собирался поставить на пол, но поторопился и случайно выронил. Глухой звук удара донёсся и до жрицы, Хару услышал её бурчание, за которым последовал крик, когда несколько печатей залетело в комнату.

— Убери! Убери!

Не собираясь пугать её, тэнгу шмыгнул в комнату и подобрал листы, что так пугали хозяйку храма. Она уже не просто сидела на полу, а привстала, подняла руки и прижалась спиной к стене, изогнувшись, словно дикий хищник. Хару даже с другого конца ощущал напряжение и страх. Он виновато спрятал печати за спиной и негромко спросил:

— Они пугают тебя?

Но та как будто не слышала слов тэнгу, её взгляд метался из стороны в сторону, будто выискивал завалившиеся в щели или спрятавшиеся где-то ещё печати. Хару вернулся на кухню и опустил в ситирин листы, что держал в руках, а вместе с ними закинул ещё пачку. Он бы с радостью сейчас вышел подышать свежим воздухом, но беспокоился за жрицу, не хотел оставлять одну в этом храме, а зайти к ней тоже не решался, поэтому просто мялся на пороге. Вдруг до него донеслись её тихие слова:

— Причиняют боль.

Хару не знал, послышалось ему или нет, но не сомневался, что не хочет делать хозяйке больно.

Лежавшие в ситирине печати успели потемнеть, но полностью не сгорели. Хару взял ещё несколько и закинул следом, из-за чего поднялся более густой дым. Дышать оставалось нечем, ни рука, ни ткань рукава не спасали от этой тяжёлой вони. Когда он попытался сделать очередной вдох, в горле встал ком, а вдохнуть не получилось, сколько тэнгу ни пытался. В панике он схватился за шею, не понимая, что делать. Его взгляд метался из стороны в сторону, конечности дрожали, он попытался кашлянуть, но издал лишь сиплый

звук, напоминающий стон. Перепуганный юноша с грохотом упал на колени и пополз к выходу, цепляясь руками за деревянный пол.

— Хару? — обеспокоенно позвала жрица. — Что случилось?

Не дождавшись ответа, она осторожно подкралась к выходу из комнаты и в ужасе обнаружила валявшегося на полу тэнгу. Не теряя ни мгновения, она перепрыгнула через стопку ещё целых печатей и схватила кувшин с водой. Она не знала, как вести себя в такой ситуации, поэтому вылила всё на Хару, надеясь хотя бы привести его в чувство.

Тэнгу посмотрел на неё непонимающим взглядом, но этого было достаточно. Девушка снова перепрыгнула печати, бросилась к Хару, обхватила его руками за живот и изо всех сил попыталась поднять. Увы, оказался он не лёгким как пёрышко, поэтому ей пришлось приложить все усилия, чтобы оторвать его от пола и наполовину вытолкнуть из храма.

— Хару, очнись! — закричала она и забила его по ногам. — Приди в себя! Я больше не хочу тебя есть, я разрешаю тебе жить.

Он с трудом открыл глаза и наконец-то смог вдохнуть. Хотя дым продолжал валить на улицу, всё-таки здесь легче дышалось, Хару выполз из храма и не остановился, пока не оказался у забора, где рухнул с приоткрытым ртом. Вскоре перед глазами начало проясняться, трава перестала казаться размытым зелёным пятном, а приобрела форму травинок, забор из тёмно-коричневой массы превратился в доски с шероховатой поверхностью, где Хару даже букашку умудрился разглядеть.

Отдышавшись, он перевернулся на спину и взглянул на прекрасное небо изумительного голубого цвета, такого родного, что Хару затосковал по дому, а пушистые облака только усугубляли ситуацию. Среди таких и витал дворец Кинъу, из которого Хару изгнали.

Пока он любовался небом, то вдруг осознал, где находился и чем занимался, и резко сел. Девушка с прекрасными глазами цвета ямабуки сидела в храме, прямо возле порога, так что Хару сразу заметил её, окутанную жутким чёрным дымом. Она не кашляла, не задыхалась, а сидела, прислонившись спиной к стене, и водила пальцем по полу.

— Мико? — хриплым голосом позвал тэнгу и закашлялся.

— Хару, — со слабой улыбкой произнесла она и посмотрела на него. Не той широкой, которая вызывала у Хару мурашки, а самой обыкновенной, доброй и радостной. — Ты живой.

Двигалась она вяло, поэтому тэнгу заторопился, резко сел и сразу попытался подняться с травы, но пошатнулся и чуть не упал. К счастью, забор послужил отличной опорой — прижавшись к нему, Хару устоял на ногах.

— Ты такой неженка, — произнесла она громче и с уже более привычной улыбкой.

— На тебя дым не действует? — продолжая хрипеть, спросил Хару, оттолкнулся от забора и приблизился к входу в храм.

Со стороны весь мир казался ярким и красочным, под светлыми лучами солнца трава принимала насыщенный зелёный цвет, в то время как храм выглядел тёмным и мрачным. Обволакиваемая жутким тяжёлым дымом, черноволосая девушка сидела в тени, отделённая от прекрасного. Во мраке лишь её глаза цвета ямабуки светились и манили к себе, и Хару двинулся к ней, как летел бы навстречу солнцу.

— Дышать не очень, но терпимо, я хотя бы не задыхаюсь, — продолжала улыбаться она. — Забавно, на меня действуют сами печати, а на тебя — дым.

Словно загипнотизированный, Хару вошёл в храм, прошёл мимо хозяйки к стопкам печатей и закинул ещё пачку, затем сразу вылетел на улицу, прикрывая нос рукой. Рукав, как

и вся остальная одежда, запачкался, из белоснежного превратился в грязно-серый. И не только одежда, но и спутанные пепельные волосы потемнели и теперь напоминали скомканную солому.

Вскоре солнце опустилось за горизонт, Хару уже позабыл о голоде и валявшейся в комнате с алтарём хурме. В течение ночи он заходил на кухню, закидывал печати в ситирин и выбегал во двор. Даже предложил жрице отнести её в другую комнату, однако та отказалась: решила остаться здесь и проследить, чтобы с Хару ничего не случилось. Поначалу она поглядывала за тем, как быстро догорают печати в ситирине и тут же звала тэнгу закинуть новые, но видя, как он кашляет, стала давать ему больше времени на отдых. Потом он уже сам начал приходить, спрашивая: «Разве ещё не догорело?», а она отвечала: «Да, только что».

Хару и не заметил, в какой момент успел задремать. Не знал, все ли печати успел сжечь или что-то осталось. Задремал так крепко, что как солнце ни старалось светить ему на лицо, он только нежился в его лучах, пригреваясь в тепле после прохладной ночи. Тэнгу снилось, как он обратился птицей и летал, как вдруг его придавил тяжёлый камень. Хару распахнул свои глаза и совсем не ожидал увидеть нависающую над ним жрицу, он посмотрел чуть ниже и увидел, что она положила хурму ему на грудь.

— Ты, наверное, голоден, — произнёс уже знакомый голос.

— Где я? Сколько времени прошло? — спросил он, ощущая себя немного потерянном после того, как проснулся на траве, а не в привычных светлых покоях.

На лице жрицы появилась широкая хитрая улыбка:

— Сейчас час змеи.**

Хару понял две вещи.

Во-первых, он оставался бездомным тэнгу, отец изгнал его на самом деле.

Во-вторых, девушка с золотистыми глазами цвета ямабуки ему не приснилась и теперь сидела рядом на траве, покинув свой мрачный храм, из которого уже не валил дым.

Он резко сел и впился в неё взглядом, хурма упала рядом и откатилась в сторону. Хару спросил первое, что пришло в голову:

— Хозяйка, теперь ты готова услышать историю, как я стал бездомным тэнгу?

В золотистых глазах отразилось изумление, а затем девушка залилась смехом.

— Давай для начала покинем это ужасное место, и я выслушаю что угодно, — ответила она, протирая рукавом выступившие на глаза слёзы, а немного погодя добавила: — Меня зовут Акико, приятно познакомиться.

— Очень приятно, бездомный тэнгу! — тут же среагировал Хару и вдруг смутился от её нежного взгляда. — Ты сможешь мне найти Асахи? А оружие и мешок вернёшь?

*Ситирин — традиционная японская жаровня с толстыми стенками круглой или прямоугольной формы

**Час змеи — с 9:00 до 11:00

Глава 4. Кровь за кровь

Акико хитро прищурила тёплые золотистые глаза и улыбнулась шире (Хару переживал, что ещё чуть-чуть, и её рот порвётся), потянулась за укатившейся хурмой, не отводя взгляда от тэнгу. Плод кинула в его сторону, чуть не попав по носу, но Хару вовремя успел поднять руки и поймать.

— Перекуси, а я схожу за твоими вещами.

После этого жрица поднялась с травы. Хотя дым и перестал валить, даже запаха не осталось, но, кажется, из-за него храм значительно потемнел. Хару успел догрызть сладкую хурму, а Акико всё не возвращалась, поэтому поднялся с земли и, не теряя времени на размышления, переступил порог. Кухня окрасилась в чёрный, все стены, пол и потолок заляпало тёмными и вонючими веществами с печатей. Хару аккуратно заглянул в комнату с алтарём, но не заметил там хозяйку, поэтому собрался зайти в ту, что находилась за дверью, однако в этот самый момент оттуда вышла Акико, надула губы и сердито посмотрела на него.

— А ну брысь на улицу.

Тэнгу и рта раскрыть не успел, как жрица вытянула руки перед собой и положила ему на плечи, заставляя развернуться в сторону выхода, после чего ещё и в спину подтолкнула.

— Жди здесь, я сейчас вернусь.

Насупившись, Хару молча улёгся на траву у входа, подложил руки под голову и взглянул на небо, где как раз пролетала стая птиц. Он бы и сам с радостью обернулся белым вороном, полетел через облака, следуя за потоками воздуха, однако отец лишил его этой возможности. Сейчас для Хару важнее всего было найти Асахи, с ним вместе он разберётся и придумает, как избавиться от красных лент, стать «достойным» и вернуться домой. С эликсиром и пилюлями бессмертия пока придётся повременить, но он ещё придумает, как обеспечить долгую (в идеале вечную) и счастливую жизнь родным.

Акико бесшумно подкралась и наклонилась над Хару, она успела переодеться в чистую одежду — точно такую же светлую, какую носила и до этого, с красивым чёрным узором. В руках она держала меч, лук, колчан со стрелами и мешок, завязанный красной лентой, в то время как в зубах у неё оказался гребень.

— Спасибо, — поблагодарил Хару, как только поднялся и забрал всё оружие, меч воткнул за пояс, там же повесил мешок, а лук со стрелами — на спину.

— Шядь, — потребовала Акико, продолжая держать гребень во рту. — Фпиной повернишь.

— Не переживай о том, как я выгляжу, — смущённо ответил Хару, но на траву опустился, как она и просила.

Жрица принялась распутывать его волосы пальцами и ругаться из-за жутких колтунов. В таком состоянии гребень с ними ни за что не управится, скорее, сломается, поэтому приходилось полагаться на ловкость рук, а гребень пока бросить на землю.

— Меня всё устраивает, — Хару продолжал вяло сопротивляться, не вставать и не думал.

— Меня нет, если хочешь, чтобы я помогла найти этого Асахи.

В киноварно-красных глазах тэнгу загорелись радостные огоньки. Она поможет, поможет!

— Людям вряд ли понравятся белые волосы, а с таким ужасом на голове тебя примут за какого-нибудь злого монстра.

— Но я тэнгу, а не монстр, у нас мир с людьми, — возразил Хару и попытался задрать подбородок, но Акико в этот момент боролась с жутким колтуном и случайно дёрнула его. — Ай!

— Ага, конечно, как будто все люди знают об этом вашем мире.

— Но его заключал сёгунат.

— Вот сёгунат и знает, а простые крестьяне боятся и ёкаев, и прочую нечисть, даже самую маленькую и безобидную, — после этих слов Акико вздохнула. — Зачем тебе красная лента? Разве тэнгу не красные маски с длинными носами носят?

— Тэнгу очень похожи на людей в одном из обликов, а в другом нас не отличить от птицы... — в голосе Хару звучали нотки грусти, он говорил абсолютно серьёзно. — Поэтому чтобы припугнуть людей и среди ёкаев не показаться слабыми, много веков назад кто-то и создал такую маску. Ты только не говори никому!

Он почувствовал, как её пальцы, всё ещё распутывающие его волосы, вдруг начали дрожать. Хару вздрогнул и обернулся, из-за чего Акико чуть не вырвала ему колтун с корнями. Оказалось, она стояла и беззвучно смеялась, отпустила жуткие волосы Хару и погладила его по голове.

— Ты хочешь пугать людей и ёкаев, Хару? — продолжая смеяться, спросила она и вновь запустила пальцы в его волосы. На некоторое время он задумался и в итоге ответил:

— Я не хочу, чтобы мою семью считали слабой или чтобы на нас нападали.

Акико промолчала и с улыбкой продолжила возиться с волосами Хару.

— А ты боишься ёкаев? — вдруг спросил он, пытаясь не качаться, но сидеть траве было скучновато.

— Ты многого обо мне не знаешь, Хару, — усмехнулась Акико и нахмурилась, тщательно стараясь распутать колтун и не причинить боль. — А сам... — начала говорить она, но передумала, а вместо этого спросила другое: — Как же ты стал бездомным?

Обрадовавшись, Хару резко выпрямился и поведал ей свою историю, не забыв в подробностях рассказать, какие хорошие у него сёстры, какой сильный старший брат, какая добрая и заботливая мать и какой строгий, но справедливый отец. Он перестал замечать, как Акико выдёргивала ему волосы, которые не удавалось распутать. Поглощённый своим же рассказом, он с восторгом описывал, как собирался изготовить эликсир или пилюлю бессмертия, в том числе поведал, как познакомился с Асахи и сколько всего тот знал и мире и людях.

— Где же живёт твой Асахи?

— В доме клана Хонда? Его зовут Хонда Асахи, — с уверенностью ответил Хару то, что помнил.

— К сожалению, я не так много кланов знаю. Провинцию хотя бы помнишь или какие-то ещё названия?

Акико успела распутать достаточное количество колтунов, поэтому подняла гребень с травы, на всякий случай протёрла об рукав и уже его запустила в волосы Хару.

— Э-э, — задумчиво протянул Хару. — Отаки? Ка... Я помню, там был иероглиф «верх». Кадзуса?

Гребень уже не застревал в волосах, а спокойно прочёсывал их. Довольная своими трудами, Акико не смогла удержать улыбку и заговорила:

— Тебе невероятно повезло, Хару, мы сейчас находимся в провинции Симоса, она граничит с Кадзусой.

— Значит, ты сможешь? — с надеждой в глазах он обернулся, а Акико как раз убрала гребень.

— Я же уже пообещала, — ответила она и размяла руки и шею. — Другого комплекта одежды для тебя, к сожалению, у меня нет, может, найдём что у торговцев. Надеюсь, у тебя в мешке драгоценности.

Прищурившись, она бросила взгляд на пояс Хару.

— Не смотрел.

Он взял мешок в руки и потянул за ленту, однако та не поддавалась.

— Нет! — расстроено воскликнул тэнгу и дёрнул ещё сильнее. — Нет-нет!

— Что-то не так? — Акико насторожилась и подошла ближе.

— Кажется, сёстры завязали его такой же лентой, какой отец связал меня... только достойный сможет снять её...

— Дай сюда.

Акико выхватила мешок из его рук и со всей силы потянула за красную ленту, просунула под неё пальцы, дёрнула ещё сильнее, но та осталась на месте. Ничего не говоря, она схватила меч за рукоять и вынула его из ножен, попыталась разрезать ленту остриём, однако чары тэнгу делали её неразрываемой. Ткань мешка тоже не поддавалась, словно лента сделала её невероятно прочной.

— Что за странная семья у тебя! — фыркнула Акико, засунула меч обратно Хару за пояс, а мешок разочарованно кинула ему в руки. Чуть не выронив, тэнгу всё-таки поймал его. — Пошли к твоему Асахи.

В заборе не было никаких ворот, поэтому Акико подошла к ним, ловко подпрыгнула, ухватилась руками за верх, подтянулась и спрыгнула с другой стороны. Хару вскочил с травы и побежал следом, пока девушка не успела скрыться. Он с лёгкостью присел и перемахнул забор, приземлившись рядом с Акико. Та бросила последний взгляд в сторону храма, переполненный удивившей тэнгу ненавистью, после чего молча прошла мимо тропинки и отступила на небольшое расстояние в лес.

— Лучше оставаться незаметными, — пояснила она, когда Хару догнал её и открыл рот, чтобы задать вопрос, но она опередила его. Поэтому он задал другой:

— Мы от кого-то прячемся?

— Ты не в своём дворце, маленький тэнгу, настоящий мир полон опасностей.

Она уверенно шла вперёд, ловко перепрыгивая валявшиеся ветки и ступая практически бесшумно. Хару вдруг понял, что не знает, о чём поговорить. Он с восторгом заслушивался историями Асахи, часто слушал болтовню Хотару, но сам, как оказалось, не так часто рассказывал что-то сам. Самой яркой своей историей он считал как раз последнюю об изгнании, но больше ничего вспомнить не мог, поэтому шёл в тишине.

Заскучав, он начал напевать мелодию себе под нос. Акико вдруг резко обернулась и замотала головой по сторонам, как вдруг уставилась на Хару и с удивлением спросила:

— Ты умеешь подражать птицам?

— Я пел... — он почувствовал, как к щекам прилил жар. — И я же тэнгу.

— А можешь узнать, нет ли тут поблизости птичьих гнёзд с яйцами?

— Зачем? — удивился Хару и пожал плечами, засомневавшись в таких возможностях. — Не уверен.

— Тогда неважно.

Теперь он увидел, что она поглядывала по сторонам и выискивала что-то в ветвях. Некоторое время они продолжали идти в тишине, которую вдруг нарушило урчание в животе Хару. Съеденной утром хурмы оказалось мало, тэнгу вспоминал о той, что осталась в храме, а также подумал, что какие-то плоды могли остаться на тропинке, где Хару и собирал их. Куда-то же они вели, а он так и не проверил.

Пока он размышлял о хурме, голова сама повернулась в сторону, откуда они пришли. Тэнгу обернулся обратно к жрице и хотел спросить, можно ли проверить, не осталось ли хурма на тропинке, а то у него уже слюнки текли, но не увидел Акико. Та исчезла совершенно беззвучно, не сказав ни слова, не издав ни писка.

— Акико? — обеспокоенно позвал Хару и осмотрелся по сторонам, но жрицу не заметил. — Акико! — уже громче позвал он. — Мико! Хозяйка! Акико!

Птицы на ближайших деревьях зашумели и с криками поднялись в воздух, одновременно с ними с ветки прыгнула и Акико. В одной руке, осторожно прижав к груди, она держала несколько яиц, в то время как другой одно из них сжала, скорлупа хрустнула, а она выпила содержимое.

— Чего ты кричишь? — недовольным тоном спросила она. — Ты утром ел хурму, а я давно ничем не питалась.

В голове Хару закрутилось столько мыслей, что он не знал, какую озвучить первой.

— Тебя удерживали в этом храме? Кто посмел? И зачем? — всё-таки решил начать с более важного и уже некоторое время мучившего его, но увидев, как Акико раздавила скорлупу и отправила в рот второе яйцо, не удержался и добавил: — Может, лучше приготовить их?

Она наслаждалась каждой каплей и даже не пыталась чавкать тише.

— Их как-то готовят? — смачно проглотив, поинтересовалась она. — Как по мне, и так очень даже вкусно.

— Обычно тэнгу не едят птичьи яйца... — замялся Хару и сразу нашёлся с ответом. — Но Асахи рассказывал про разные способы. О, их резиденцию как-то посещал странствующий монах, вот он готовил очень страшные столетние яйца! — после того, как тэнгу придумал тему для разговора, в его киноварно-красных глазах загорелись оживлённые искорки. — Их не сто лет готовят, конечно, но получают они чёрными и ужасно воняют.

— Хочешь сказать, какие-то столетние яйца лучше свежих? — с усмешкой произнесла жрица, хрустнула скорлупой третьего яйца и тоже отправила в рот. — Ты же сам не пробовал даже.

Как только Акико поела, у неё сразу улучшилось настроение. Она поднесла рукав к лицу и чуть не протёрла им рот, но вовремя остановилась, не успев запачкать пока ещё белую ткань. Вместо этого сорвала большой широкий лист, растущий прямо из земли, протёрла им рот и руки.

— В храме меня держали очень плохие люди, — со вздохом ответила она и отвернулась, не желая смотреть Хару в глаза. — Не выпускали, морили голодом, ещё и сам храм заколдовали, чтобы я не могла покинуть его.

— Какой ужас... Я отомщу за тебя!

— Мы отомстим.

В прекрасных золотистых глазах цвета ямабуки сверкнул хитрый огонёк, а губы сложились в широкую зловещую улыбку. Пройдя расстояние в несколько тё*, Хару успел

устать и только собрался попросить об отдыхе, как Акико резко свернула в сторону, в глубину леса, прочь от тропинки. Она уверенно лавировала между ветвями, не закрывалась от них руками и не расчищала себе путь, а с лёгкостью извивалась и уклонялась. До её грациозной походки Хару было далеко, но он и сам не отставал от ускоряющейся жрицы.

Перед глазами что-то блеснуло в падающих сквозь ветви лучах солнца, однако тэнгу не успел среагировать и лицом вошёл прямо в паутину. Он пискнул и замахал руками, пытаясь снять с себя неизвестный предмет, напоминающий тонкие волосы.

— Видишь, на земле полно опасностей, — усмехнулась вернувшаяся к нему Акико, подняла руки к его голове и сняла паутину, повесив её на ближайший куст.

— Я просто не заметил, — пробурчал Хару и почувствовал, как по шее что-то ползло. Он аккуратно подставил пальцы, как по ним уже забегали чьи-то маленькие лапки. Хару поднёс руку к лицу и с восхищением уставился на тёмное существо с восемью ножками.

— Какой он красивый, — с восторгом произнёс тэнгу, продолжая наблюдать за неизвестным существом.

— Оставь паука в покое, идём дальше, — нетерпеливо ответила Акико. — Или тебе уже не нужен Асахи?

— Без аники** я не вернусь домой! — на полно серьёзе произнёс Хару, осторожно посадил паука на куст, где жрица до этого оставила паутину, и засеменял следом.

Та так уверенно шла вперёд, поэтому он ни на мгновение не засомневался, что Акико могла не знать дороги или вела их куда-то не туда.

Когда солнце уже начало опускаться за горизонт, а небо окрасилось в ярко-оранжевый, девушка и парень вдруг вышли к скромному домику. Его окружал забор с небольшим количеством печатей — похожими на те, что Хару сжигал в храме, но с другими иероглифами, здесь их уже было несколько. Акико дотронулась до одной из печатей и резко отдернула руку, зашипев.

— Сможешь их снять? — спросила она, потирая пострадавшие пальцы.

— Попробую.

Хару не спрашивал, чей это домик и зачем ей понадобилось избавиться от печатей. Если Акико считала это нужным, тэнгу был только рад помочь, поэтому вытянул руку и осторожно дотронулся до листа. Ничего не произошло, поэтому он с лёгкостью оторвал его.

— Оказывается, есть польза от союза людей и тэнгу, — усмехнулась Акико и кивнула головой в сторону остальных печатей. — Снимай.

Он не спросил, действовали эти печати на людей или ёкаев, не поинтересовался, почему причиняли боль жрице, а на него не влияли — просто молча оторвал все до последней. Не теряя времени, Акико приоткрыла калитку и прошла к домику. На двери висела ещё одна печать, которую Хару сразу заметил и снял прежде, чем об этом попросила жрица.

Убранство оказалось скромным. Пол застилала татами, в центре комнаты стоял небольшой столик, вокруг которого не было никаких подушек. Во дворце Кинъу располагались очень мягкие и удобные, а здесь, по всей видимости, приходилось сидеть на татами. В углу стояла одна свёрнутая циновка, а на стене висел точно такой же алтарь, какой находился и в храме, больше никакой мебели Хару не заметил. Где готовил его обитатель, оставалось загадкой.

— Какое-то грустное место, — в итоге высказался тэнгу. Эта комната была единственной в домике, в ней даже окна не сделали, только дверь имелась.

Он надеялся узнать, жила ли тут Акико раньше или домик принадлежал кому-то из её знакомых, но она не спешила рассказывать. Наоборот, сказала только:

— Останемся пока здесь.

Время шло, солнце уже давно опустилось за горизонт, птицы перестали петь и улеглись спать, только насекомые стрекотали. Глаза Хару слипались, а в животе урчало, но вскоре сонливость переборола голод. Прислонившись спиной к стене, он некоторое время смотрел перед собой, но вскоре глаза сами закрылись, тэнгу провалился в сон.

Разбудил его встревоженный мужской голос, который с порога воскликнул:

— Кто ты и что тут делаешь?

Перепуганные киноварно-красные глаза уставились на старика в тёмных одеяниях, что держал посох в одной руке и свечу в другой.

— Я... — промямлил Хару и огляделся по сторонам. Акико нигде не оказалось.

Он не знал, что отвечать, ведь жрица не сообщила, с какой целью они тут остались. Хару и мысли не допускал, чтобы та его бросила, поэтому предположил, что Акико не захотела его будить и ушла на поиски еды, наверняка скоро вернётся. А сам он понятия не имел, где находился и куда идти, поэтому смог выдать лишь:

— Я заблудился.

И не соврал.

Старик осторожно приблизился, а Хару виновато поднялся с пола и потёр глаза. Свеча вдруг оказалось прямо у его лица, а мужчина произнёс:

— Ты ведь ёкай? Как ты сюда зашёл?

Тэнгу заметил, как пальцы на посохе сильно сжались, хотя голос оставался спокойным. Он сглотнул.

— Я бездомный тэнгу... — тихо пробормотал он и посчитал нужным добавить: — Очень приятно.

— Тэнгу? — удивился старик, но хватку не ослабил. — Что ты здесь забыл?

Хотя и выглядел пожилым, с седыми волосами, убранными в хвост, силы в нём ещё оставались.

— Я шёл по лесу и заметил ваш дом, извините за вторжение, — Хару виновато опустил голову. — Отец выгнал меня из дома и отправил на землю в качестве наказания.

Старик вздохнул и поставил свечу на стол.

— Ты, наверное, голоден, — сказал он и сам опустился на пол, положив посох рядом. — Присаживайся.

На его плече висел большой мешок — такой же тёмный, как и одежда, поэтому Хару не сразу заметил. Старик развязал его, опустил туда руку и выложил немного овощей и фруктов. Тэнгу с интересом присел рядом и попытался заглянуть в мешок, даже нос свой любопытный туда чуть не засунул. Старик рассмеялся.

— Интересно? Чем же питаются тэнгу?

— Рисом, пшеном, фруктами, — оживлённо ответил Хару, поглядывая на лежавшую грушу.

— Угощайся, — с улыбкой ответил старик, из настороженного сделавшийся добродушным. — У меня есть мешок с рисом, но его надо готовить.

Тэнгу не нуждался в ещё одном приглашении, он сразу взял грушу в руки и с аппетитом откусил большой кусок, в то время как старик усмехнулся.

— И даже не боишься, что человек отравит тебя?

— Зачем вам это делать? — искренне удивился Хару и продолжил грызть грушу.

— Маленький наивный тэнгу, — добродушно произнёс старик и сам надкусил вторую. — Как же тебя зовут?

— Хару.

— Меня можешь звать монахом Цуёши.

— Хорошо, монах Цуёши, — послушно согласился тэнгу.

Некоторое время они просидели за едой и милой беседой, но вскоре старик сказал, что собирается ложиться. Циновка у него была только одна, но он всё равно позволил Хару остаться на ночь в домике. Монах встал из-за стола, чтобы постелить себе, как вдруг в полумраке сверкнули золотистые глаза. За спиной старика Цуёши возникла Акико, схватила его за живот и впиалась клыками в шею.

— Хару, дай мне посох! — закричал он, хмурясь от боли и пытаясь оттащить девушку за волосы, но та крепко держалась.

Пока Хару стоял в растерянности, она с хлюпаньем отодрала кусок мяса и выплюнула на пол, вновь злобно впиваясь в плоть. Старик заорал и замахал руками. Акико, словно хищница, продолжала нападать. Злорадно смеясь, она отрывала куски мяса и вновь кусала.

По шее старика, его одежде и по самой Акико лилась кровь, что вскоре запачкала пол и ближайшие стены.

— О-остановись, — в ужасе пробормотал Хару, наконец-то сдвинулся с места, метнулся в их сторону. — Акико, что ты делаешь? Ты же убьёшь его!

Он дрожал от страха, но всё равно схватил её за руку и попытался оттащить. Она бросила на него жуткий взгляд, полный гнева и жажды крови. Хару разжал пальцы и отступил, кровь и на него попала. Старик перестал кричать, тело обмякло в руках Акико, но она продолжала рвать его в клочья.

— Так тебе и надо, дрянной монах, ты это заслужил! — дико смеясь, прокричала она в тиши ночи.

Хару упал на пол и схватился руками за голову, в горле стоял ком, глаза щипали.

Акико рвала одежду на старике, продолжала раздирать тело, разбрасывала куски плоти в стороны. Она не остановилась, когда прогрызла живот и добралась до внутренних органов.

Ком в горле поднимался всё выше, жуткое зрелище и омерзительный запах крови сводили с ума. Хару вырвало, по щекам потекли слёзы. Он последний раз в ужасе посмотрел на Акико и ползком попятился к выходу. Почувствовав холодную землю, вскочил на ноги и понёсся прочь, шатаясь из стороны в сторону. Он до сих пор не осознавал происходящего. Как эта милая и добрая девушка могла так поступить? Или это нечисть приняла её облик и жестоко убила монаха Цуёши? Хару продолжал бежать, не разбирая куда, лишь бы подальше от этого ужаса.

Перед глазами всё ещё стояла картина, как Акико впивается в шею старика, рвёт его на части. Омерзительная вонь, жуткие звуки разрывающейся плоти — даже если Хару пытался закрыть глаза, всё равно всё это видел. Он не заметил обрыва и кубарем покатился вниз, с хлюпаньем свалился в ручей. Вместо того чтобы подняться и побежать дальше, Хару схватился руками за голову и закричал от отчаяния.

Брызги вновь разлетелись в стороны, перед ним оказались две пары ног.

*Тё = 109 м

**Аники (яп.) — дословно «благородный старший брат», почтительное обращение к мужчине старше, необязательно к родному брату

Глава 5. Ему не нужна помощь убийцы

Двое юношей сердито переглядывались между собой и бросали обеспокоенные взгляды на всё ещё кричавшего Хару, не решаясь заговорить с бедным перепуганным тэнгу. Один из них, с длинными тёмно-коричневыми, почти чёрными волосами, что доставали ему практически до колен, хотя и были связаны лентой, носил тёмные одежды с таким же узором из цветов и перьев, что встречался и у Хару. Второй ростом пониже, в противоположность первому стоял в светло-коричневых, почти жёлтых одеждах. Его белокурые волосы, отливающие рыжим в свете фонаря, что он держал в руках на палке, спускались чуть ниже плеч и тоже были убраны в хвост. Огненно-рыжие глаза следили за Хару, их обладатель не выдержал, отдал фонарь первому, а сам присел на корточки и положил руку на плечо тэнгу, по-прежнему пребывавшему в диком ужасе.

— Молодой господин, — обеспокоенно позвал он.

Хару поднял голову и бросил на него испуганный взгляд, в котором оба юноши успели заметить узнавание, и кинулся светлому на шею, рыдая в голос. Первый вздохнул, в то время как второй поглаживал Хару по спине.

— А я говорил, что надо было сразу увести его от этой змеи, — тихо пробурчал он, пока первый недовольно постукивал пальцами по фонарю.

— И господин Джунъичи оторвал бы нам головы, если бы узнал.

— А теперь оторвёт госпожа Асами, если узнает, что её сын сейчас пережил, — напомнил ему светлый, что они уже не раз успели обсудить, но так и не нашли лучшего выхода.

— Хибики, я хочу домой, — заплакал Хару, уткнувшись носом ему в грудь. Он понял, что Сота и Хибики спустились из небесного дворца Кинъу, и теперь хотел уговорить их вернуть его.

Светлый, к которому Хару обратился Хибики, демонстративно потянул красную ленту на его лбу и показал, что не может развязать её. Второй, Сота, приблизился к сидящим в ручье тэнгу и с нетерпением сказал:

— Молодой господин, мы с Хибики решили, что разыскать Асахи — неплохой план, авось этот человек и сможет придумать что, но мы бессильны. Твой отец убьёт нас, если узнает, что мы помогаем.

Хару считал Соту и Хибики своими друзьями, а не слугами, поэтому, несмотря на статус, просил, чтобы те общались с ним фамильярно, и позволял высказывать любые мысли.

— Она убила того монаха... — захныкал всё ещё шокированный Хару.

— Жизнь сурова, молодой господин, — жёстко ответил Сота и сочувственно улыбнулся, поймав сердитый взгляд Хибики, в глазах которого так и читалось: «Лучше бы промолчал». Не обидеть он хотел, просто не знал, как подбодрить.

Некоторое время они оставались на своих местах — двое сидели в ручье, третий стоял рядом и держал фонарь. Вскоре плач стих, а Хару вдруг покачнулся и упал на Хибики, немного успокоившись и задремав после произошедшего. Сота едва сдержался, чтобы не заржать вслух, поэтому прикрыл рот рукой и отошёл в сторону посмеяться. Светлый тэнгу сверлил его сердитым взглядом, но вынужденно придержал Хару за плечи, сам опустил в воду на колени (на корточках неудобно ни ему, ни Хару) и положил того обратно — так,

чтобы тэнгу не мок дальше.

— Лучше бы покрывало какое-нибудь поискал, пока наш молодой господин не заболел, — пробурчал он себе под нос. В идеале бы перенести его из ручья на сушу, но так они только разбудят Хару, а он только успокоился.

Тихие слова донеслись до Соты и смутили. Тот снял с себя верхние одежды, подошёл обратно и небрежно накинул на Хару. Хибики с недовольством посмотрел на него, расправил одежду, укрыл молодого господина и положил ему руки на спину, чтобы лучше согреть. Он аккуратно стащил с него колчан со стрелами и лук и протянул их Соте, меч из-за пояса доставать не стал.

Сам Сота, забрав оружие и повесив его себе на спину, вышел из воды и присел на берегу в позе лотоса, потушив фонарь.

Хару спал тревожно, постоянно вертел головой и метался из стороны в сторону. Если бы Хибики не придерживал его, он давно бы упал в воду. Проспал он чуть больше часа, как вдруг распахнул глаза и проснулся в холодном поту. Несмотря на неудобную позу, Хибики успел задремать, но от малейшего движения очнулся и приоткрыл глаза.

— Молодой господин?

Хару тяжело дышал, не понимая, где находился. Вскоре он вспомнил, как сбежал от жрицы и несчастного монаха, после чего повстречал друзей-тэнгу. Во мраке ночи, почти ничего не видя, но прекрасно ощущая, что частично находился в воде, он вдруг понял, что светлый тэнгу всё это время поддерживал его.

— Хибики, не надо так страдать из-за меня, — обеспокоенно сказал Хару и попытался подняться, но чуть не упал в ручей. Ноги сильно дрожали, руки тоже подёргивались — ужас от пережитого не отпускал его. Хибики оказался быстрее — ловко вытянул руку и подхватил молодого господина вместе с тёмным халатом. Брызги попали в Соту и разбудили, тот протёр глаза и молча зевнул.

Хару тяжело стоял сам, поэтому Хибики помог ему выйти на сушу, а затем накинул халат Соты ему на плечи, чтобы молодой господин не мёрз.

— Вы так заботитесь обо мне, — Хару виновато улыбнулся и чихнул, потёр нос.

— Да-да, одежду пока оставь себя, — тут же среагировал Сота и поднялся на ноги. — Двигаемся дальше?

— А вы знаете, как разыскать Асахи? — вдруг опомнился Хару и посмотрел на обоих тэнгу.

— Примерно представляем, где княжество Отаки, — за обоих ответил Хибики. — Нужно двигаться на юг, рано или поздно окажемся там.

— Ладно, идём, — решил Хару и вздохнул, бросив последний взгляд в сторону, откуда, как ему казалось, он прибежал.

Сота вновь зажёл фонарь, втроём они двинулись вперёд. Двигались торопливым шагом, достаточно быстрым, что вскоре Хару начал уставать. Хибики предложил сделать привал, однако Хару вспомнил о жрице и отказался. Хотел как можно быстрее убраться из этого леса, поэтому спешил.

С первыми лучами солнца они наконец-то выбрались из леса и оказались на заливных рисовых полях, Хару замер и с восторгом огляделся по сторонам. Впервые он воочию видел места, где выращивают его любимый рис. Словно крошечные озёра раскинулись по полям и холмам, лучи солнца отражались в воде и сверкали.

Во дворце Кинью имелся достаточно крупный внутренний двор, напоминавший

маленький лес, поэтому настоящий не так сильно поразил Хару, чего не скажешь о рисовых полях.

Хару обернулся на своих друзей — Хибики тоже с восторгом рассматривал пейзаж, его взгляд бродил из стороны в сторону, метался от одного поля к другому, Сота старался не демонстрировать своего восхищения, но тоже приятно удивился открывшейся картине. Практически всю свою жизнь они провели во дворце Кинью вместе с Хару, хотя и не всегда служили ему, и тоже почти не видели землю.

Под тёплыми лучами солнца Хару почувствовал хоть и слабое, но всё-таки облегчение. Он не боялся мрака ночи, но всё-таки на свету ощущал себя спокойнее, в особенности после пережитого.

На горизонте, вдали за полями, виднелись отдельные крыши домиков. Должно быть, там располагалась какая-то деревня. Оглядываясь по сторонам и рассматривая прекрасные заливные поля, Хару пошёл вперёд, а Сота и Хибики двинулись следом, но прошли они немного. Хару не удержался, вдруг сорвался с места и рванул в один из водоёмов, куда радостно запрыгнул.

— Молодой господин! — возмутился Хибики и нахмурил нос.

Сота рассмеялся, но в стороне не остался, а с довольной улыбкой запрыгнул следом, поправляя лук Хару на спине. Белый и тёмный тэнгу зачерпнули в руки воды и начали брызгаться, а недовольный коротышка остался в стороне.

— Люди тут пахнут целыми днями, а вы что творите! — возмутился Хибики и приблизился к краю поля. — Вылезайте немедленно.

Промокший Хару от радости прикрыл глаза и залился смехом, Сота тоже захохотал.

— Молодой господин, не забудь потом мне одежду вернуть, — вдруг напомнил он и брызнул в Хару, но промахнулся, вся зачерпнутая вода прилетела в Хибики.

Тот опустил голову и тяжело задышал, руки сжал в кулаки, набрал в грудь воздух и закричал:

— Вы у меня сейчас получите! А ну вылезли из воды!

Он сердито затопал в их сторону, ярко-рыжие глаза сверкали пламенем. Хару чуть не поскользнулся, но удержался на своих лапах, а вот тёмная одежда Соты с его спины полетела в воду. Ловкий Хибики успел подхватить её за краешек ткани и кинул на сухую траву. Хару и Сота отскочили в сторону, но светлый тэнгу оказался быстрее — шустро схватил обоих юношей за шею и, каким бы низеньким ни был, со всей силы потащил их на сушу.

— Ай-ай, пусти, я больше не буду, — смеясь, пожаловался Хару.

— Хибики, не воспринимай всё так серьёзно, — добавил Сота и толкнул друга в бок, успел увернуться от ответного пинка и упрыгал в сторону своей одежды, в которую тут же облачился и принял более взрослый вид. Он отряхнул рукава, к которым могла успеть прилипнуть грязь.

— Цените чужой труд, — пробурчал Хибики, пока тёмный тэнгу одевался, а Хару вдруг чихнул. — Молодой господин, ты и так промок, ещё и снова в воду полез, заболеешь же.

Тёплый взгляд Хару задержался сначала на Хибики, затем не обделил и Соту. Он радовался, что так быстро встретился со своими друзьями, с ними и мир не казался таким уж страшным.

— Но вы сами прозвали меня владыкой Весенних Вод, — вспомнил Хару и показал язык.

Пережив тяжёлую ночь, он уже не так торопился домой, но и со жрицей пересекаться

не желал, поэтому всё-таки пошёл дальше, разглядывая заливные поля, любуясь зелёной травой, прекрасным синим небом. Внутренний двор дворца Кинью имел достаточно крупные размеры, но ни за что бы не сравнился с этим огромным внушающим местом. Хару впервые начал понимать, что такое свобода, о которой рассказывал Асахи, описывая горы. В свободное от учёбы время он несколько раз поднимался туда с братьями, а с учителями они там порой тренировались. Асахи рассказывал, что именно на горе он почувствовал себя свободным, в то время как Хару познал это чувство на заливных полях.

— А будешь владыкой Сопливых Болот, — пошутил Сота и заржал в голос. Хару с Хибики не удержались и тоже засмеялись.

Они шли по специально вытоптанной тропинке, где ходили и люди, которые ухаживали за рисовыми полями. Сейчас здесь было пусто, деревня только начинала просыпаться, поэтому трое тэнгу ни с кем не столкнулись.

Вскоре они поднялись к первым домикам и решили дождаться, когда покажутся первые торговцы и заработают первые лавки, чтобы купить еды в дорогу. Хибики очень кстати захватил собой денег, так что пока они решили побродить по деревне. Однако недавно проснувшиеся люди смотрели на них с опаской, некоторые открывали двери домов и с криками забегали обратно, прятались от «нечисти, осмелившейся среди бела дня сунуться на территорию людей». Любопытные дети подбирали камни с земли, кидали их в тэнгу и с воплями уносили ноги. Хару вдруг вспомнил о словах жрицы, что люди не оценят цвета его волос, поэтому подумал чем-то прикрыть их.

— Наверное, стоит купить одежду, хотя бы накидки, — сказал он вслух. — Ноги чем-нибудь закрыть бы. И волосы, мне и Хибики.

У всех людей были чёрные волосы и тёмные глаза, у кого-то словно уголь, у некоторых более коричневые, но почти все выглядели одинаково. Хару со своими пепельными волосами и красными глазами оказался слишком ярким на их фоне, Хибики тоже не отставал, а вот Сота вписывался к окружающим. Глаза у него имели тёмно-красный, даже немного коричневатый оттенок, как алая кора кипариса. Если не вглядываться, люди могут счесть его за своего.

— Зачем? — непонимающе спросил Сота.

— А сам не догадался? — хмыкнул Хибики и сложил руки на груди. — Мы с молодым господином сильно выделяемся, люди боятся нас.

— И что? — Сота искренне недоумевал, для чего им понадобились накидки. — Мы же тэнгу, а не другие ёкаи, зачем людям бояться нас?

— Ёкаи? — это было единственное слово, которое незнакомая женщина уловила из их разговора. — Люди, здесь ёкаи, прячьтесь!

Она так громко кричала и повторяла это, что подняла панику.

— Мы тэнгу! — Сота пытался перекрычать её. — Мы не нападаем на людей!

Но люди его не слушали, как он ни пытался их успокоить. Непослушные дети швыряли в них камни и бежали прятаться за матерями, некоторые мужчины взяли в руки вилы и лопаты и начали угрожать.

— Уходим отсюда, — решил Хибики, заметив их враждебность.

— Я же говорила, — насмешливо произнёс знакомый женский голос откуда-то сверху за спиной. Хару застыл на месте, холодок пробежался по спине, хорошее настроение улетучилось. Дрожащие руки сжались в кулаки, он упрямо смотрел перед собой, не решаясь обернуться, хотя подозревал, что на крыше одного из домов увидит жрицу.

Хару промолчал и упрямо пошёл вперёд, стараясь выкинуть прекрасные золотистые глаза цвета ямабуки из головы. За ними возникали жуткие картины пережитого прошлой ночью, разорванный на части старый монах, окровавленные руки и шея Акико, дикий хищный взгляд и длинные острые клыки. Хару не хотел возвращаться в прошлую ночь, лучше бы она осталась ужасным кошмаром, иллюзией, а не реальным прошлым.

Хибики бросил на Акико сердитый взгляд, но почти сразу отвернулся и поторопился за белым тэнгу, в то время как Сота встал и скрестил руки, вызывающе глядя на незваную девушку.

— Что тебе надо от нашего молодого господина? — бросил он, вскинув подбородок, вытянул перед собой руки и наглядно хрустнул пальцами.

Хару застыл на месте и свёл брови, но оборачиваться не спешил, Хибики молча встал рядом и погрозил Соте, покивал головой в сторону молодого господина, изо всех сил намекая, что лучше убираться отсюда. Мужики с вилами пока не нападали, но не стали бы вечно стоять на месте.

Девушка задумчиво изогнула брови, проехала по крыше и ловко спрыгнула на землю. Люди и её напрягали, поэтому она отошла от них подальше и собралась приблизиться к Хару, однако Сота сжал её плечо рукой.

— Он не хочет тебя видеть.

Ростом она была ниже его на голову с лишним, если не на две, и со стороны казалось, что Сота угрожает маленькой хрупкой девушке. Вот только эта хрупкая девушка прошлой ночью жестоко убила старого монаха, поэтому Хару не собирался ни вмешиваться, ни даже оборачиваться.

— Не тебе решать, — нахмурилась Акико. — Пусть твой господин сам мне об этом скажет.

Она впиалась в его запястье своими острыми ногтями, отчего тёмный тэнгу зашипел, но не сдался, а перехватил её руку своей другой. На лице Хару отразилась буря эмоций, начиная от страха и печали и заканчивая болью и ненавистью. Он закрыл глаза и сделал шаг вперёд, набрался уверенности, поднял голову и пошёл дальше уже увереннее.

— Хару! — растерялась Акико, совсем не ожидавшая такого. — Хару, подожди!

Она расслабила пальцы и перестала впиваться в кожу Соты, чем тот и воспользовался. Ловко перехватив запястья Акико, он поднял её руки и постарался держаться подальше от её клыков.

— Проваливай, — прорычал тёмный тэнгу, защищавший своего молодого господина.

Люди не спешили вмешиваться, не уверенные, была девушка человеком или же одним из ёкаев.

— Хару, стой! Почему ты уходишь? — растерянно звала его Акико. — Ты злишься на меня?

Но тот не остановился и не обернулся.

— Сота, оставь её, уходим, — было единственным, что он сказал. Хотя он и не видел, что именно делал его друг, всё равно проверять не собирался.

Перед глазами вновь всплывали картины прошлой ночи, в горле встал ком. Хару пытался отогнать ужасные воспоминания, сжал руку в кулак и поднёс к груди. Нахмурился, как будто сейчас расплачется, и всё-таки остановился. Хибики смотрел на него сочувствующе.

— Хару! — вновь позвала Акико, вырываясь из лап Соты. Она изогнулась и толкнула

его ногой в грудь, а сама помчалась к Хару и Хибики.

— Что тебе от меня нужно? — крикнул он плаксивым голосом, который как будто сейчас сорвётся.

Акико встревоженно замерла на месте, но почти сразу опомнилась и уже медленнее приблизилась к своему знакомому.

— Почему ты так относишься ко мне? Что я сделала?

Тело Хару содрогнулось от дрожи. Киноварно-красные глаза, в которых сверкали искры гнева, смирили Акико полным ненависти взглядом. Сейчас он напоминал злящегося отца.

— А ты как считаешь? По-твоему, ты не сделала ничего плохого? — искренне недоумевал Хару. — Ты жестоко убила человека, Акико.

Её имя он выплюнул так, как будто ему отраву налили.

На мгновение она показалось растерянной, но вскоре вскинула голову и сделала шаг. Хибики и Сота тоже приблизились, в случае чего готовые защищать молодого господина.

— Ты хоть знаешь, кем был этот человек? — прошипела она сквозь зубы. — Знаешь, как он мучил других? Сколько погибло из-за него?

— Меня не волнует, чем монах Цуёши занимался в прошлом, — сердитый Хару уже не напоминал неопытного наивного птенца. — Я видел, как ты жестоко, — он вдруг запнулся и с отвращением качнул головой, отгоняя воспоминания прочь, — растерзала его.

Последние слова, наполненные горечью, прозвучали совсем тихо.

Её губы вдруг растянулись в улыбке, Акико громко засмеялась, чем напугала людей. Тэнгу тоже стало не по себе.

— Зато меня волнует. Хару, он убил мою мать... сначала мучил её, издевался, рвал её тело на части... растоптал моих братьев и сестёр у меня на глазах... а меня, совсем маленькую и слабую, запер в чёртовом храме и мучил всю мою жизнь. Но я уже не тот запуганный ребёнок. Я выросла и отомстила ему. Хару, ты считаешь, я не права? — поток слов лился из её рта, вначале она запинаясь и всхлипывала, но затем её речь переполнил гнев и ненависть, Хару ни слова не успел вставить, как она продолжила: — Ты так печёшься о своей семье, хочешь с ними жить вечно, а у меня из родных никого не осталось. По вине этого ужасного человека. Хару, он заслужил смерть.

От её рассказа сердце белого тэнгу начало таять, он уже не мог испытывать к ней ненависть, но и прощать не был готов.

— Тебе не стоило так мучить его, — в итоге сказал он и опустил голову. — Будь лучше него.

— Что было — то было, — вмешался Сота и схватил Хару и Хибики за руки. — Разобрались, а теперь давайте разойдёмся.

Он попытался увести друзей прочь отсюда, но девушка с золотистыми глазами не отставала, а тоже схватила белого тэнгу за руку.

— Хару, прости, что напугала тебя, — виновато сказала она и опустила голову. — Я всю жизнь жила лишь мыслями о мести и не подумала о тебе.

Несмотря на сильную хватку Соты и его попыток уйти с друзьями, Хару остановился и посмотрел на несчастную жрицу, которую теперь даже жалел.

— Хорошо, а теперь отпусти меня и прощай, — ответил он, понадеявшись покончить с этим и со временем забыть прошлую ночь как жуткий кошмар.

— Я помогу вам найти Асахи, — тут же вспомнила Акико, сильнее впиваясь пальцами в рукав Хару.

— Мне не нужна помощь убийцы, — мрачно ответил он и отвернулся.

Хару не хотел обижать Акико, но и странствовать с ней не намеревался. Кто знает, на что ещё она способна и не пострадают ли его друзья.

— Ему не нужна помощь убийцы, — повторил Сота и смирил жрицу сердитым взглядом.

— Хару, пожалуйста, — Акико носом уткнулась в его руку. — Мне больше некуда идти, у меня ничего не осталось.

— Если ты всю жизнь в храме была заперта, то откуда знаешь дорогу? — вмешался Хибики и с подозрением пригляделся к ней.

— Точно-точно! — поддакнул Сота. — Неужто хочешь завести нас куда-то и тоже убить?

— Хару! — отчаялась Акико.

А белый тэнгу жалел её...

В его голове сейчас творился хаос, вчерашнее убийство перемешалось с её рассказом. Хару поверить не мог, чтобы монах Цуёши, показавшийся ему добрым стариком, мог жестоко убить мать и детей, оставив в живых одну девочку. Но Хару и от Акико не ожидал такой подлости. Он подозревал, что в этом мире существа, будь то люди или ёкаи, могут оказаться не теми, за кого себя выдают.

Он вспомнил свою семью, и в груди разлилось тепло. Представил, как старый монах убил женщину и детей, как запер в храме девочку, как... нет, о пытках и мучениях Хару решил не думать. Но в нём проснулась злость к старику и сочувствие к жертве в лице Акико. А к ней самой... тэнгу не знал, боялся он её или жалел. Возможно, всё сразу. Он понимал, что было бы легче сейчас разойтись, вместе с Сотой и Хибики они бы как-нибудь добрались до княжества Отаки, разыскали бы резиденцию, в которой жил Асахи. Но теперь он подумал, что не может бросить на произвол судьбы девушку, которая осталась без дома и семьи, которой не за что цепляться и не к кому идти. Должно быть, она и к Хару прибежала, потому что он не просто помог ей покинуть опечатанный храм, но и выслушал её, пожалел, в конце концов, просто побыл рядом.

— Молодой господин, пойдём уже, — не выдержал Сота и вновь попытался потащить обоих тэнгу прочь из деревни.

Но Хару не мог. Заботящийся о семье и всегда готовый помочь нуждающимся, он не мог отвернуться от девушки, которая хоть и оказалась убийцей, но в прошлом успела намучиться. Жизнь сделала её жестокой, и Хару не желал бросать её.

— Мне не нужна помощь убийцы, — всё ещё серьёзным тоном повторил он.

— Вот! — воскликнул Сота и подтолкнул друзей вперёд, а Хибики настороженно следил за молодым господином, подозревая, что тот не закончил.

— Но, — продолжил Хару, и взгляд его потеплел, когда он посмотрел на Акико, — я не брошу друга одного. Я бездомный тэнгу, а ты тогда теперь бесхрамная мико?

Глава 6. От бесхрамной мико нелегко избавиться

В золотистых глазах цвета ямабуки появилось тепло и надежда, Акико посмотрела на Хару и вновь уткнулась носом в его рукав. По её щекам стекли две слезы, которые она сразу вытерла о его одежду, оживилась и тихим, но довольным голосом произнесла:

— Спасибо.

А вот друзья Хару не обрадовались: если Хибики молча вздохнул и отвернулся, то Сота тут же остановился, упёрся ногами в землю и дёрнул руку белого тэнгу, да так сильно, что пошатнулись и он, и Акико, которая держалась за Хару с другой стороны.

— Молодой господин, скажи, что она не пойдёт с нами! — потребовал возмущённый Сота и дёрнул ещё раз, на этот раз чуть не уронив Хибики.

— Прекрати, — потребовал последний, а затем перевёл взгляд на Хару. — Я тоже против, чтобы она шла с нами.

Небольшой камень вдруг прилетел белому тэнгу по затылку, едва не запутавшись в пепельных волосах, но с гулким звуком приземлился под ноги. Хару высвободил правую руку, которую держал Сота, и почесал голову. Мальчишка спрятался за старшими, а взрослые нахмурились и крепче стиснули вилы. Кто-то взял в руки горсть зёрен и вдруг рассыпал их по земле у ног незваных странников. Должно быть, услышал разговор о тэнгу и посчитал это забавным. Никто не ожидал, что Хару в тот же момент упадёт на землю и начнёт клевать их, в буквальном смысле слова. Стоя на четвереньках, он опускал нос в землю и подцеплял зёрна по одному, затем глотал их с задранной головой. Видимо, в переходной форме у него остались не только ноги, но и какие-то птичьи привычки.

Сота и Хибики ошарашенно смотрели на молодого господина, после чего первый бросил сердитый взгляд на людей, выискивая того, кто посмел так насмеяться над Хару. Акико тоже сначала стояла в замешательстве, после чего попыталась поднять белого тэнгу — руку она по-прежнему не отпустила, поэтому потянула за неё.

От этой картины люди пришли в восторг и дружно захохотали, враждебность отступила, злились теперь только ёкаи.

Пожилой мужчина отделился от толпы, держась за ветхую палку, и вышел вперёд.

— Мы видим, что вы не хотите причинить нам вреда, — мудро заговорил, вероятно, старейшина деревни. — Но наш люд боится вас, поэтому просим почтенных тэнгу уйти с миром.

Продолжая держать Хару за руку, Акико сделала шаг вперёд и, опередив вскипающего от злости Соту, настойчиво попросила:

— Позвольте нам приобрести здесь одежду, мы заплатим и уйдём.

В толпе людей поднялось активное волнительное обсуждение, кто-то хотел прогнать поганых ёкаев, другие же заинтересовались дружелюбными тэнгу.

— Хорошо, — ответил старец и двинулся им навстречу. — Следуйте за мной.

Хару наконец-то доклевал зёрна, его взгляд прояснился, юноша наконец-то поднялся с земли и в замешательстве замер на месте, не понимая, что произошло.

— Пойдём, молодой господин, — вздохнул Хибики и последовал за стариком, на миг обернувшись. — Ты тоже, Сота.

— Ты мне не указ, — пробурчал тот, но от толпы людей отвернулся.

Акико потянула Хару за рукав и тоже пошла за старейшиной деревни. Кто-то в шутку

кинул в них горсть бобов — должно быть, ожидая, что тэнгу снова примется клевать их. Однако с бобами такое не сработало: все четверо только нахмурились и обернулись, а десятилетний ребёнок пискнул и скрылся за спиной широкоплечего мужчины.

— Мы вам не они*, нас не изгоняют бобами, — тихо произнёс Хибики, вряд ли кто-то из толпы услышал его.

— Чем же вас изгоняют? — с лёгкой улыбкой поинтересовался старик, который всё-таки расслышал его слова.

— А вы хотите нас изгнать? — с возмущением воскликнул Сота и нагнал старейшину, поравнявшись с ним.

— Лучше быть готовым ко всему, — мудро заключил он и повёл их дальше.

Они прошли половину деревни, люди выглядывали из своих домиков и на этот раз даже выходили на улицу. Кто-то наблюдал с интересом, кто-то шикал и ругался, но теперь никто не демонстрировал страха и не пытался ничего бросить, ведь ёкаев вёл почтенный старец — ни один житель не решался поднять руку на него. И не потому, что боялся, а из уважения.

В центре, что неудивительно, оказалось самое большое скопление домиков, там же стояли лавки с всевозможными овощами и фруктами, выпечкой, а также тканями.

— Доброе утро, Кику, — добродушно обратился старик к молодой женщине. — Подбери одежду этим господам.

— Нам нужны две накидки, — тут же произнёс Хибики, рассматривая развешенные в лавке ткани и некоторые готовые кимоно.

— И комплект одежды для молодого господина, — влезла Акико, потянув за собой Хару и указав на его неопрятный вид. Вся одежда запачкалась ещё вчера, когда он сжигал печати в храме, где она была заключена. От белого цвета не осталось и следа.

Молодая женщина с опаской посмотрела сначала на светловолосого рыжеглазого Хибики, затем перевела взгляд на ещё более пугающего Хару с пепельными волосами и киноварно-красными глазами, вздрогнула, сглотнула, но всё-таки взяла себя в руки.

— Вам нужно светлое или что-то менее приметное? — она старалась вести себя доброжелательно, присутствие старика успокаивало, однако внешний вид путников как бы намекал, что перед ней стояли не люди.

— Светлое.

— Менее приметное.

Хибики и Акико произнесли это одновременно.

— Молодой господин всегда ходит в белом, — заявил Хибики, прищурился и окинул девушку недовольным взглядом, Сота согласно закивал с прикрытыми глазами.

— У него белые волосы, красные глаза, ещё и красная лента на лбу. Если вы его ещё и в белое нарядите, то он просто будет ходить по округе и как будто кричать: «Эй, посмотрите все на меня!» — фыркнула Акико, слегка наклонила голову вперёд и изогнула брови. — Хару, ты сам как считаешь?

— Я думаю, Акико права, — произнёс он и виновато посмотрел на друзей. — Хотя в белом я, правда, ощущаю себя лучше.

— Могу предложить вам белый верх с чёрным узором или, может, подойдёт чёрный верх с белым узором, чёрный низ и тёмную накидку, — осмелилась вмешаться женщина по имени Кику. Она указала рукой на образцы тканей. — Примерьте.

Кику являлась хозяйкой единственной на округу лавки с тканями и одеждой. Всё-таки находились они в небольшой деревне, а не крупном городе, поэтому милая женщина не

могла предложить постояльцам спрятаться за ширму, чтобы примерить одежду. Она подозвала к себе Хару и повесила его большим тёмным покрывалом.

— Я помогу молодому господину одеться, — сказал Хибики и собрался зайти следом за белым тэнгу.

Как бы женщина ни боялась ёкаев, сейчас они были её клиентами.

— Ничего страшного, я сама помогу, — в руках она держала несколько разных комплектов. — Позвольте.

Кику вошла к Хару. Когда она опустила покрывало через некоторое время, Хибики и Акико с удивлением оценивающе осмотрели молодого господина с ног до головы, а Сота лишь пожал плечами, не придавая значения внешнему виду.

Хару облачили в коричневато-красное, почти чёрное, как кора каштана, кимоно с краями, переходящими от светло-коричневого к чистому белому. Узор в виде перьев белых и жёлтых оттенки в основном находился на рукавах, а не покрывал всё кимоно. Пояс Кику тоже выбрала белый, чтобы сочетался с узором, чёрный бы сюда не вписался. Тонкая, но тёплая накидка более тёмного цвета висела на плечах Хару и закреплялась красной лентой на шее. Кику также осмелилась расчесать волосы молодого господина гребнем и связала их красной лентой практически такого же оттенка, как и та, что была повязана вокруг его лба. Теперь создавалось впечатление, что они были единым целым.

Благодаря тёмному низу, если не приглядываться к ногам Хару, то можно не заметить, что они были птичьими. Большую часть скрывали тёмные ткани, а остальные имели такой же цвет, так что теперь издали его лапы даже походили на обувь.

Пока он переодевался, старец успел отойти.

— Если не нравится, можем примерить другой вариант, — сообщила Кику и показала на белое кимоно с чёрным узором в виде цветов.

— Как бы ни хотелось признавать этого, выглядит неплохо, — Хибики слабо улыбнулся.

— Оставляем! — радостно воскликнула Акико.

Хару вздохнул, всё ещё не понимая, как к ней относиться теперь. Со стороны он себя не видел, но раз и друзья оценили, то решил оставить так и не тратить время, а отправиться на поиски Асахи.

— Теперь выберем что-нибудь для остальных, — решил Хару, уверенно вышел из лавки и подтолкнул туда Хибики.

Поскольку светлый тэнгу нуждался лишь в накидке, то прятаться за покрывалом не пришлось. Ему подобрали почти такую же, только немного другого оттенка, Кику назвала его цветом переваренных бобов, с названия которого Хару даже посмеялся, ведь совсем недавно люди пытались закидать их бобами, а теперь они выбирали одежду такого же цвета.

Хибики уже собирался расплатиться, как Хару перехватил его руку:

— Может, Соте и Акико тоже что-то выбрать? Будет странновато, если в накидках только мы вдвоём будем, а так хоть на группу странников станем похожими.

— Ага, белый птиц, чёрный птиц, мелкий птиц и... — Сота бросил взгляд на Акико, не придумав, как назвать её.

— И жрица, — с уверенностью заявила она.

— Жрица и её тэнгу? — предложил Хару и улыбнулся, решив попытаться простить её.

— Нет! — в один голос крикнули Сота и Хибики. — Ни за что.

Вскоре в накидках разных тёмных оттенков оказались все четверо, светлый тэнгу поблагодарил женщину и расплатился. Как раз, когда они собирались уходить, вернулся

старец с двумя мешками.

— Не знаю, чем питаются тэнгу, но я осмелился собрать для вас немного еды, — с доброжелательной улыбкой сказал он и протянул мешки.

Его слова и поступок тронули Хару, тот с благодарностью посмотрел на пожилого человека и согнулся пополам в поклоне:

— Большое спасибо за вашу заботу!

Сота и Хибики не остались в стороне, а встали рядом и тоже поклонились, Акико вздохнула и кивнула головой. Хибики также заплатил и старику, после чего спросил:

— Быть может, вы знаете, как нам добраться до провинции Кадзуса?

Сота в это время забрал у него два мешка и один из них закинул себе на плечо, а на другом помешал лук со стрелами, который Хару так и не забрал, поэтому второй мешок пока оставил на земле.

— Неблизкий путь вам предстоит, — ответил пожилой человек и махнул рукой куда-то в сторону. — Идите всё время на юг. Как выйдете из деревни, пройдёте поле и лес, за ними находится пограничная деревня, там вам уже подскажут.

— Благодарим вас за вашу доброту, — ещё раз сказал Хибики и кивнул на прощание.

— Эй, Хибики, подожди, не хочешь мешок у меня забрать? — остановил его Сота, когда тот уже собрался двинуться в путь.

— Да он перевесит меня, — прищурился тот, не желая тащить тяжёлую ношу. — Могу забрать лук молодого господина.

— Давай я понесу, — с готовностью вмешался Хару.

Сота вдруг смутился.

— Э-э, нет, лучше я сам, — он не решился сказать вслух, что молодому господину не хватит сил.

— Не переживай, я донесу! — заспорил Хару и попытался отнять у него мешок.

— Мне что-то резко захотелось понести самому, — заявил Хибики, не ожидавший, что белый тэнгу соберётся помочь. С другой стороны, именно этого он и должен был ожидать, Хару всегда бросался помогать окружающим.

— Оба? — Сота хитро прищурился, чуть не вручив невысокому светлому тэнгу сразу два мешка с провизией. Хибики погрозил ему кулаком, но один мешок подхватил и закинул себе за плечо, нахмурившись, а затем вновь приняв невозмутимый вид.

Сота усмехнулся и обратился к Хару:

— Молодой господин, мы шутили, мешки для нас не проблема.

— Точно? — обеспокоенно спросил Хару, надеясь хоть что-то забрать.

— Точно.

— Пойдём, — позвала Акико, уже успевшая отбежать на пару дзё.

— Хорошего пути, — на прощание вместе сказали добрый старик и милая лавочница Кику. Недалеко от них столпились любопытные люди, которые так и не решились приблизиться. Видя хорошее расположение старейшины, они больше не угрожали лопатами и вилами, не кидали камни и бобы.

— Счастливого оставаться, — с радостной улыбкой Хару помахал им на прощание и догнал жрицу, Сота и Хибики чуть медленнее двинулись за ним.

Они проходили мимо остававшихся домов, которых становилось всё меньше, добрались до границы, где стояли уже совсем отдельные домики, старые и ветхие. Люди всё ещё бросали на них взгляды, но уже потихоньку возвращались к своим делам: кому пахать и

заниматься скотом надо было, кто-то готовил и стирал, кто-то открывал лавки. Только любопытные дети доплелись до самой границы деревни, прячась за домиками, но наблюдая за ёкаями. Они уже не швыряли камни и бобы, а просто с интересом разглядывали существ, которые оказались невраждебными.

Хару обернулся и помахал им на прощание, дети запищали, рассмеялись и разбежались в разные стороны, а ёкаи покинули деревню на холме и спустились на луг. Двигались они уже не по заливным полям с рисом, их окружали разнообразные пока ещё зелёные колоски, колыхающиеся на ветру, невысокая трава.

Акико шла чуть впереди, как будто возглавляла их отряд, следом шёл Хару, а за ним Сота и Хибики с мешками на плечах. Дети не спустились с холма за ними, а что-то радостно закричали и засвистели. Солнце сияло в самом центре неба, шёл час лошади (Час лошади — с 11:00 до 13:00), путникам предстояло за день пройти как можно дальше. Они не представляли, как далеко находилась пограничная деревня, о которой рассказал старейшина, но решили поторопиться. На бег не переходили, чтобы сохранить силы, но шли в достаточно быстром темпе, вскоре миновали луг, на котором солнце припекало под тёмными накидками, и оказались в лесу.

— Может, передохнём? — предложил запыхавшийся Хару и с надеждой посмотрел на друзей.

— Молодой господин, но мы всего ничего прошли, — возразил низкий Хибики, который хоть и нёс тяжёлый мешок с провизией, но не так сильно устал, чтобы делать привал. Однако оценив вид Хару, он только мог вздохнуть. Хорошо, что молодому господину не отдали мешок или даже лук, иначе бы они и до леса не дошли.

— Чуть-чуть посидеть, — молящим голосом попросил Хару, как будто господином здесь был не он.

— Тебе нужно их разрешение? — с ехидной улыбкой поинтересовалась Акико, догадываясь, что по статусу те двое тэнгу были ниже.

— Конечно, — тут же выпалил Хару. — Мы же друзья.

— Давайте отдохнём, — заключил Сота, бросил мешок на землю и сам плюхнулся у дерева. Не медля ни мгновения, белый тэнгу сразу же расположился рядом и потянулся, Хибики оставалось лишь вздохнуть и снять свою ношу.

— Молодой господин сильнее всех устал, — хихикнул Сота, насмешливо посмотрел на Хару и поспешил добавить: — Дольше нас на земле находится всё-таки.

Но даже так Хару не понял, что над ним посмеялись — не заметил в этом ничего обидного, а согласно закивал, свернулся клубочком у дерева, чуть голову на спину не закинув, словно спящий ворон, и мирно задремал. Шею он попытался свернуть, как часто делают птицы, но не вышло, поэтому оставил голову на плече.

— Я принесу воды, — решил Хибики и отправился на поиски какого-нибудь ручья.

Акико глянула на дремлющего Хару и отдыхающего Соту и всё-таки незаметно юркнула за светлым тэнгу. Она держалась на почтительном расстоянии, старалась оставаться в тени деревьев, но внимательный Хибики почти сразу подал голос:

— Зачем ты следуешь за мной?

Широко улыбнувшись, она вышла из-за ствола дерева и молча догнала тэнгу.

— Почему вообще хвостиком ходишь за нашим молодым господином? Чего ты добиваешься, каких целей преследуешь?

Большую часть времени Хибики молчал, но сейчас решил расспросить вынужденную

попутчицу.

— Почему нет? — она пожала плечами и неторопливо двинулась вперёд, прислушиваясь к звукам леса. — Вас же тоже не изгоняли из этого вашего дворца, но всё равно последовали за ним?

Хотя она и сказала это в форме вопроса, всё равно была уверена, что говорила истину.

— Не твоё дело, — сердито отрезал Хибики, настороженно поглядывая на неё.

— А меня расспрашиваешь. Вдобавок, нам какое-то время придётся странствовать вместе, а вместо ответа на мой вопрос грубишь?

— Молодой господин ещё неопытный ребёнок.

Акико широко улыбнулась, золотистые глаза цвета ямабуки оценивающе пригляделись к светлому тэнгу.

— Разве вы не ровесники?

— Если тебя это волнует, — в огненно-рыжих глазах Хибики блеснул недовольный огонёк, — то почти ровесники, я на год младше.

— Вот почему ты такой низкий, — тихо хихикнула она себе под нос. Тэнгу расслышал её слова, но реагировать на них не стал, а вместо этого потребовал:

— Теперь объясни, что ты тут забыла.

Улыбка Акико вдруг стала не такой широкой и весёлой, а какой-то грустной.

— У меня нет дома и семьи, в этом мире я знаю только Хару.

Хибики нахмурился.

— На жалость только давить не надо, найди себе других ёкаев и ходи за ними.

Они продолжали идти по лесу, шурша осыпавшимися подсохшими листьями и хрустя мелкими ветками, пробирались через кусты, ловко проходили мимо нависающей паутины.

— А если я скажу, что выбрала Хару? — вдруг заговорила Акико. — Пусть я и знаю вашу историю без подробностей, но я поняла, что вы хотите защищать его. Я тоже хочу. Я не желаю ему зла, — она виновато опустила взгляд. — Мне жаль, что я напугала его.

— Извини, но даже если ты говоришь искренне, я тебе не доверяю, — отрезал Хибики, заставив девушку замолчать.

Она прикусила губу, но не сказала больше ни слова. Думала, что с этим тэнгу будет проще договориться, чем с более агрессивно настроенным Сотой, как ей показалось, но всё не так легко, а унижаться не хотелось.

Хибики тоже не был плохим, лишь искренне заботился о Хару. Ночи в ручье с трясущимся и мечущимся от кошмаров молодым господином оказалось достаточно, чтобы внутри него пробудилась ненависть к виновнице. Даже если Хару разрешил ей искать Асахи вместе с ними, бдительный Хибики не планировал расслабляться.

Некоторое время они так и шли в тишине, нарушаемой лишь еле доносящимся пением птиц и шуршанием насекомых, пока не послышался плеск воды. Где-то вдали вода билась о камень, Акико и Хибики одновременно повернулись на этот звук и устремились к его источнику. Из одежды светлый тэнгу достал узкий, но достаточно длинный сосуд, присел у ручья и набрал воды. Акико тоже опустилась рядом, зачерпнула воду руками и жадно отпила. Одного глотка не хватило, она сделала ещё один, затем умыла лицо. Наполнив сосуд, Хибики придержал его коленями, тоже зачерпнул руками и жадно испил желанной воды.

— Как мне к вам обращаться? — вдруг поинтересовалась Акико, когда оба поднялись на ноги.

Хибики спрятал сосуд в одежде и взглянул на девушку.

— Раз к нашему молодому господину ты обращаешься по имени, то и к нам стоит также, — в итоге заключил он и, не собираясь продолжать диалог, двинулся обратно в сторону, откуда они пришли.

Акико последовала за ним. Хотя она всю жизнь и провела в опечатанном храме, ориентироваться в лесу не составляло большого труда. Все деревья и кусты казались разными, поэтому она примерно представляла, куда именно идти.

— Хибики, — вдруг произнесла она имя светлого тэнгу. — Я не прошу сразу начать мне доверять, но дай мне шанс, пожалуйста.

Огненно-рыжие глаза устало взглянули на неё.

— Барышня, молодой господин в любом случае решил, что ты идёшь с нами, а никакие твои слова не убедят меня.

Он говорил не сердито, а спокойно и осознанно.

— Пока ты ела своего человека, перепуганный молодой господин не знал, куда ему деться, как пережить увиденное, — надавил он на больное. — Не ты провела с ним ту ночь, а мы с Сотой.

Акико промолчала, а Хибики продолжал сыпать соль на рану:

— Я понять не могу, откуда в тебе вообще взялась наглость разыскать молодого господина после этого. Ладно, и знать не хочу. Если ты, правда, хорошая и не желаешь нашему молодому господину зла, то время покажет, но так просто я не смогу одобрить твоё присутствие, извини.

Она задумчиво улыбнулась.

— Спасибо. Постараюсь не подвести.

Несмотря на то, как холодно Хибики отнёсся к ней, после разговора стало легче. Не такую уж и сильную неприязнь он испытывал к этой девушке. Пусть всё ещё не одобрял, но не до такой степени, как было всего несколько часов назад.

Если по дороге туда между ними ещё висело напряжение, то теперь оно смягчилось, хотя и повисла небольшая неловкость. Какой же силой обладали слова, которые могли помирить двух враждебных существ.

— Если и тебя волнует счастье молодого господина, то я не буду настаивать на твоём уходе из нашего отряда, — тихим голосом проговорил Хибики, когда они уже подходили к дереву, где отдыхали Хару и Сота. — Тем более, он уже назвал тебя бесхрамной мико.

Золотистые глаза цвета ямабуки расширились от удивления, в них затеплились огоньки надежды.

— Бесхрамная мико... — задумчиво повторила Акико, смакуя это словосочетание. — Это что-то значит?

— Молодой господин даёт прозвища только друзьям, — Хибики приподнял голову к небу, проглядывающему среди густой листвы.

— У тебя тоже есть? — с интересом спросила девушка.

Светлый тэнгу тепло улыбнулся, едва не предавшись воспоминаниям, как вдруг резко напрягся. Акико, на некоторое время потерявшая бдительность из-за душевного разговора, тоже пришла в себя и прислушалась. Птицы перестали петь, но слышалось какое-то движение.

Свист пронзил воздух, у лица Хибики пролетела стрела.

*они — человекоподобные ёкаи с клыками и рогами

**Дзё = 3,03 м

Глава 7. Охотники за головами ёкаев

Светлый тэнгу резко изогнулся и уклонился от стрелы — та не задела ни волоска на его голове. Хибики отбросил прочь все мысли о недавнем разговоре и также воспоминания, сейчас первоочередной целью стало защищать Хару любой ценой. Вторая стрела полетела в сторону Акико, но и жрица не зевала, а извернулась, словно гибкая змея, прижалась к стволу дерева. Стрела вошла в ствол позади, с хрустом ломая кору.

Дерево, возле которого остались отдыхать Хару и Сота, находилось всего в паре шагов от места, где стояли Хибики и Акико, и попадало в поле их зрения, однако никто под ним не сидел. Мешки с провизией тоже исчезли. Если бы здесь был Хару, он бы уже кричал нападающим, что между тэнгу и людьми заключили мир, что им не нужно сражаться, однако молодой господин исчез, а Хибики и Акико чесать языками и выкрикивать это вместо него не собирались. Если, конечно, это люди напали, а не ёкаи. С другой стороны, вряд ли ёкаи воспользовались бы стрелами.

Акико шустро взобралась по дереву и затаилась за толстой длинной веткой, прижалась к стволу, практически сливаясь с ним. Она огляделась по сторонам, прищурилась, выискивая хоть кого-нибудь из врагов или Хару с Сотой. Если бы напали на одного Хару, то того ещё могли бы взять, однако Сота бы без боя не дался, а на земле возле дерева, где они лежали, не осталось никаких следов драки, кроме углублений от тяжёлых мешков, которые тоже исчезли. Словно змея, Акико бесшумно и незаметно переползала по толстым ветвям. Хибики обратился маленькой светло-коричневой птицей чуть крупнее воробья — и нет, он был не вороном, как Хару и Сота, а более крошечным созданием. Шум от взмаха крыльем привлёк внимания врага, стрелы, свистом пронзая воздух, устремились в сторону Хибики. Быстрые как молнии, острые как тигриные клыки, они пролетели возле маленького тэнгу, но тот успел увернуться. Он взмыл к макушкам деревьев и спрятался за листвой, оттуда перемещаясь дальше.

В форме птицы Хибики был никудышным бойцом, слишком мелкий, перья не такие острые, как у чёрных воронов вроде Соты, а с самыми опасными белыми тэнгу он точно не мог сравниться. Маленький, он хорошо прятался и неплохо занимался разведкой или на худой конец отвлекал внимание, а в сражении ему бы стоило принять человеческий облик и взять в руки оружие.

Пока Акико пряталась на дереве и выискивала врага, Хибики пролетел всего несколько дзё (Дзё = 3,03 м), как вдруг заметил белые пятна на земле. Он чуть не пролетел мимо, но вовремя взгляделся и вернулся, спрятался на ветке и присмотрелся. Белые волосы выглядывали из-под тёмной накидки Хару, на лице кто-то завязал тряпку, полностью скрывающую рот. Рядом с ним валялся Сота с такой же тряпкой, вид у него был потрёпанный, а вокруг руки растекалось тёмно-красное пятно. Хибики с трудом сдержал писк возмущения. С дерева Хару выглядел невредимым, а вот Соту похоже ранили.

Маленький светлый тэнгу аккуратно, прячась за листвой, полетел в ту сторону, где оставил жрицу.

— Акико, — запищал он, потеряв конкретное место, где пряталась девушка, — Хару и Сота там.

Сейчас не имело значения, доверял он ей или нет. Если не она привела сюда людей (а он подозревал, что на них напали охотники на ёкаев), то любая помощь бы пригодилась, в

особенности по спасению его господина.

Однако писком Хибики выдал своё местоположение. Град молниеносных рассекающих воздух стрел устремился в его сторону, крошка-тэнгу заметался из стороны в сторону, попытался укрыться от них, но одна стрела летела прямо на него, а уворачиваться было некуда.

Быстрая, словно вспышка света, Акико метнулась в его сторону, схватила Хибики, приземлилась на ветку и в следующий миг скаканула на другую. Сделала она это настолько шустро и внезапно, что нападающие лишь на мгновение увидели тень, которая тут же исчезла. Прячущиеся в кустах и за деревьями протёрли глаза и заморгали, но так и не увидели, куда делись обе цели.

— Где Хару? — прорычала Акико, придерживая Хибики в руке, маленькая птица махнула крылом.

Жрица, не выпуская тэнгу из рук, попрыгала по ветвям, прячась за листвой. Цвет её накидки практически сливался с окружающими деревьями, поэтому её было сложно заметить.

Вскоре она тоже увидела лежавшего на земле Хару и расвирепела, даже не глянув на Соту, валявшегося в луже крови.

— Хибики, у тебя есть оружие? — прошипела она сквозь зубы.

— Только катана, — виновато ответил он. — В человечесем облиии. Отдать?

— Нет, попробуй привлечь их внимание, но не подлетай к Хару.

Хибики с опаской взглянув ей в глаза, но заметил в них лишь решительность. Он кивнул, выпорхнул из её рук и полетел вниз, пикируя среди деревьев. В следующий момент в его сторону выпустили несколько стрел, а Акико спрыгнула с дерева и сняла с Соты лук и стрелы, не беспокоясь, больно ли ему. Тряпка слетела с его лица, Сота тихо застонал, а Акико натянула тетиву и пустила стрелу в сторону, откуда предположительно стрелял враг.

И попала.

Кто-то вскрикнул, Хибики метнулся на звук, а Акико пустила ещё пару стрел рядом. Одному человеку она попала в лицо, а второму, убегавшему, в спину. Первый держался за плечо и сердито смотрел на неё, другой упал и пытался отползти. В золотистых глазах цвета ямабуки сверкала ярость. Акико даже пожалела, что не взяла катану Хибики, она бы сейчас с наслаждением разрубила двух этих раненых, а то стрелами неудобно. Но у неё оставался ещё козырь в рукаве.

Жрица проскользнула по земле к уползающему мужчине в тёмно-коричневых одеждах, вмиг наклонилась и вцепилась клыками в его шею. Пока первый обламывал стрелу в своём плече, второй вдруг заорал. Первый даже обернуться не успел, как вдруг Акико впиалась острыми клыками и в его плоть и почти сразу отпустила. Мужчины упали на землю и затряслись, а жрица спряталась за стволом дерева. Где-то ещё скрывались остальные люди.

За это время Хибики успел стянуть тряпку с лица Хару, от которой его и самого начало клонить в сон. Хару закашлялся и очнулся, Сота тоже постепенно приходил в себя.

Стрела полетела в их сторону, но Акико оказалась быстрее — натянула тетиву и пустила свою. Её стрела успела: с хрустом сломала вражескую пополам прямо в воздухе и сама попала в дерево. Акико не медлила, вновь натянула тетиву, даже не прижимая руку к подбородку. Стрела со свистом пронеслась и попала в плечо ещё одному человеку — если бы тот не успел уклониться, то она бы оказалась в его глазу. Не издав ни звука, опытный наёмник присел на землю, прячась за деревом, и сломал деревянную стрелу пополам,

вытащив её из своего плеча. Он миготом оторвал часть рукава и попытался перевязать рану, но Акико оказалась быстрее. Появившись за его спиной, она впила и в его шею клыками, выпуская яд.

— Перестаньте сражаться! — вдруг разнеслись по округе слабые слова Хару, он протёр глаза и попытался смахнуть усталость. — Прекратите!

Следующую стрелу выпустили в его сторону. Акико находилась слишком далеко, Сота и Хибики решительно метнулись вперёд, чтобы закрыть Хару своими телами. Но и Хару терять друзей не собирался, как вдруг выпустил целый рой перьев, которые сбили стрелу и с хрустом прорубили стволы деревьев — не врезались в них, а пролетели насквозь. Острые белоснежные перья прошли сквозь плоть некоторых людей из отряда: те даже заметить не успели, как у них возникли раны и хлынула кровь.

Перья пролетели расстояние в целый тё (Тё = 109 м), непострадавшие люди сразу опомнились и натянули тетивы своих луков, как вдруг Хару призвал все перья обратно. Невероятно быстрые, как лучи солнца, те на огромной скорости вернулись обратно, задевая всё на своём пути. Пока люди пытались осознать происходящее, Акико обнаружила их местоположение и метнулась туда, впила клыками в шею раненых. Она не рвала их плоть и не мучила, как проделывала это с монахом Цуёши, а лишь выпускала смертельный яд. Пострадавшие падали на землю, содрогались от ужасной судороги и кричали от боли.

Хибики уже успел принять человеческое обличье и замотал рану Соты на руке, после чего поддержал Хару, чтобы тот не грохнулся. Сота уже достаточно пришёл в себя, чтобы держать в руках катану, поэтому ринулся на звуки раненых и замахнулся.

— Отступаем! — крикнул один из людей, кусты зашуршали, люди понеслись за ним.

— Стоять! — прокричал расвирепевший Сота и вонзил меч в спину одному из убегающих, тот вскрикнул и упал.

— Хватит драться, давайте договоримся! — попытался докричаться Хару, но никто его не слушал.

— Оставьте в живых хотя бы одного, — решительно потребовал Хибики, вновь превратился в маленькую светло-коричневую птицу и полетел за охотниками. Уверенные огненные глаза высматривали убегающих — те не могли раствориться в воздухе и исчезнуть, были вынуждены сами уносить свои ноги.

Один из них достал из кармана какой-то шар, завёрнутый в тряпку, и швырнул в сторону ёкаев. Тот взорвался, по округе разлетелся дым. Сота ринулся прямо в него, но глаза резко начали слипаться, его сразу потянуло в сон, и он с грохотом упал на землю. Меч выпал из его рук. Хибики завис в воздухе, с тревогой глядя на друга. Кто знает, смертельным ли был этот газ.

Хару растерянно оглядывался по сторонам, а Акико, не теряя времени, тоже метнулась за убегающими людьми. Делала лишь небольшие остановки, чтобы выпустить пару стрел, и продолжала преследовать.

Блеск на миг появился перед глазами Хару, к его шее приставили кинжал. Пока Сота лежал в дыму, Хибики летал над ним, Акико гналась за убегающими людьми, один из охотников незаметно подкрался сзади и напал на белого тэнгу, оставшегося одного.

— Пискнешь — убью, — сердито проговорил он тихим голосом, что никто, кроме Хару, не мог услышать его.

— Что вам нужно? — возмутился тэнгу и попытался вырваться, но острое лезвие коснулось его шеи. Кожа зашипала, кровь потекла тонкой струйкой. — Наши народы

заклучили мир.

Хару пытался достучаться до голоса разума, но человек только рассмеялся.

— Кому есть дело до мира?

На лице мужчины застыла устрашающая улыбка, он вдохнул запах волос Хару, стащил с головы того тёмную накидку. Поскольку одной рукой он держал жертву за живот, а вторая держала кинжал у шеи, то своим языком мужчина провёл по лицу юноши. Хару вздрогнул и только напоролся на остриё, рана защипала, кровь потекла сильнее.

Боковым зрением тэнгу видел, что щёку мужчину рассекал жуткий шрам из четырёх полос, глаз его был наполовину прикрыт, а во втором заметил наслаждение. Языком мужчина подцепил ленту, прикусил её зубами и попытался стянуть, но ничего не вышло.

— Что вам нужно? — еле дыша, спросил Хару. Друзья по-прежнему не обнаружили, что его взяли в заложники.

— Удобрение, — мужчина ухмыльнулся и потащил тэнгу назад, к кустам и в тень деревьев.

Акико всё ещё мчалась за убежавшими охотниками, а Хибики всё-таки метнулся в дым, задержав дыхание, принял человеческий облик, взял Соту за ноги и попытался передвинуть в сторону. Хару не оставалось ничего, кроме как подчиниться и отступить с женщиной. Может, хоть так он что-нибудь узнает. Если останется в живых.

Пока Хибики тащил Соту, тот вдруг слабо приоткрыл глаза и сразу заметил пепельные волосы, ярко выделяющиеся на фоне леса.

— М-мол... гос... ин, — слабо пробормотал он и чуть снова не вырубился, но дым постепенно выветривался.

Светлый тэнгу резко обернулся и в ужасе замер, тут же глазами найдя молодого господина, которого ещё не успели утащить в кусты, и обнаружив кинжал возле его шеи. Благодаря зоркому взгляду он увидел не только блеск металла, но и струйку крови. Он вновь обратился птицей — так быстрее перемещаться — и полетел за Хару и подлым человеком.

— Акико! — пискнул он со всей мочи своего маленького тельца, после чего метнулся в кусты и бросился на охотника, клюнул его лоб, схватился лапками за волосы, выдёргивая их.

Натягивающая тетиву жрица обернулась, так и не разжав пальцы. Золотистые глаза расширились от ужаса, она не глядя выпустила пару стрел и помчалась назад. Акико сокрушалась, что так легкомысленно оставила Хару.

Сота схватился за рукоять катаны и с трудом поднялся на ноги, шатаясь, двинулся в сторону кустов, куда враг утащил молодого господина. Ярость придавала сил, поэтому он продолжал брести вперёд. Скачущая по деревьям Акико пролетела над его головой и спрыгнула на землю, вмиг натянув тетиву.

— Немедленно отпусти его, — потребовала она, золотистые глаза цвета ямабуки пылали от гнева.

Вдруг и к её горлу приставили кинжал, а мужчина, державший кинжал у горла Хару, вскинул брови и победоносно рассмеялся.

— Вы в ловушке, маленькие ёкаи.

Их окружили другие люди. Они пожертвовали частью отряда, чтобы отвлечь внимание, в то время как более опытные охотники окружили их. На голову того, что держал Хару, тут же закинули мешок, в который поймали Хибики.

— Девке вырвите клыки, — приказал он тем, что стояли вокруг Акико, посчитав её наиболее опасным противником из всех.

— Не трогайте её! — запротестовал Хару и своей лапой пнул мужчину в живот. Тот посильнее сжал его и вновь провёл лезвием по шее, но тэнгу всё равно рвался к жрице.

Люди с кинжалами в руках медленно приближались к ней, пока один держал её со спины.

— Ладно, позже, — пробурчал мужчина, пытаясь удержать сопротивляющегося Хару. — Пока просто свяжите их.

В стороне послышался звон удара о металл — Сота не успел добрести до остальных, как и на него напали, однако без боя сдаваться он не собирался и из последних сил защищался катаной.

Один из юнцов взял верёвки и приблизился к Акико, на лице которой на миг мелькнула хитрая усмешка, как вдруг мужчина закричал:

— Да не обычными верёвками, они их разорвут, несите цепи.

Юнец виновато упал на колени и принялся извиняться. Несколько людей достали металлические цепи и обвязали их вокруг тел Хару и Акико, вскоре в таком же виде притащили и Соту. Его катана оказалась в руках одного из трёх людей, что напали на него, других двоих он успел ранить, но не смертельно.

Хибики перестал трепыхаться в мешке, чтобы и его цепями не связали. Шансы на побег и так стремились к нулю, не хватало ещё и всем оказаться связанными, мешок хотя бы можно попытаться прогрызть, поэтому Хибики не спешил превращаться в человека.

— Что вам от нас надо? — попытался поговорить с ними Хару. — Отпустите моих друзей, возьмите только меня.

— Что ещё может понадобиться охотнику за головами ёкаев, как не деньги? — рассмеялся один из людей.

Человек, что держал Хару, молчал. До этого он произнёс «удобрение», вызвав недоумение белого тэнгу, но на этот раз с ответом не спешил.

Мешок с Хибики доверили одному из юнцов, а остальных троих повели вперёд. Между Хару, Сотой и Акико в ряд шли по несколько человек, чтобы те не могли разговаривать и обсуждать попытки побега.

— Давайте просто убьём им, — предложил один из мужчин, пока вереница плелась по лесу.

— За живых мы получим больше денег, — тот, что держал кинжал у горла Хару, смирил говорящего презрительным взглядом. Судя по отличающемуся цвету одежды (у остальных она была светлее, а у этого тёмно-коричневая с персиковыми краями), он был главным.

Сота в открытую дёргал руками и пытался высвободиться из цепей, вызывая лишь смех среди людей. Слишком опасно было обращаться вороном и пытаться улетать, к нему было приковано множество взглядов, да и молодой господин таким способом воспользоваться не сможет.

Хару вновь попытался договориться с человеком:

— Сколько денег вы получите за наши головы? Мы можем заплатить больше. Отпустите хотя бы моих друзей.

— Ёкаи и представить себе не смогут, как много, — раздался насмехающийся голос в толпе.

— Мы заплатим больше, — с уверенностью заявил Хару.

— Сможешь предложить нечто дороже бессмертия? — захихикал другой человек, а белый тэнгу вдруг замер на месте.

Бессмертие? Люди сумели найти способ жить вечно? Он растерянно огляделся по сторонам, осмысляя смысл их слов. Главный человек дал подзатыльник тому, кто сказал про бессмертие, и попросил его держать язык за зубами, в то время как остальные люди подтолкнули Хару, чтобы тот двигался дальше.

— Вам предложили бессмертие? — всё-таки не выдержал он.

— Да что ты можешь понимать в этом, безмозглый ёкай? — прикрикнул на него главный и погрозил кинжалом.

— А ты, безмозглый человек? — не выдержал Сота и харкнул ему в лицо.

На этот раз мужчина не выдержал такой наглости и замахнулся кинжалом, как вдруг цепи Акико со звоном раскололись и упали на землю. Извиваясь, словно змея, она подпрыгнула и ударила ногой мужчину по лицу, отталкивая его от Соты.

— Хару, перья! — крикнула она.

Одновременно с этим Хибики разорвал мешок и вылетел на свободу, Сота обернулся чёрным вороном, цепи тоже зазвенели и оказались на траве. Хару призвал острые перья, которые вмиг прорезали металл, но не рассчитал силу, поэтому те задели и людей поблизости.

— Плевать на деньги, убейте всех! — закричал главный, придерживаясь рукой за шрам, в который Акико попала ногой.

Люди быстро среагировали: кто достал луки и натянул тетиву, кто обнажил мечи. Сота поменял облик, выхватил меч у первого попавшегося человека и при помощи его отбил летящие в его сторону стрелы.

Хару призвал перья обратно, те пролетели сквозь людей, пронзая всё на своём пути. Белый тэнгу зажмурился, не желая причинять окружающим боль. Но люди были иного мнения и уже выпустили стрелы. Сота подскочил к нему и отразил их мечом.

— Молодой господин, уходите отсюда! — прокричал тёмный тэнгу и скрестил оружие с напавшим на них мечником.

Акико без устали кусала людей и выпускала яд, заставляя их содрогаться в судорогах. Те падали на землю и кричали от боли, яд быстро распространялся. Если от него и существовало противоядие, то не у этих охотников.

В глазах главного блеснул страх, он отступил на несколько шагов назад и обнажил сразу два коротких меча, не подпуская к себе Акико. На лице той появилась широкая улыбка, она приоткрыла рот, демонстрируя окровавленные острые клыки, и угрожающе устремилась в его сторону. Тот замахал мечами в руках, как вдруг в его голову врезался Хибики и лапками принялся рвать волосы. Мужчина попытался сбить его одним из мечей, едва не полоснув крыло, но Хибики успел спикировать в сторону, а Акико впилась зубами в вытянутую руку.

Человек взвыл. Пока яд не подействовал, он решил бороться до конца и попытаться утащить её за собой в могилу. Мужчина дёрнул рукой и занёс меч так, что следующим движением бы перерубил Акико шею.

— Нет! — закричал Хару, перья сами со скоростью света полетели во все стороны. Скопление прошло через руку мужчины и перерубило её, рука с мечом упала на землю, не задев Акико. Человек завизжал от невыносимой боли и затрясся, на лбу выступил пот, яд тоже начал действовать. Жрица разжала клыки и с отвращением плюнула ему в лицо.

Растерявшиеся выжившие — кто раненый, кто просто до смерти перепуганный — застыли на месте, боясь издать хоть какой-то звук и привлечь к себе внимание. Они бы с радостью провалились сквозь землю или растворились в воздухе, лишь бы убраться от

жутких ёкаев. Однако Хибики так легко не отпустил их. Он наконец-то принял человеческий облик, бросил взгляд на Хару (по виду, тот был жив и здоров) и приземлился перед людьми.

— Кто ваш заказчик? — хоть и невысокого роста, выглядел он устрашающим. Люди нервно отступили на шаг назад.

— Мы ничего не знаем.

Рот решили открыть лишь некоторые из них, остальные дрожали и молча смотрели в землю. К сожалению, судя по их виду, в живых действительно остались лишь неопытные юнцы, которых старшие в свои планы не посвящали. Хибики даже жаль их стало.

Акико обеспокоенно приблизилась к Хару, обеими руками схватила его за щёки и повертела, как мама ребёнка, после чего спросила:

— Ты цел?

Всё ещё растерянный и переживающий, что причинил людям боль, он кивнул и ответил вопросом на вопрос:

— А ты?

— Как видишь.

Её лицо озарилось широкой радостной улыбкой.

— А меня спросить? — возмутился Сота и подошёл к ним. Меч он вытер об один из трупов, раненая рука устало свисала, перевязка, сделанная Хибики, окрасилась в красный, но в целом выглядел тэнгу неплохо.

Хару улыбнулся.

— Ты в порядке, Сота?

— В полном, — важно ответил тот и задрал нос, затем подошёл к Хибики и людям и спросил: — Вы мою катану не видели?

— В-вот она, почтенный господин ёкай, — испуганно ответил один из юнцов и протянул меч.

— Это катана нашего молодого господина, — ответил Сота, но забрал её. — А моя где?

Хибики сверлил его недовольным взглядом.

— Ты подождать не мог, пока мы договорим?

Тёмный тэнгу невозмутимо пожал плечами, разглядывая ножны.

— А если бы они украли наше оружие? Где моя катана, люди?

— Е-ещё вот одна, господин... почтенный ёкай, — юноша запнулся и все слова перепутал местами.

— В таком случае у нашего молодого господина ещё лук и стрелы были, — вздохнул Хибики и почесал лоб.

— Они тоже здесь, — ответил тихий девчачий голос.

Оба тэнгу с подозрением взглянули на молоденькую девушку, что тоже каким-то образом оказалась в рядах охотников за головами ёкаев. Вероятно, ужасно нуждалась в деньгах.

Хару и Акико тоже приблизились к остальным, Хибики обратился к первому:

— Что теперь делать будем?

Глава 8. Деревня Неспящих Сов. Часть 1

Киноварно-красные глаза осмотрели всё вокруг — перепуганные люди переминались на месте, раненый Сота с оружием в руках стоял рядом с взъерошенным и сердитым Хибики, растрёпанная и уставшая Акико улыбалась. Затем взгляд переместился на место драки, пролитую кровь, поломанные стрелы, вглубь кустов, за которыми лежали трупы. Хару с сожалением вздохнул, но попытался избавиться от плохих мыслей, выдавил из себя слабую улыбку и решительно заявил:

— Конечно же, продолжим искать Асахи.

А в душе хотелось расплакаться, укрыться за материнским крылом и забыть весь пережитый ужас. Сота протянул Хару его катану, которую тот сразу повесил на пояс, затем белый тэнгу обратился к выжившим охотникам:

— Я предлагаю разойтись с миром, люди и тэнгу не враждуют.

Те дружно закивали головами, но Хибики запротестовал, приблизился к Хару, смущённо приподнялся на носках и шепнул тому на ухо:

— Молодой господин, нам бы как-то получить у них информацию для начала.

Если на Соту он мог накричать, то на белого тэнгу не решался поднять голос.

— Они, кажется, сказали, что ничего не знают.

Хару смотрел на него искренне и непонимающе, Хибики оставалось только вздохнуть и отпустить людей — всё равно ещё молоко на губах не обсохло. Те закивали и уже собирались разбежаться в разные стороны, как вдруг молодой господин сам их окликнул:

— Подождите, а мой мешок? Никто не видел мешок с красной лентой?

Белый тэнгу растерянно оглядывался по сторонам, с мольбой смотрел как на друзей, так и на людей. Этот мешок был прощальным подарком от сестёр; пусть Хару не мог его открыть, но ни капли не сомневался, что внутри находилось нечто важное. Когда он станет достойным, то сможет снять невидимые ленты, покрывающие его тело, заканчивающиеся единственной заметной частью на лбу, а также узнать содержимое мешка.

Но люди побоялись, что злые ёкаи передумают и захотят убить их, поэтому живо разбежались в разные стороны и затерялись среди деревьев. Сота подошёл и похлопал Хару по плечу:

— Не переживай, молодой господин, поищем, вдруг упал где-то или находится у одного из убитых.

На последних словах Хару вздохнул — не горел желанием обходить трупы, но ничего не поделав, не оставляя же неприятную работу на друзей. Он двинулся в сторону, откуда их вели — мало ли там мешок обронили.

На земле валялись трупы с перекошенными от боли лицами. Их тела хотя бы не были растерзанными, как произошло со старым монахом Цуёши, этих Акико лишь пронзала стрелами и впивалась клыками, а Сота рубил катаной. Картина пусть и не из приятных, вдобавок, всё пропахло неприятным запахом крови и пота, но не настолько ужасная, как в ту ночь, что Хару пережил вчера.

Акико, Соте и Хибики не оставалось ничего, кроме как последовать за молодым господином. Они разошлись в разные стороны, чтобы не упустить важный мешок.

Хару приближался к трупам с опаской и отвращением, подходил очень медленно, сводил брови, еле сдерживался, чтобы не отбежать. Осторожно присаживался рядом и

проверял, не остался ли у них при себе его ценный мешок, связанный красной лентой. Хару испытывал жалость к убитым, его терзало чувство вины — если бы ёкаи не оказались в этом лесу, то и с охотниками бы не встретились, а те бы в итоге не погибли. Хибики к трупам тоже подходил настороженно, но омерзение не демонстрировал, а сдержанно опускался и осматривал их, в то время как Сота высовывал язык и делал вид, что сейчас опустошит желудок. Спокойнее и увереннее всех держалась Акико, у которой осмотр трупов и поиск мешка не вызывал никаких проблем. После того как люди жестоко убили её семью и затем всю жизнь держали в заключении, она не испытывала к ним жалости.

Они уходили всё дальше, трупы оставались позади, а мешок не попадался. Даже запасы с провизией удалось обнаружить — охотники заглянули в них, но обрадовались и пока опустошать не стали, а забрали с собой, вот те и лежали теперь на земле возле убитых.

— Молодой господин, я тебе новый мешок принесу, если старый не найдём, — попытался успокоить его Сота и хлопнул Хару по спине, но тот только тоскливо вздохнул. Это же от сестёр...

Вскоре они осмотрели весь лес, ни одна ямка не укрылась от их взглядов, а мешок так и не обнаружили. Хару попытался смириться, убедить себя, что всё хорошо, не так страшно, искал способы поднять себе настроение, как вдруг в его голове пронеслась одна мысль, и он перевёл взгляд на идущую рядом жрицу.

— Акико, а как ты смогла от цепей избавиться? — поинтересовался Хару, а другие двое тэнгу тоже подхватили.

— Верно, мои перья не смогли их прорубить, они не такие острые, как у молодого господина, — припомнил Сота и с подозрением взглянул на Акико.

Широкая улыбка расплзлась по её лицу, девушка шагнула к Хару и заговорщически шепнула:

— Только пообещай, что не отберёшь.

— Как я могу забирать у тебя что-то твоё? — удивился он и развёл руки в стороны.

Тогда Акико поднесла пальцы к груди, сунула в один из рукавов и достала оттуда белоснежное перо — точно такое же, какими разбрасывался Хару. Длинное, острое, изящное. Тёмно-коричневые перья Соты были куда шире и пушистее, но до остроты Хару им далеко. Хибики своими не разбрасывался, но по его птичьему облику можно предположить, что те были тонкими и короткими.

— Прямо как у меня, — восхитился белый тэнгу, но в следующий момент голос повысил Сота:

— Как ты посмела украсть перо молодого господина?!

— Это не моё, я свои призывал обратно, — Хару попытался защитить Акико и даже закрыл её своим телом, пока Сота размахивал руками. Не хватало ещё, чтобы она пострадала.

— Твоё, — вдруг возразила Акико, широко улыбнулась и показала язык. — Я подобрала его ещё в храме.

— Верни перо молодому господину! — Сота схватил Хару за плечи, чтобы Акико не могла спрятаться за ним, и сам резко дёрнул голову в сторону, а та отскочила и юркнула за Хибики. Но рост они имели примерно одинаковый, поэтому за светлым тэнгу сложно было укрыться.

Не успел Сота ломануться за ней, как его поймал Хару.

— Пусть оставит себе, — улыбнулся он, держа Соту за руку. Тот свёл брови и пробурчал

что-то нечленораздельное, затем с возмущением обратился к Хибики:

— А ты почему не пытаешься забрать перо?

— Раз молодой господин не требует вернуть его, то зачем мне вмешиваться?

Сота застыл на месте, пока остальные успели пройти расстояние в несколько дзё.

— Хибики, — с опаской позвал он, заставив светлого тэнгу обернуться, — она загипнотизировала тебя?

Его вопрос рассмешил сначала Акико, затем и Хару с Хибики засмеялись.

— Она вас всех походу загипнотизировала! Только я нормальный остался.

— Сота, ты...

«Ты чего?» — хотел спросить Хару, как вдруг споткнулся обо что-то и чуть носом не полетел в сухую листву, но сумел удержаться на ногах. Когти прочно вошли в землю и не дали ему упасть. Хибики отвернулся от Соты и взволнованно подбежал к молодому господину, но тот не пострадал.

Оказалось, Хару не на ровном месте споткнулся. Из земли у его ног торчала небольшая деревянная голова, к которой белый тэнгу с интересом наклонился. Если бы не его птичьи лапы, он бы поцарапался об острый клюв на морде деревянной статуи.

— Это тэнгу обряды устраивают? Жертвоприношения? — насмешливо поинтересовалась присевшая рядом Акико.

Хибики стоял неподалёку и настороженно поглядывал в их сторону, почему-то засосало под ложечкой, но он не понимал, из-за чего беспокоился. Соте не оставалось ничего, кроме как отложить разговор о пере молодого господина и подойти к остальным.

— Что вы нашли?

Своими мягкими нежными пальцами (которые разительно отличались от ужаса на ногах) Хару аккуратно раскопал землю, отодвинул засохшие прошлогодние листья и вскоре сумел достать деревянную статуэтку. Он протёр её своим рукавом, одновременно с этим поднялся ветер и взъерошил растрёпанные пепельные волосы. Порыв не добрался до остальных, а как будто нацелился исключительно на Хару и вскоре стих.

Статуэтка походила на вытянутый шар, по поверхности были аккуратно вырезаны перья, а с одной из сторон на Хару смотрели деревянные глаза. Ранее он заметил острый клюв, а теперь разглядел и две лапы, которые не торчали, их всего лишь вырубили на дереве, словно узор.

— Сова? — задумчиво произнёс Хибики и наклонился к статуэтке, а Хару такой птицы и не видел.

— Зачем кто-то зарыл сову в землю? — поинтересовался белый тэнгу, но его друзья не знали ответа на этот вопрос.

— Жертвоприношение? — напомнила Акико и изогнула брови.

— Мне кажется, я чувствую чары тэнгу, — ответил Хару, продолжая очищать деревянную статуэтку.

— Вряд ли жертвоприношение, — Хибики всё-таки опустился на землю, чтобы ближе рассмотреть деревянную сову, но поймал на себе вопросительные взгляды остальных. — Будь это жертвоприношение, здесь бы стоял какой-нибудь алтарь с дарами. Не похоже, чтобы тут кого-то в жертву приносили.

Хару упал на землю и ошарашенно спросил:

— А если мы принесли охотников в жертву этой сове?..

Холод сковал его, стая мурашек пробежалась по спине, в то время как остальные просто

рассмеялись и не восприняли его опасения всерьёз.

— Не переживай, Хару, эти люди сами напросились, — Акико погладила его растрёпанные, но мягкие и пушистые пепельные волосы и поднялась на ноги. — Пойдём дальше искать твой мешок.

Она протянула ему руку, однако схватился за неё всё-таки сидящий рядом Хибики — встал и сам помог Хару подняться. Акико начала сверлить его сердитым взглядом, пока белый тэнгу принимал помощь от светлого. Деревянную сову он не поставил обратно на землю, а продолжил держать в руке, сам того не замечая.

Некоторое время они продолжали путь в тишине. Хару специально избегал разговоров о мешке, чтобы не грустить и не расстраивать остальных, Сота не требовал вернуть молодому господину перо, Акико наслаждалась долгожданной свободой и прогулкой по лесу, а Хибики, в обычное время не отличающийся болтливостью, просто шёл рядом. В какой-то момент Хару резко дёрнулся в сторону и грудью врезался в дерево. Произошло это столь неожиданно даже для него, что он случайно выпустил острые перья и едва не поранил друзей, но смущённо призвал их обратно.

— Кто напал?

— Что случилось?

Сота и Хибики одновременно устремились к нему, в то время как Акико и рта раскрыть не успела.

— Не знаю, — белый тэнгу и сам удивился, продолжая сжимать деревянную статуэтку в руке. — Меня как будто что-то потянуло в эту сторону...

Хару попытался отойти обратно на тропинку, но то ли дерево, то ли неведомая сила не пустила его. Он словно приклеился к стволу и не мог сделать ни шагу назад, но не стал паниковать, а решил осмотреться.

— Идём дальше? — позвала Акико, не поняв, в чём дело.

— Есть проблемка, — Хару смущённо прикрыл глаза и свободной рукой почесал затылок. — Я не могу отойти.

— Что ты имеешь в виду, молодой господин? — забеспокоился Хибики, прищурился и присмотрелся к дереву. Белый тэнгу демонстративно дёрнулся и попытался сделать шаг в сторону, но смог лишь поднять лапу, а дерево как будто тянуло его назад.

— Ну и странный лес на этой земле, — заключил Сота и фыркнул. Он закатал рукава, размял руки и схватил Хару за плечи, пока Акико посмеивалась в стороне. — Прошу извинить меня.

Затем он потащил молодого господина к остальным. Вернее, попытался, а на деле сдвинуть не смог.

— Что такое? — возмущённо пробормотал он себе под нос и вновь дёрнул Хару, а тот айкнул от боли — слишком сильно Сота сжимал его плечи. Белый тэнгу прилип.

В руке Хару по-прежнему сжимал деревянную сову, на которую никто не обращал внимания, пока та не начала нагреваться. Он пискнул и попытался разжать пальцы, но те как будто приклеились и не поддавались. Статуэтка не пылала, даже не покраснела, но несчастный тэнгу не сомневался, что нечто жгло его.

— Хару? — обеспокоенно позвала Акико, которой уже было не до шуток. Одно дело, когда Хару просто не мог отлипнуть от дерева, и другое — когда ему причиняли боль.

Хибики внимательно огляделся по сторонам, наострил свой слух и как следует прислушался, но так ничего подозрительного и не заметил. Никто на них не нападал,

никакие охотники не прятались в кустах, ёкаями тоже не пахло. Мысли о деревянной статуэтке абсолютно у всех повывлетали из головы — даже Хару, державший её в руке, о ней не помнил. Корчась от боли, он нахмурился, поднял голову и случайно заметил дупло в нескольких сяку (Сяку = 30,3 см) от него, из которого на него смотрела такая же деревянная сова.

Наконец-то он почувствовал, что всё это время держал такую же в руках, и смог разжать пальцы. Сота уже собирался дерево рубить, но Хару вовремя остановил его и показал на статуэтку в его руке. Вся ладонь покраснела, как будто он, в самом деле, всё это время сжимал в ней что-то горячее, но хотя бы обошлось без ожогов.

Акико и Хибики оглядывались по сторонам, боясь, что даже если они и не ощущали присутствие врага, то кто-нибудь всё равно мог как из-под земли вылезти, так и с неба свалиться.

Теперь, когда Хару вспомнил про сову на ладони и посмотрел на неё, рука хоть и пощипывала, но не до такой степени. Он отошёл от дерева, убедившись, что ничто больше не держит его, но вернулся назад и присмотрелся к дуплу. Хотя у обеих статуэток глаза были высечены из дерева, казалось, что были они реальными. И как будто не просто смотрели, а видели каждого насквозь, из-за чего стало не по себе.

— Молодой господин? — позвал его Сота, пока Хибики и Акико продолжали осматриваться по сторонам.

— С этими совами что-то не так, — заключил Хару, продолжая глядеть наверх.

— Разве? — удивился тёмный тэнгу. — Просто деревяшки. Зачем ты вообще несёшь её собой?

— Просто... — Хару и не знал, что на это ответить. Зачем он взял сову с собой? В какой-то момент из головы вылетело, как он нашёл и подобрал её... и уж тем более не знал, зачем нёс с собой.

Акико вдруг прищурилась и подкралась к нему.

— Хару, отдай мне сову, — попросила она и протянула руку, но белый тэнгу резко отпрянул назад. Киноварно-красные глаза вспыхнули злостью, будто смотрел на неё не Хару, а дикая волчица, защищающая своих волчат.

— Молодой господин? — Хибики тоже заметил, что с Хару что-то происходило.

— Молодой господин, это просто деревяшка! — повторил Сота и попытался выхватить сову из рук белого тэнгу, как тот резко выпустил ряд ослепительно белых перьев. Одно из них задело руку Соты, другое едва не попало Акико в глаз, но девушка ловко увернулась.

Киноварно-красные глаза уже не казались яркими, а помутнели. Хару не понимал, что происходит, он как будто потерял сознание, перестал разумно мыслить, а тело продолжало двигаться.

— Не трогайте его! — воскликнула Акико и медленно отошла на несколько шагов назад.

— Ты мне не указ, — сердито рыкнул Сота, поставил мешок с провизией на землю и взял в руки катану, но из ножен пока не спешил доставать.

— Она права, Сота, — не желая признавать этого, влез Хибики и свой мешок опустил рядом — на случай, если придётся останавливать друга. — И что ты собрался делать? Зарубить молодого господина?

Сота тяжело дышал, но не придумал, как оправдаться. Собственные тёмно-коричневые перья он не спешил вызывать, боясь навредить Хару, хотя и управлял ими в разы лучше, чем

молодой господин своими. Он опустил катану и скрестил руки на груди.

— И что вы предлагаете делать?

Хару нападать не спешил — стоял в стороне и как будто защищал деревянную сову. Если никто не подходил и не угрожал, то и он не становился враждебным.

Девушка с золотистыми глазами цвета ямабуки перевела взгляд на дупло со второй статуэткой и с подозрением прищурилась. Что-то с этими совами было не так. Акико сделала шаг — Хару напрягся и встал в боевую позу, но на него по-прежнему не нападали, как и не угрожали отобрать сову, поэтому он расслабился. Тогда Акико сделала ещё шаг, но к дереву. Дождавшись, когда Хару вновь успокоится, она подпрыгнула и схватила вторую деревянную сову.

Её руку вдруг сковал холод. Как она ни пыталась пошевелить пальцами, те онемели и не поддавались, однако оставалась Акико в сознании.

— Хару? — попробовала позвать она и поймала вопросительный взгляд белого тэнгу, который постепенно начал проясняться.

— Молодой господин, отдай сову! — воскликнул Сота и попытался выхватить статуэтку, как киноварно-красные глаза ещё сильнее помутнели, а вокруг разлетелись острые белые перья. Хибики подскочил и дал Соте подзатыльник:

— Не лезь, а то ещё молодому господину навредишь.

— Ты предлагаешь просто стоять в стороне и наблюдать?! — возмутился Сота, сердито сверля светлого тэнгу взглядом.

— Да, — на полном серьёзе ответил Хибики. Он сам был напряжён и сжимал пальцы в кулаки — так сильно, что те больно впивались в кожу. Но причинять молодому господину боль не желал.

Пока двое тэнгу петушились в стороне, Акико сумела приблизиться к Хару. Хотя держать деревянную сову было неприятно и даже больно, зато теперь тот принимал её за свою и не пытался защищаться. Немного слипшиеся и растрёпанные после недавних сражений волосы падали ей на лицо, Акико попыталась сдуть их, но те всё равно лезли в глаза.

Она вздохнула и вытянула обе руки вперёд. В одной держала статуэтку совы так, чтобы Хару не занервничал, а тот не отводил от неё взгляда, а второй аккуратно взяла его за запястье. Белый тэнгу невозмутимо смотрел перед собой, ничего не подозревая, Сота и Хибики отвлеклись от перебранки и замерли в напряжении, а Акико резко схватила сову и спрятала её за своей спиной.

Хару шелохнулся и резко заморгал, взгляд постепенно начал проясняться. Юноша непонимающе встряхнул головой и зацепился за золотистые глаза цвета ямабуки.

— Что случилось? — поинтересовался он и нахмурился, смутно припоминая, как пытался отлипнуть от дерева, а дальше всё как в тумане. — Сота, у тебя кровь...

Внимательный белый тэнгу заметил, как по руке друга текла красная свежая струйка, однако напряжённого настроения не чувствовал. Наоборот, все как будто испытывали облегчение.

— Пустяки, молодой господин, — улыбнулся Сота и с недоверием глянул на Акико, обошёл её, едва не толкнув, и встал возле Хару. Хибики же, убедившись, что с молодым господином всё в порядке, приблизился к девушке, но прикоснуться к совам и уж тем более отбирать их не спешил, вслух он сказал:

— Молодой господин, эти совы как-то повлияли на тебя, хм, ты не подпускал нас к той,

что держал в руках.

Не хотелось напрямую говорить, что Хару выпустил перья и поранил Соту, незачем лишний раз пугать и расстраивать его, бедняга и так ценный мешок потерял. Хибики собирался узнать, как себя чувствует Акико, как вдруг его опередил белый тэнгу:

— Мико, а ты в порядке? — в его голосе слышалось беспокойство. — Тебя совы не обижают?

На слове «мико» Сота и Хибики переглянулись, но только покачали головами, первому ещё и смешок пришлось подавить. От глаз цвета ямабуки веяло теплом, поэтому на душе Хару сразу стало спокойнее, Акико посмотрела на сов в своих руках и ответила:

— Поначалу одна из них была ледяной, — она погладила обеих пальцами, — а твоя на миг показалась горячей, но вместе они, кажется, пришли к гармонии.

— Это просто деревяшки, — заспорил Сота, как вдруг державшая его волосы лента развязалась и полетела на землю. Длинные тёмно-коричневые волосы распустились по спине и достали до колен, сердитый тэнгу полез за катаной и уже собрался отрубить мешающие копну, но к нему подскочил Хибики и дал подзатыльник.

— Ленту подними и завяжи хвост, — фыркнул он и скрестил руки на груди. — Проблему решать надо, а не прятаться от неё.

— Я избавляюсь, а не прячусь.

— А потом короткие тебе будут ещё сильнее мешать, Сота.

Хибики дунул на свою чёлку.

Сота насупился, но за лентой опустил, а Хару с Акико рассмеялись. С длинными волосами тоже не так легко управиться, они выбиваются, сопротивляются и не хотят завязываться.

— Что будем с совами делать? — поинтересовался самый ответственный из них Хибики, затем всё-таки забрал у Соты ленту и сам завязал её.

— Ай.

Сделал он это слишком туго, поэтому тёмный тэнгу погрозил ему кулаком.

— Если честно, я опасаясь ставить их на землю, — задумчиво произнесла Акико. — Если они так на Хару повлияли, неизвестно, что будет со мной, когда я попытаюсь избавиться от них...

Она поигралась с ними в руках и из интереса попробовала одну сунуть в карман, но вдруг зашипела.

— Если убираю одну, то другая либо мёрзнет, либо горячит.

— Давай лучше я понесу, — забеспокоился Хару и протянул руки к совам, как Акико отскочила назад. Сота и Хибики вмиг насторожились, но она поспешила успокоить их:

— Я в сознании, всё понимаю и не защищаю сов, но не хочу, чтобы ваш молодой господин пострадал. Лучше я сама понесу.

Хару слишком волновался за неё, а двое других тэнгу спорить не стали — отвернулись в разные стороны, Сота ещё и посвистел, как будто не при делах. Пришлось смириться.

— Акико, если тебе станет тяжело, дай мне знать, — обеспокоенно настаивал Хару, киноварно-красные глаза блестели от волнения.

— Договорились.

И они двинулись дальше на юг. Трупы остались позади, белый тэнгу ещё поглядывал по сторонам, но уже перестал тщательно высматривать мешок. Его обеспокоенный взгляд всё чаще возвращался к Акико, но та не менялась, а оставалась собой, никаких признаков для

беспокойства.

Не так много времени прошло, как все постепенно успокоились, недавнее сражение осталось в прошлом, а в животе Хару вдруг заурчало.

— Может, передохнём и поедим? — предложил белый тэнгу, чувствуя себя неловко. Остальные спокойно шли и не жаловались, но, к счастью, Сота подхватил его:

— Умираю от голода!

И радостно плюхнулся на землю.

— Нет, — решительно отрезал Хибики. — Будем двигаться, пока светло, потом поедим и поспим.

Но Сота уже полез в свой мешок с провизией и даже нащупал остывшую и слегка подсохшую, но всё ещё съедобную паровую булку, которую тут же куснул.

— Можем поспать днём, а ночью продолжить путь, — проговорил он с набитым ртом, но вдруг вспомнил про Хару и протянул тому булку. У белого тэнгу чуть слюнки изо рта не потекли, он радостно вцепился пальцами и тоже откусил большой кусок, набив им рот.

Хибики слегка прищурился и пробормотал себе под нос:

— Ага, а молодой господин вырубится в темноте, кхе-кхе.

Говорить он старался очень тихо, а под конец закашлялся, будто и до этого не сказал ни слова. Хару не расслышал его слов — оголодавший тэнгу настолько увлёкся едой, что не замечал ничего вокруг, зато слышали Сота и Акико. Девушка прикрыла рот рукой и тихо посмеялась.

— А мне перекусить разрешите? — невинно поинтересовалась она, на лице нарисовалась широкая улыбка.

— Нет, — не думая, ответил Сота и вновь вцепился в булку.

— Да, — заспорил с ним Хибики и, когда поймал взгляд друга на себе, носом несколько раз указал в сторону Акико. Он еле сдержался, чтобы не сказать: «А если она тебя съест?»

Светлому тэнгу пришлось опустить на землю свой мешок и порыться в нём — к счастью, пара булок оказалась и там, поэтому и Акико, и он сам тоже смогли перекусить. Только девушке пришлось опуститься на землю и зажать еду между колен, так как руки занимали совами. Хару не стал сидеть в стороне, а приблизился к ней, смущённо забрал булку и аккуратно подержал её, а Акико с улыбкой уже откусывала из его рук.

Нормально они, конечно, не наелись, но вскоре могли продолжать путь. Тёмный и светлый тэнгу вновь завязали мешки с провизией и закинули их себе на плечи, вместе они двинулись дальше.

И Хибики оказался прав. Как только солнце опустилось за горизонт и в лесу резко стемнело, глаза Хару постепенно начали слипаться. Он уже не беседовал с остальными, а клевал носом, едва не проваливаясь в сон на ходу.

— Что, передохнём? — хихикнула Акико и пошевелила руками. — А тэнгу выют гнёзда, как птицы?

Из-за сов у неё уже устали пальцы, но избавиться от статуэток она не могла.

— Мы живём во дворце, безмозглая... мико, — Сота не придумал, как ещё назвать её, поэтому обратился как к жрице, всё равно Хару считал её таковой. Тот, проваливаясь в сон, спорить с ними не стал.

— Предлагаю просто на ветках расположиться, — влез Хибики и оглядел деревья вокруг, высматривая подходящее. — Один дежурит, остальные спят, потом меняемся.

— Кто первый? — Сота поставил мешок на землю, Хибики тоже опустил свой рядом.

— Я? — светлый тэнгу решил вызваться. — А вы поднимите молодого господина на дерево и следите, чтобы он не грохнулся во сне.

— Я не сплю! — заспорил Хару и зачавкал губами, глаза его уже не открывались, а он мирно сопел стоя.

— Да-да, — вздохнул Хибики и сорвал несколько веток, которыми прикрыл мешки с провизией. Он также слегка присыпал их снизу засохшими листьями с земли, а сам запрыгнул на самую нижнюю ветвь дерева, чтобы следить за вещами.

Руки Акико были заняты совами, поэтому Сота поднял Хару на руки и по толстым ветвям запрыгнул повыше, где спрятался за листвой и уложил молодого господина. На всякий случай он расположился прямо под ним, мало ли, привыкший к мягкой просторной кровати во дворце Кинъу, тот будет ворочаться и случайно свалится. Девушка ловко юркнула за ними следом и расположилась на соседней ветке, совершенно не помогая себе руками. Она покрепче сжала сов и вскоре задремала, Хару уже давно мирно посапывал, вскоре и Сота заснул.

Уставший Хибики изо всех сил боролся с сонливостью, тёр глаза и старался продержаться хотя бы пару часов, чтобы Сота отдохнул и смог сменить его. Однако он клевал носом и проваливался в сон, из-за чего пришлось спрыгнуть на землю и пройтись — в отличие от молодого господина на ходу он спать не умел. Понадеялся немного размяться и получить хоть капельку бодрости.

— Хибики? — вдруг шёпотом позвала Акико. — Что это?

Среди деревьев летали небольшие светящиеся фиолетовые облака.

Глава 9. Деревня Неспящих Сов. Часть 2

Лес наполнила пурпурная дымка, что тучками висела среди деревьев и испускала слабое свечение. Продолжая держать обеих сов в руках, Акико бесшумно прыгнула на землю перед Хибики, глаза статуэток также засветились фиолетовым.

— Я же не заснул? — растерянно замялся светлый тэнгу.

— Тогда мне тоже это снится.

Хибики приблизился к одному из облачков и попытался коснуться кончиками пальцев, однако фиолетовая масса разлетелась в стороны. За их спинами почти ничего не светилось, зато впереди, за деревьями и кустами, скапливались довольно крупные фиолетовые тучки. Складывалось впечатление, будто те куда-то вели их. Акико тоже попробовала подойти ближе, как глаза сов засветились ярче.

— Я не уверена, что хочу идти туда, — девушка только обрела свободу и не была готова идти на риски.

— Я разбужу молодого господина и Соту, пойдём вместе.

Фиолетовые облачка очаровывали и манили к себе. Какую бы опасность они не таили, Хибики всё равно хотелось проверить, поэтому он с лёгкостью взобрался на дерево, запрыгнул на ветвь, где спал тёмный тэнгу, и затряс того за плечо.

— Сота, проснись.

— Отстаньте, я не готов дежурить, — не проснувшись до конца, пробурчал тот и перевернулся на другой бок, чудом не свалившись.

— Сота! — в ухо крикнул ему Хибики. Если даже тёмного тэнгу оказалось проблемно привести в чувство, то разбудить Хару становилось непосильной задачей. — Останешься без еды и будешь тащить оба мешка. И всю следующую ночь дежуришь ты.

Обычно тихий Хибики говорил всё, что приходило в голову, и каким-то образом отдельные слова проникли сквозь дремоту и донесли смысл до Соты. Тот лениво приоткрыл глаза и с недовольной миной поглядел на друга, а Хибики уже улыбался:

— Либо буди молодого господина, либо просто спускай его вниз.

— Да что случилось? — непонимающе переспросил Сота. — Зачем нас обоих поднимать?

— Увидишь.

Светлый тэнгу решил не тратить время на объяснения, а прыгнул на землю к Акико. Сота не стал спорить, как и утруждаться пробуждением Хару — он взял молодого господина на руки и прыгнул на землю, где тоже заметил фиолетовые облачка и нахмурился:

— Из-за этого ты меня разбудил, Хибики?

Закатив глаза, Сота решил не пытаться будить Хару, а закинул того себе на спину, заставил обхватить шею руками, а сам взял за ноги, чтобы молодой господин не упал, и спросил:

— И что, ты хочешь идти за этой штукой?

Он намеренно обращался исключительно к Хибики, игнорируя Акико, хотя даже заметить умудрился, что у сов в её руках светились глаза.

— Да, — ответил светлый тэнгу и подхватил один из мешков, с трудом закинув его себе на спину.

Сота покосился на него, слегка подкинул Хару, покрепче ухватил и усмехнулся:

— К сожалению, я не смогу взять второй мешок, обе руки заняты, — и он демонстративно высунул язык, который Хибики бы с радостью оторвал.

Не имело смысла бороться за честь нести лёгкого молодого господина — Сота в жизни не отступится, а если Хибики и попытается выхватить того, то Хару только пострадает. Ничего не оставалось, кроме как взвалить на спину и второй мешок. Его руки и спина еле выдерживали, но он всё равно упорно брёл к Акико, что стояла чуть в стороне.

— Облака, вероятно, связаны с совами, так что веди, — заключил он и закричал от тяжёлой ноши.

Акико с жалостью посмотрела на низкого тэнгу с двумя тяжёлыми мешками, но у самой руки были заняты деревянными совами, так что она не стала предлагать помощь, а неторопливо двинулась вперёд, периодически оглядываясь, чтобы Хибики не отстал.

— Я что, должен следовать за змеёй? — возмутился Сота и случайно на эмоциях сжал лапы Хару, едва не разбудив того. Но молодой господин лишь что-то пробормотал и вновь засопел, уткнувшись носом во впадинку между шеей и плечом.

— Если бы забрал один из мешков, то мог бы следовать за мной, — фыркнул Хару и дунул вверх, чтобы убрать волосы с глаз.

— Хибики, но ты бы всё равно шёл за змеёй!

— А ты за мной.

— Ничего, что я тут? — решила вмешаться Акико, но Сота лишь бросил сердитый взгляд на неё и пробурчал:

— А тебя никто не спрашивал.

Далее они брели в тишине, окружённые мраком ночи и обволакиваемые фиолетовым свечением из тучек. Недовольные глаза Соты прожигали дырки в спине девушки, а та расслабилась и отдалась деревянным статуэткам. Совы сами направляли её. Если надо было идти левее, то сова в правой руке морозила ладонь, а если правее, то вторая нагревала левую руку — не заблудишься. Акико ловко лавировала между деревьями и резко сворачивала в кусты, в спину ей бурчал Сота, постоянно стучающийся о нависающие ветки, которые он не успевал заметить. Те и волосы Хару задевали, но белый тэнгу мирно посапывал и смотрел свои сны, только снились ему уже не полёты вокруг дворца Кинъю и не семья. Мысли всё чаще возвращали его в недавнюю потасовку с охотниками на ёкаев, а как только мозг начал рисовать перед глазами картины смерти старого монаха Цуёши, Хару впился ногтями в спину Соты, сильно зажмурился, едва не заплакал, но продолжал спать, пока воспоминания не стали слишком яркими. Он вдруг резко дёрнулся, что чуть не грохнулся на землю, но Сота ухватил его своими сильными руками. Сердце бешено колотилось, Хару тяжело дышал и непонимающе оглядывался по сторонам.

Акико услышала шум позади себя, остановилась и, игнорируя покалывающий мороз и обжигающий жар на ладонях, обернулась и подошла к Соте и Хару. Золотистые глаза цвета ямабуки встревоженно оглядывали белого тэнгу, но тот вскоре пришёл в себя. Если Акико не показалось, то щёки Хару вдруг потемнели — вероятно, покраснели, но в слабом фиолетовом свечении было тяжело разглядеть.

— Сота, можешь поставить меня на землю, — произнёс Хару со смущённой улыбкой. — Куда мы вообще идём посреди ночи? Кто-то напал? Что-то случилось?

Не успели Сота с Акико и рта открыть, как Хибики с грохотом опустил тяжеленные мешки с провизией на землю, а недовольный взгляд сверлил тёмного тэнгу.

— Теперь ты несёшь мешки, — пробурчал тот и замахал жутко ноющими, уставшими

руками, а также размял затёкшую шею.

— Я несу мол... — собирался заспорить Сота, но Хару надавил на его плечи и спрыгнул на землю.

— Я сам пойду! — заявил тот, не желая создавать трудности. — И мешок понесу.

— Нет-нет, для нас это пустяки, — ответил тёмный тэнгу и в следующее мгновение своими сильными руками подхватил оба мешка. По сравнению с ними Хару весил как пёрышко, поэтому Сота всё-таки дал Хибики отдохнуть — не хватало, чтобы молодой господин тащил эти тяжести.

Продолжая держать сов, Акико прикрыла рот рукавом и засмеялась, но ледяное и горячее покалывание становилось неприятно терпеть, поэтому она всё-таки развернулась обратно и, скорее обращаясь к Хару, сказала:

— Пойдём.

И двинулась дальше. Белый тэнгу бросил взгляд на друзей, но Хибики уже с самодовольной улыбкой прошёл мимо и последовал за Акико, а недовольный Сота поплёлся за ними с двумя мешками. Хару мигом обогнал его и вскоре поравнялся с Акико. Некоторое время он замороженно наблюдал за пурпурными облачками, излучающими слабое свечение, но быстро устал молчать.

— Откуда взялись эти... этот дым? И куда мы идём? — внимательный, он успел заметить, что и глаза статуэток светились фиолетовым. — А почему совы смотрят фиолетовыми лучами? У них внутри маленькое солнце?

Акико и на первый вопрос ответить не успела, как вдруг захохотала, Сота не выдержал и тоже подхватил, лишь Хибики сумел хмыкнуть и сдержаться.

— Мы... — жрица попыталась ответить, но не выдержала и снова прыснула.

— ...идём проверить, откуда взялся дым, — закончил за неё Хибики и сердито глянул сначала на Акико, а затем на Соту — на последнем его взгляд задержался. Сота сглотнул и быстро успокоился.

Сова в правой руке вновь начала морозить ладонь Акико, поэтому девушка юрко повернула налево и уверенно зашла в кусты, как вдруг с криком понеслась вниз.

— Акико!

Хару обеспокоенно сиганул за ней в кусты, однако за ними лес вмиг исчез, земля ушла из-под ног, а несчастный тэнгу полетел вниз. Увы, превратиться в птицу и взлететь он не мог.

— Отец, за что?! — в отчаянии крикнул он и попытался сдёрнуть со лба красную ленту, но та по-прежнему не поддавалась. Неужели ему опять придётся положиться на судьбу и надеяться, что не разобьётся, а вновь свалится на чью-то крышу?

Сота и Хибики не остались в стороне: первый живо бросил мешки на землю, вмиг обернулся тёмным вороном и вместе с маленькой птицей Хибики устремился за молодым господином. Благодаря чарам тэнгу, Сота смог стать значительно крупнее обычного ворона, в таком виде он пикировал вниз, пока не подлетел под молодым господином.

— Хватайся за меня! — обеспокоенно крикнул Сота.

— Сначала поймайте Акико, — отказался взволнованный Хару и принялся глазами искать жрицу. Сейчас не имело значения, кого и почему она убила, она падала — значит, её надо спасти.

— Молодой господин, схватись за меня, а потом я полечу к Акико, — взвыл недовольный Сота и сам поймал Хару между ног, заставив того пискнуть от неожиданности.

Хибики летел неподалёку, но в отличие от Соты увеличиться в размерах не мог, зато обладал более высокой скоростью и острым зрением.

— Я вижу Акико, лети за мной, — маленький светлый тэнгу резко повернул в сторону и начал пикировать вниз.

Соте ничего не оставалось, кроме как устремиться за ним — мало ли что Хару удумает и сам попытается спасти свою Акико. Хибики ещё и по имени её назвал, а не как змею, из-за чего Сота скривился и недовольно стукнул клювом. Прямо у земли они наконец-то нагнали падающую жрицу и в самый последний момент успели подхватить. Сота взлетел с обоими на спине, а затем уже неспешно спланировал вниз, Акико спрыгнула с его спины и кивнула в знак благодарности, Хару приземлился рядом.

Сота и Хибики вновь обернулись людьми, путники огляделись по сторонам. Здесь уже не отдельные облачка светились фиолетовым, а всё пространство заполнял пурпурный дым, однако дышать не мешал. По крайней мере, Хару не начал задыхаться и никаких проблем не ощущал.

— Что это за место? — с удивлением озвучил он мысль, которая крутилась у всех в голове.

Они подняли головы наверх к месту, откуда упали, и различили едва заметный фиолетовый купол, опускающийся на землю.

— Я бы слетал за провизией, — вздохнул Хибики, вновь обернулся птицей, замахал крыльями и взмыл на небеса.

Хару поначалу с завистью проводил его взглядом, а потом вдруг обернулся на стоявшего в стороне Соту:

— Сота, ты не поможешь Хибики?

Тот принял невозмутимый вид, чуть присвистнул и уже собрался согласиться, как вдруг к нему со спины подскочила Акико, ещё и тыльной стороной ладони, сжатой в кулак, хлопнула:

— Не отлынивать от работы, бездельник!

— Ах ты! — возмутился Сота, бросил на неё недовольный взгляд и нахохлился. — Тебе слова никто не давал! Сама бы слетала и помогла.

— Бу-бу-бу, — Акико игриво показала язык. — У меня совы, я не могу.

Она помахала деревянными статуэтками в руках и на всякий случай юркнула Хару за спину. Сота превратился в большого тёмного ворона, сердито замахал крыльями так сильно, что поднял пыль с земли.

— Сота, тише, она не хотела обидеть тебя, — Хару попытался успокоить друга и сделал шаг, но его чуть не сдуло порывом. — Сота! Слетай к Хибики лучше.

— Слушаюсь, молодой господин, — однако тот продолжал пытаться достать до Акико ветром от взмаха крыльев.

Светлый тэнгу почти сразу вернулся с печальными новостями:

— Купол не пускает, я не могу добраться до мешков с провизией...

Его голос прозвучал настолько грустно, что Сота вмиг успокоился и взмыл в небеса, решил проверить самостоятельно. Хибики крикнул ему вдогонку:

— Дурак, только долбиться о стену будешь!

Но тот не стал слушать.

Хару присел на землю, взял в руки Хибики, который пока ещё оставался в облике птице, и погладил того по голове.

— Молодой господин! — смущённо возмутился светлый тэнгу и легонько клюнул Хару в палец.

Стоявшая в стороне Акико отвернулась и зашагала прочь.

— Мико, ты куда? — окликнул её Хару, но та не стала оборачиваться. Пришлось помчаться следом, а то девушка ускорила и куда-то спешила. — Акико!

— Что? — недовольным голосом буркнула та, когда Хару с птицей Хибики в руках наконец-то удалось нагнать её. — Зачем ты бежишь за мной?

Белый тэнгу растерялся и непонимающе посмотрел на неё, легкой ветерок развеивал его спутанные (каким же ещё им быть?) пепельные волосы. Золотистые глаза цвета ямабуки сверлили его сердитым взглядом, который метался между руками Хару, в которых устроился Хибики, и его лицом. В итоге Акико фыркнула и отвернулась.

— Что случилось, Акико? — белый тэнгу не мог понять, что столько внезапно расстроило её.

В этот момент вернулся потрепанный Сота, с невозмутимым видом отряхнулся, принял человеческий облик и аккуратно перевязал растрёпанный хвост на голове, ещё и одежду поправил.

— Что-то не так? — насмешливо запищал Хибики, но в форме птицы его голос звучал слишком тонко.

— Обратно тем же путём мы не сможем вернуться, — заявил Сота и невозмутимо отвернулся в сторону, стараясь не пересекаться взглядом со светлым тэнгу.

— Тогда предлагаю идти дальше, — решил Хару, киноварно-красные глаза зацепились за Акико. — Ты пойдёшь с нами?

— А без неё мы никуда не уйдём, — пискнул Хибики и всё-таки спрыгнул на землю, где превратился в человека. — Веди нас, Акико, сама же намеревалась помочь молодому господину разыскать Асахи.

Та хмыкнула и пошла вперёд.

Сота нагнал Хибики и, стараясь звучать тише, произнёс:

— Что у вас тут случилось?

Однако получилось достаточно громко — расслышали и Хару, и Акико, но виду не подали. Оставшись без провизии, не выспавшиеся и голодные, они поплелись друг за другом через заросли деревьев, заполненных фиолетовыми цветами. Те становились всё гуще, что вскоре их стало сложно огибать, приходилось отодвигать руками.

Акико чуть не споткнулась о третью статуэтку совы, торчащую из земли, но лишь ударилась ногой и сумела устоять. Хару с интересом присел и уже потянул к ней руки, как вдруг девушка и двое других тэнгу подскочили к нему:

— Не трогай её!

— Почему? — Хару непонимающе осмотрел всех троих, но те только отвели взгляды в стороны.

Пришлось подняться на ноги и продолжить путь, раз остальные не хотели ничего объяснять, но Хару всё равно бросал любопытные взгляды назад. Пробираться через заросли фиолетовых цветочных деревьев становилось всё тяжелее, Акико шурилась и почти не смотрела перед собой, как вдруг ощутила свободу.

Она заморгала и наконец-то нормально открыла свои золотистые глаза. Её взору предстали небольшие деревянные домики на полянке, окружённой множеством фиолетовых деревьев. В некоторых местах их ветви опускались на крыши, где-то даже стены скрывали.

Однако туда ещё предстояло добратся, полянка находилась на горизонте в несколько тё от них.

— Набросьте накидки на головы, — сказала Акико и обернулась к тэнгу.

Те как раз вышли из-за деревьев и с интересом оглядывались по сторонам.

— Но сейчас темно, — заспорил Хару, с восторгом любуясь открывшимся видом на деревню в роще фиолетовых деревьев. — И тут никого нет.

Однако накидку всё-таки натянул на голову и спрятал свои пепельные волосы: не хватало, чтобы и здесь его закидали бобами. Зёрнами можно, но не хотелось бы вновь клевать их с земли... Лучше просто пиалу риса.

— Я вообще сомневаюсь, что тут люди живут, — предположил Хибики, но последовал примеру молодого господина и тоже прикрыл светлые волосы. — Скорее, ёкаи.

Сота лишь пожал плечами. Он больше всех походил на человека со своими тёмными волосами и глазами, поэтому мог не прятаться, а свободно расхаживать по окрестностям. Акико попыталась натянуть свою накидку, но пальцы были заняты совами. Заметив её старания, Хару приблизился, аккуратно ухватился за кончик ткани и сам прикрыл голову жрицы.

— Спасибо, — тихо пробурчала та всё ещё недовольным, но немного смягчившимся голосом.

Путники торопливо двинулись к деревне, терзаемые голодом, в какой-то степени любопытством и совершенно не испытывая страха. По поляне уже были расставлены не отдельные статуэтки деревянных сов, а целые стаи. Хару только заметил первую и хотел сообщить о ней, как остальные тоже показали пальцами в другие стороны. Не прикасаясь к ним, Акико и тэнгу пошли дальше и постепенно приблизились к деревне.

По ощущениям, вскоре должно начать рассветать, но пока первые лучи солнца не проникали в это место под фиолетовым куполом.

На удивление, у ближайших к ним домиков уже ходили люди и что-то активно обсуждали. Уставший и голодный Сота без церемоний приблизился к ним и поинтересовался:

— Люди добрые, где тут можно поесть и отоспаться?

Те бросили на него удивлённые взгляды, переглянулись, одна из женщин ответила:

— Пройдите дальше и там лучше спросите.

Рядом с незнакомцами им стало не по себе, люди отступили к домам, но заходить внутрь не спешили.

Путники побрели дальше, жители деревни бросали на них взгляды, но быстро теряли интерес и отворачивались, никто не разбрасывался зерном и бобами, не угрожали ни криками, ни вилами. Возможно, Акико оказалась права — благодаря накидкам люди не пугались тэнгу, а воспринимали их как обычных странников.

До слуха Хару вдруг донёсся диалог людей:

— А вы слышали, что из деревни неподалёку сбежала змея?

— Ёкаи такие страшные, ужас.

— Жаль того человека...

— Да, зря он запер ёкая, лучше бы сразу убил или отдал охотникам.

— А вдруг она до нас доберётся?

— Нет, я же вздохнуть теперь спокойно не смогу.

— Успокойтесь вы, как она сюда попадёт?

Хару замер на месте и прислушался, затем обратился к друзьям:

— Давайте поможем людям поймать ту страшную змею, которую они боятся.

Сота и Хибики переглянулись между собой, покосились на Акико и выдали задумчивое «э-э», а девушка молча посмотрела в землю, разминая руки с совами.

— Я пойду всё разузнаю, — решил белый тэнгу, так и не получив ответа.

— Хару, подожди, — остановила его Акико и запнулась, пытаясь придумать, что сказать. — Они же говорили о соседней деревне, а мы отсюда не можем выбраться, помнишь? Твои друзья не смоли даже мешки с провизией забрать, лучше пойдём и для начала узнаем, что это вообще за место такое.

Он остановился, киноварно-красные глаза задумчиво разглядывали жрицу.

— Хорошо, но потом мы обязательно поможем этим людям, — затем он обернулся к ним и крикнул уже громче: — Никто не знает, что означают эти деревянные совы?

В воздухе повисла тишина, люди переглядывались между собой, но не перешёптывались, словно где-то за кустом притаился хищник, а они — несчастные травоядные — молча прятались и боялись рот открыть.

Хару хотел приблизиться к ним и всё-таки узнать, в чём дело, но Хибики поймал его за рукав, поднялся на носочки и шепнул:

— Молодой господин, не подходи к ним близко, а то заметят цвет глаз и испугаются.

Белый тэнгу сглотнул и тоже шёпотом ответил:

— Но тут всё светится фиолетовым, разве они поймут, что у меня красные глаза?

Сота уже устал стоять на месте, сил не оставалось, в животе урчало, одной жалкой паровой булки за весь вчерашний день оказалось катастрофически мало, а теперь они и запасов еды лишились. Тёмный тэнгу не выдержал, нахмурился и поравнялся с Хару:

— Где. Тут. Можно. Поесть?!

Он отчётливо проговорил каждое слово, чем привёл людей в ужас — те закричали и разбежались в разные стороны.

Своими длинными тонкими пальцами Хибики схватил Соту за густые тёмные волосы и оттащил обратно Акико.

— Сота! Дурак, ты что творишь?!

Зато люди наконец-то подали голос. Пока они носились туда-сюда, словно полчище муравьёв после того, как случайный прохожий наступил в их муравейник, с их уст слетало непрерывное:

— Госпожа Фуку! Госпожа Фуку! Спасите! Фуку-сама!

Поднялся ветер, который всё усиливался. Хару и остальным пришлось зажмуриться и закрыть лицо руками, пыль с земли летела в глаза, ветер пытался сдуть их с ног. Яркие фиолетовые глаза статуэток в руках Акико засветились так сильно, что она уже не могла смотреть в их сторону, вдобавок, деревянные совы задрожали в руках. То ли ветер их сдуть пытался, то ли они сами старались вырваться.

Он стих так же внезапно, как и поднялся, а перед путниками предстала прекрасная женщина в многослойном фиолетовом кимоно. Каждый слой имел разный оттенок и свой узор, внешний, серебряный с золотым, изображал точно такие же цветы, через заросли которых тэнгу и Акико добивались сюда. В руках женщина держала несколько стеблей с такими же мелкими пурпурными цветами.

Мелодичный голос строго произнёс:

— Кто вы и что забыли в деревне Неспящих Сов?

Глава 10. Деревня Неспящих Сов. Часть 3

Большая часть угольно-чёрных волос незнакомки была убрана в огромную пышную и невероятно красивую причёску на голове, отдельные пряди ровными локонами спадали на плечи. Огромное количество всевозможных заколок и украшений, в основном в форме цветов и бабочек, сверкали в её волосах в слабом фиолетовом свечении.

Хару первым уверенно выступил вперёд и вежливо поклонился:

— Я бездомный тэнгу, очень приятно, а это мои друзья.

Женщина в фиолетовом изогнула свои брови от изумления и поднесла правую руку к лицу, слегка коснулась указательным пальцем нижней пухлой губы, выкрашенной в какой-то тёмный цвет — в фиолетовом свечении сложно разобрать, был тот таким же фиолетовым или всё-таки красным. Она задумчиво произнесла:

— Тэнгу? Что же тэнгу забыли в этих краях?

Она махнула второй рукой, люди почтительно несколько раз поклонились, чуть носами не достав до земли, и разошлись по своим делам, оставив госпожу Фуку и путников наедине.

Сота и Хибики настороженно следили за действиями и словами молодого господина, второй и вовсе подумывал вмешаться и ответить вместо него, однако белый тэнгу сам обо всём рассказал, даже не думая что-то утаивать:

— Мы направляемся в княжество Отаки, в резиденцию семьи Хонда. Жители одной из деревень сказали, что где-то в этой стороне находится пограничная деревня, через которую мы можем попасть в провинцию Кадзуса, но в лесу на нас напали охотники на ёкаев, а мы, кажется, немного заблудились в фиолетовом дыме.

Его невинная история вызвала смех у госпожи Фуку, та прикрыла рот рукой и добродушно рассмеялась, отчего Сота, Хибики и Акико только напряглись. Немного погодя, она внимательно оглядела всех путников и с улыбкой ответила:

— Вы находитесь в той самой пограничной деревне Неспящих Сов, я хозяйка и защитница этого места, моё имя Фуку.

Девушка с золотистыми глазами цвета ямабуки обошла тёмного и светлого тэнгу и с вопросом приблизилась к женщине в фиолетовом:

— Почему ваша деревня находится под куполом и не выпускает нас? И что это за совы?

На вытянутых руках Акико по-прежнему лежали две деревянные статуэтки в виде сов.

— О, это мои творения, — госпожа Фуку усмехнулась. — Они охраняют деревню и следят, чтобы сюда не проникали ни злые люди, ни опасные ёкаи.

— А нас почему пустили? — с подозрением поинтересовался Хибики: никто не любил, когда в их владения вторгались чужие ёкаи.

— Мы же тэнгу, у нас мир с людьми, — вставил своё слово Хару.

Госпожа Фуку убрала руку от лица и поправила цветы, которые продолжала держать, затем произнесла:

— Совы доложили мне, что на вас напали охотники, — она приблизилась к Акико и забрала сначала одну статуэтку, затем вторую, положив их сверху на стебли. — Только эти проказники не должны были вас обижать. Прошу простить меня, бездомный тэнгу, — госпожа Фуку обратилась к Хару, на миг прикрыла глаза, замолчала и вскоре продолжила: — Совсем не ожидала, что они смогут загипнотизировать тебя. Пройдёмте за мной, вы, должно быть, голодны.

Сота подскочил к ней с воплем:

— От голода умираем!

Женщина в фиолетовом с улыбкой двинулась вперёд, тэнгу пошли следом, а Акико настороженно шурилась, но всё-таки на месте не осталась. С таким количеством слоёв тканей госпожа Фуку как будто не ступала по земле, а проплывала над ней, одежда тянулась следом.

Они проходили мимо небольших домиков, на большинство из которых свисали ветви с фиолетовыми цветами, но не останавливались. При виде госпожи Фуку люди замолкали, почтительно кланялись, а когда небольшой отряд проходил мимо них, перешёптывались за их спинами. Однако обсуждали они вовсе не новоприбывших, до Хару долетали слова как про сбежавшую опасную змею, так и совершенно другие истории:

— Вот бы заполучить плод бессмертия.

— Но страшно покидать деревню, уже столько убили...

Над этим диалогом белый тэнгу задумался и остальной путь прошёл молча. Неужели кто-то сумел вырастить плод бессмертия?! Хару еле сдержался, чтобы не обернуться и не расспросить людей: его остановили переживания, что люди боятся его, а Хару никого не хотел пугать.

Пройдя всю деревню, они добрались до невысокого холма, на котором располагался маленький уютный замок. Его даже замком было сложно назвать — походил на остальные дома, но находился на скромном возвышении и выглядел богаче. Сам домик был сделан из дерева и имел красивую изогнутую крышу с необычной фиолетовой черепицей в форме цветов. Из-за фиолетового свечения оставалось гадать, в самом деле она имела пурпурный цвет или это дым так влиял и окрашивал её. К входу вела небольшая каменная лестница, вдоль которой стояло несколько флагов с изображением всё тех же цветов — должно быть, это был герб госпожи Фуку, хозяйки деревни Неспящих Сов.

Она уверенно поднялась по ступеням, оставила обувь на пороге, первой вошла внутрь и затем пропустила гостей. Навстречу ей вышли две молоденькие девушки в светлых одеждах и с опущенными головами, они держали руки перед собой, спрятав их в рукава. Госпожа Фуку попросила накрыть на стол, после чего служанки поклонились и ушли, а сама поплыла дальше по коридору. Путники молча следовали за ней, но вскоре на одном из поворотов она остановилась, отодвинула сёдзи в сторону и вошла в другую комнату.

Они оказались в довольно просторном помещении. У стены стояла ширма с расписанным узором в виде перьев, что удивило тэнгу, перед ширмой находился невысокий стол, с обеих сторон от которого лежали подушки. Также подушки находились и в центре комнаты вокруг другого небольшого столика, по углам стояли горшки с растениями и невысокие шкафчики. На полках располагались как различные свёрнутые свитки, так и засушенные цветы. На столе у ширмы Хару успел заметить только несколько кистей для каллиграфии, как госпожа Фуку обратилась к путникам:

— Проходите, располагайтесь.

И сама села за тот самый стол, а остальные расположились на мягких подушках.

Хару, продолжая оглядываться по сторонам, присел последним и задумался, о чём спросить первым. После недолгого молчания он всё-таки решил задать самый невинный, на его взгляд, вопрос:

— Госпожа Фуку, а вас не раздражает фиолетовый цвет?

Акико кашлянула и едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, Хибики просто хотел

прикрыть лицо руками, но лишь опустил взгляд в пол, а Сота заржал в голос. Но Хару всего лишь решил, что о плодах бессмертия лучше спросит потом... и пока начнёт с более безобидной темы...

Женщина в фиолетовом тоже посмеялась, прикрыв рот рукой, после чего посмотрела на белого тэнгу и ответила:

— Фиолетовый — это мой любимый цвет, но даже если бы раздражал, то я бы ничего не смогла поделать. Пурпурный туман — это следствие от защитного купола над деревней Неспящих Сов, он исчезнет только тогда, когда я уберу барьер.

— К вам много опасных людей и ёкаев заглядывает? — тут же спросил Хару, пока остальные молчали.

Госпожа Фуку издала негромкое «хм» и тоже не спешила с ответом. Белый тэнгу уже потупил взор, испугавшись, что спросил что-то нехорошее, как та всё-таки заговорила:

— До нас дошли слухи, что в провинции Кадзуса выращивают плоды бессмертия, а вслед за этим начали пропадать люди, а по слухам ещё и ёкаи. Люди уверены, что это боги злятся и карают всех виновных и невинных, но я бы не спешила с выводами.

Она осторожно подбирала слова и свои собственные мысли не спешила озвучивать, пересказывала лишь слухи, а Хару уже загорелся волнующей его темой:

— И плоды бессмертия настоящие? Они даруют вечную жизнь?

Госпожа Фуку вновь засмеялась, а Хибики всё-таки не выдержал, дотронулся пальцами до лба и прикрыл глаза рукой.

— К сожалению, никто об этом не рассказывал.

Светлый тэнгу убрал руку от лица и обратился к женщине в фиолетовом:

— Госпожа Фуку, а купол вы воздвигли из-за историй с этими плодами?

— Увы, да, — она тяжело вздохнула. — Жители и моей деревни начали пропадать, я должна была как-то защитить их.

— А давно вы здесь живёте? — Хару хотелось побольше узнать об этой загадочной женщине. Чем тщательнее он разглядывал комнату, тем больше замечал, что на некоторых полках попрятались деревянные статуэтки сов, один из углов стола, в том числе, был высечен в форме головы совы.

— Достаточно, — с улыбкой ответила госпожа Фуку, одновременно с этим в комнату постучалась одна из служанок и сообщила, что еда подана.

Женщина в фиолетовом поднялась и повела гостей в столовую, которая находилась в противоположном конце маленького замка. Путники шли по узким коридорам, пока не оказались в нужной комнате с небольшим, но длинным столом, состоящим из нескольких маленьких квадратных, во главе которого на полу расположилась госпожа Фуку. Весь стол заполняло разнообразие блюд: фрукты и овощи, нарезанная и аккуратно свёрнутая сырая рыба во льду, также на каждого расставлены пиалы с рисом и отдельно с тёмным бульоном из водорослей.

Хару присел по правую руку от госпожи Фуку, рядом с ним расположилась Сота и Хибики, а Акико уселась напротив.

— Вы так и будете сидеть в плащах за едой? — с добродушной улыбкой поинтересовалась женщина. Монах Цуёши также хорошо относился к Хару, но оказалось, что он убил семью Акико, а её саму долгие годы держал в заключении, поэтому он заставил себя не спешить с выводами.

Белый тэнгу смущённо опустил голову и уставился в еду, неуверенный, что хотел бы

снимать накидку и выставлять свои пепельные волосы напоказ. Руки он положил на колени и случайно задел округлость, выступающую под столешницей. Опустив взгляд ниже, он обнаружил и там деревянную сову.

— Как много сов у вас, — неосознанно произнёс он, случайно переведя тему.

Плечи госпожи Фуку подрагивали от смеха, она положила ложку на специальную подставку и тепло взглянула на Хару:

— Маленький бездомный тэнгу, осмелюсь предположить, что ты отпрыск Джунъичи из дворца Кинъу.

Киноварно-красные глаза расширились от ужаса и удивления, да так сильно, что скоро сравнялись бы с пиалами по размеру. Юноша вздрогнул и сильно дёрнулся — накидка спала с его волос, растрёпанные белые пряди рассыпались по спине, а красная лента выделялась на лбу. Акико вздохнула от его вида и отвела взгляд, схватилась за ложку и принялась есть суп, совершенно позабыв, что за волосами Хару надо ухаживать, иначе на его голове начинает твориться ужас.

Сота и Хибики с подозрением косились в сторону женщины, но молчали.

— Госпожа Фуку, откуда вы знаете моего отца? — не выдержал белый тэнгу. — И можете звать меня Хару.

Женщина в фиолетовом улыбнулась:

— Маленький Хару, я много чего знаю.

С этими словами она выпустила в воздух несколько пушистых фиолетовых перьев, которые, паря, зависли вокруг её головы. От неожиданности Сота закашлялся, но быстро пришёл в себя.

— Как видите, я тоже тэнгу и живу уже очень много веков, — заговорила госпожа Фуку. — Было время, когда я служила в императорском дворце, чисто из интереса, когда же это было... я служила у матери отца императора, если не ошибаюсь.

— У кого? — мигом перебил её Хару, и чуть не получил подзатыльник от Хибики, благо, их разделял Сота.

— У бабушки нынешнего императора, — через стол шепнула Акико, госпожа Фуку с благодарностью кивнула и продолжила рассказ:

— После её смерти я не пожелала оставаться в императорском дворце и покинула его, а со временем обосновалась здесь, на границе между провинциями Кадзуса и Симоса, окружённая цветами глицинии, которых тут росло всего пару деревьев. Покойная императрица ужасно любила эти цветы, даже меня называла глицинией...

Взгляд госпожи Фуку из радостного стал задумчивым, тоскливым, она грустно улыбнулась и снова открыла рот:

— Некоторое время я жила в месте, которое назвала Садам Неспящих Сов. Чтобы составить себе компанию, создала деревянные статуэтки, со временем мимо стали проходить люди, некоторые просились на ночлег, кто-то оставался и не спешил уходить. А я так привыкла к жизни среди людей, что и не прогоняла их, к тому же, они сами построили домики вокруг моего. Так и возникла наша деревня.

Хару с интересом слушал рассказ госпожи Фуку и понемногу ел.

— А вы всегда первому встречному рассказываете о своём прошлом? — не выдержал Сота и всё-таки задал свой вопрос. Вот до него уже Хибики достал и дал крепкий подзатыльник — да такой сильный, что звук от хлопка разнёсся по всему замку.

— Сота! — сердито воскликнул светлый тэнгу и снова замахнулся. — Где твои манеры?

Прошу извинить нас.

Но госпожа Фуку ни капли не смутилась, а только рассмеялась. Стыд ощущали лишь несчастный Хибики, и он бы с радостью ушёл из-за стола, если бы не опасался, что Хару с Сотой могут ещё всякого необдуманного наговорить, и Акико, которая даже тэнгу не являлась и знакома была с ними всего пару дней.

— Не переживайте, я всякого успела послушаться за свою жизнь.

— Госпожа Фуку, а сколько вам лет?

— Хару!

Щёки несчастного Хибики уже покраснели от стыда и злости, он, самый низкий из всех, уже был готов схватить Хару с Сотой за шиворот и выставить обоих за дверь, но слова молодого господина добились его:

— Хибики, что-то не так?

Они звучали так невинно...

Хибики уже подумывал достать катану из ножен и пронзить себе живот, лишь бы этот диалог не продолжался, но всё-таки заставил себя сжать зубы и остаться на месте. Это же Хару, всего лишь его наивный молодой господин в придачу с бестолковым Сотой. Акико молча ела, всё быстрее носила ложку от пиалы с супом ко рту.

— Мне так много лет, что я уже и не вспомню конкретное число, — засмеялась госпожа Фуку, чем вызвала улыбку на лицах Хару и Акико. Сота просто хмыкнул, уверенный, что та просто не хотела называть свой возраст, а Хибики смущённо смотрел в свою еду.

— Лучше о себе расскажите, как там во внешнем мире дела обстоят, — предложила она и тоже съела ложку супа, а затем и риса.

Разговор постепенно перетёк в мирное русло, Хару с Сотой перестали задавать глупые и неуместные вопросы, поэтому Хибики сумел успокоиться и даже расслабиться, но бдительности не терял. После сытного обеда госпожа Фуку предложила путникам отправиться к озеру.

— Горячих источников, увы, у нас нет, — добавила она с сожалением, когда все уже доедали моти с бобовой пастой на десерт и собирались вставать.

— Что такое горячие источники? — поинтересовался Хару, смутно припоминая, что Асахи рассказывал о чём-то таком.

— О, — удивилась госпожа Фуку, — тогда неважно, девушки проводят вас к озеру.

Она встала из-за стола, за ней поднялись тэнгу и Акико, в следующее мгновение служанки с опущенными взглядами оказались за спиной женщины в фиолетовом. Та улыбчиво попросила показать озеро, и когда все уже подходили к выходу, госпожа Фуку вдруг обратилась к Акико:

— А тебя, барышня, попрошу задержаться.

Среди них барышней назвать можно было лишь Акико, поэтому она послушно остановилась и взглянула на госпожу Фуку.

— Госпожа Фуку, что вам надо от Акико? — вступился за неё Хару, поймав взгляд прекрасных золотистых глаз цвета ямабуки.

— Не беспокойся обо мне, иди.

— Но мико...

— Иди, — твёрдо произнесла Акико. — Я позже догоню вас.

Хару тоскливо посмотрел сначала на неё, потом на госпожу Фуку, вздохнул и всё-таки поплёлся за друзьями-тэнгу и служанками. Последние носили куда меньше слоёв одежды, в

отличие от их госпожи, как и волосы скромно убирала наверх, Хару даже не заметил ни одной ленты, не говоря уже о всевозможных заколках. Оставалось лишь гадать, какая сила их удерживала.

Девушки провели тэнгу по коридорам и оказались у другого выхода, откуда вид открывался не на деревню, а на всё те же деревья глицинии. С этой стороны холма не находилось никакой лестницы, поэтому пришлось идти по мягкой траве. Своими лапами Хару ощущал, насколько свежей и приятной та оказалась.

Невдалеке показалась пурпурная гладь озера, вокруг которой витали облачка фиолетового дыма — не заблудишься. Оставив Хару и Хибики в стороне, Сота первым рванул вперёд, на радостях подпрыгнул, обхватил колени руками и плюхнулся в воду, брызги разлетелись в сторону. Хару, на удивление, шёл неторопливо. Обожавший плескаться в воде, готовый там проводить весь день, он просто плёлся, вяло поглядывая в сторону Соты. Хибики задумчиво осмотрел его и предположил:

— За Акико беспокоишься?

— Немного.

В душе он помирал от беспокойства.

— Всё с ней будет в порядке, не переживай, — Хибики старался подбодрить, но Хару пропускал его слова мимо ушей.

Девушки-служанки протянули им мягкие полотенца и специальную коробочку с ароматными травами и средствами, после чего поклонились и удалились. Хибики вздохнул и приблизился к берегу, где сначала аккуратно положил полотенца, а затем скинул с себя одежду и сложил аккуратно стопкой, также вынул ленту из волос и оставил её сверху. Белокурые пряди упали ему на плечи, Хибики убрал мешавшиеся за уши и вошёл воду, которая оказалась ледяной. Он вздрогнул, едва не пискнув от неожиданности, но сдержался и прошёл глубже, чтобы вода доставала до пупка. Сота увидел выражение на его лице и заржал, после чего обратился к Хару:

— Молодой господин, иди к нам!

— Иду, — вяло пробубнил тот, но продолжал стоять на берегу и оглядываться в сторону замка.

— Госпожа Фуку наверняка предложила этой Акико искупаться отдельно от нас, — с хитрой усмешкой предположил Сота и добавил, повысив голос: — Или молодой господин хотел посмотреть на свою девушку без одежды?

Жар прилил к щекам и ушам Хару, всё его лицо покраснело от смущения.

— Она не моя! — крикнул он и вбежал в озеро, зачерпнул воды и умылся.

Сота с Хибики засмеялись, а Хару всё-таки снял с себя одежду и небрежно скинул на берег, пока та не промокла полностью. Ледяная вода привела его в чувство, мурашки пробежали по спине, Хару обхватил себя за плечи.

— Иди к нам, владыка Весенних Вод! — насмешливо подбадривал его Сота.

Хару повернулся в его сторону, зачерпнул в руки воды, со всей силы надавил и брызнул в сторону друга, но капли попали в стоявшего рядом Хибики. Хару наконец-то рассмеялся, согнул колени и присел, чтобы вода доставала до подбородка — так он старался привыкнуть к температуре. Затем снова встал, от лёгкого ветра ощутил холод и вновь опустился в озеро — на этот раз вода, наоборот, показалась тёплой. Дождавшись, пока он привыкнет, Сота хитро прищурился и брызнул в сторону Хару. Тот вовремя нырнул под воду, проплыл пару кэнов (Кэн = 1,81 м) и ухватился за ближайшие колени.

— Меня за что? — возмутился Хибики, когда Хару потянул его за ноги и уронил в воду.

— Чтоб не расслаблялся! — захохотал Сота, который уже оказался на противоположном конце озера.

Хару вновь нырнул под воду и торопливо погрёб в его сторону. Он держался близко ко дну, фиолетового свечения едва хватало, чтобы различать силуэты под водой, поэтому Сота внимательно щурился и вглядывался в каждое тёмное пятно. Однако Хару умудрился обогнуть озеро и подплыть со спины. Выглянув из воды и удостоив Соту хитрым взглядом, он усмехнулся, напряжинил лапы и с радостным воплем выпрыгнул из воды, запрыгнул другу на спину. От неожиданности тот не выдержал и упал, утащив Хару за собой.

Хибики молча стоял в противоположном конце со стороны одежды, где спокойно и умиротворённо проводил время. Он вернулся к берегу, взял в руки ароматную коробочку и принялся мыться, пока Хару с Сотой развлекались и радостно шумели.

К озеру вдруг подбежал невысокий парнишка с кучей тканей в руках.

— Г-госпожа Фуку попросила передать вам ч-чистую одежду, — испуганно и заикаясь произнёс он.

— Оставь на берегу, — попросил Хару и кивнул головой в сторону остальных вещей. Парнишка поклонился, дрожащими руками аккуратно сложил новую стопку, вновь поклонился и тут же смылся.

— Хибики, ты так и будешь в стороне стоять? — окликнул его Сота.

— В отличие от некоторых, я купаться не люблю, — ответил тот, продолжая намыливаться, как вдруг обернулся и заметил, что Сота топил Хару. — Ты что творишь?!

— Он первый напал на меня!

Вместе с коробочкой сердитый Хибики поспешно двинулся в их сторону, но в воде быстро идти не получалось, та значительно замедляла его передвижения — не то, что идти по суше или лететь по воздуху. Когда он наконец-то приблизился, Сота отпустил Хару, а тот радостно вынырнул. На его голове, а впрочем, как и всегда, царил хаос. Хибики тяжело вздохнул:

— Молодой господин, дай я займусь твоими волосами.

Коробочку он вручил Соте, затем пальцы потянулись к голове Хару, а тот и не сопротивлялся, специально опустил пониже в воду и позволил расплести колтуны. В воде пепельные волосы меньше сопротивлялись, поэтому Хибики быстро закончил, забрал ароматную коробочку и намылил Хару волосы.

Сота с интересом следил за всем этим действием и, придерживая подбородок руками и демонстративно уперев локти в поверхность воды, насмешливо поинтересовался:

— А мои отмоешь?

— Сам справишься, — рыкнул Хибики, продолжая возиться с волосами Хару.

— Вредина, — надув губы, пробурчал Сота и отвернулся, но тоже решил воспользоваться содержимым коробочки и отмыться после приключений в лесу.

Глава 11. Чудища в перьях падают с небес

На следующее утро... нет, Хару разбудили не первые лучи солнца, а девушки-служанки, которые осторожно постучали и пригласили всех тэнгу позавтракать вместе с госпожой Фуку. Хару с прошлого дня не видел Акико: после купания они вернулись в замок, перекусили и улеглись спать. Акико выделили отдельную от юношей комнату, поэтому большую часть ночи Хару ворочался, терзаемый переживаниями, но в итоге провалился в сон.

Солнечные лучи и вовсе не проникали в деревню Неспящих Сов, лишь на небе виднелось слабое пятно — купол скрывал это место от внешнего мира, поэтому жители довольствовались лишь фиолетовым свечением в виде облачков тумана. Сонный Хару со слипающимися глазами оделся и поплёлся в столовую вслед за Сотой и Хибики, за столом их уже ждали госпожа Фуку и Акико. Хару мигом очнулся и уже в более оживлённом настроении приблизился к последней:

— Доброе утро, Акико, хорошо ли спалось, всё ли у тебя в порядке?

Золотистые глаза цвета ямабуки с теплом посмотрели на него, госпожа Фуку улыбнулась, Сота вздохнул, покачал головой и уселся за стол, Хибики молча опустил рядом с ним. На лице Акико тоже появилась улыбка, девушка вежливо прикрыла лицо рукавом и тихо посмеялась:

— Доброе утро, Хару, всё хорошо. Ты беспокоился?

— Конечно!

Он так искренне и невинно воскликнул это, что рука Акико сама опустилась к груди. К щекам Хару вдруг прилил жар, поэтому он поспешил кивнуть головой и усесться рядом с друзьями-тэнгу, где мигом принялся поесть рис.

После трапезы госпожа Фуку аккуратно протёрла свой рот и произнесла:

— Акико рассказала, что вы направляетесь в княжество Отаки, — она не уточняла, а констатировала как факт. — Я выпущу вас из купола и укажу направление.

Девушки-служанки унесли грязную посуду и вернулись с выстиранной одеждой тэнгу, также они принесли три небольших мешка с провизией.

— Можете пока переодеться, и пойдём, — госпожа Фуку первой вышла из-за стола, за ней мигом поднялись остальные и разошлись по комнатам.

Одежду Хару сменил довольно быстро, а волосы, до сих пор пребывающие в нормальном состоянии, расчесал пальцами и попытался сделать хвост, однако те сопротивлялись и вылезали. Тогда он сложился пополам, кое-как собрал их вместе и завязал красной лентой.

— Молодой господин, давай я... — Хибики собирался предложить свою помощь, но Хару уже улизнул из комнаты.

Он собирался найти Акико, однако стоило оказаться в коридоре, как понял, что совершенно не имел понятия, где она находилась. Хару прохаживался и смущённо бросал взгляды в комнаты, не прикрытые сёдзи, однако в основном замечал горшки с растениями, всевозможные шкафчики со свитками, столики и подушки. И ни единой живой души.

Из-за фиолетового свечения складывалось ощущение, что сейчас вечерело или только наступало утро, то есть казалось, что ещё не закончилось или наступало время сна, поэтому Хару чувствовал себя не выспавшимся, ходил и зевал. Сота и Хибики остались переодеваться

и не последовали за ним, а он умудрился потеряться в этом небольшом замке. Даже позабыл, из какой стороны пришёл, а служанки не попадались на глаза, поэтому спрашивать было не у кого. Так Хару и бродил туда-сюда, пока не услышал голос за спиной:

— Не меня ищешь?

— Нет... да!

Он уже успел подумать, что остался в замке совсем один, поэтому совершенно не ожидал услышать знакомый голос и уж тем более удивился, когда обернулся и увидел Акико. Надела она новые вещи — бежевое кимоно с красивым коричневым узором в виде цветов глицинии, а также других — с широкими и острыми лепестками. Волосы её были аккуратно убраны наверх, лишь некоторые пряди свисали, множество заколок в виде листиков поблёскивало по бокам головы.

Хару с восхищением разглядывал Акико в других красках — та вдруг предстала величественной молодой госпожой, а не просто какой-то жрицей из одинокого мрачного храма. Как будто перед ним стояла знатная девушка или даже принцесса.

— Что же ты хотел? — поинтересовалась она, хитро прищурилась и широко улыбнулась.

Раз Акико так приделась, вряд ли госпожа Фуку обижала её — наверняка именно глава деревни Неспящих Сов подарила Акико одежду, а Хару лишь об этом и хотел узнать.

— Просто увидеть, — выпалил он и сжал губы. К лицу прилил жар, но и на щеках Акико появился едва заметный румянец. Она поднесла руки и попыталась скрыть его, отвернула голову в сторону.

— Вот ты где, молодой господин! — воскликнул внезапно появившийся Сота, намеренно игнорируя Акико. — Мы уже обыскали тебя.

За его спиной стоял Хибики, оба переоделись и были готовы выдвигаться в путь. Не успела неловкая пауза повиснуть, как Сота уверенно подошёл к Хару и подтолкнул того дальше по коридору:

— Идём, молодой господин.

У выхода из замка их дожидалась госпожа Фуку, а также служанки с тремя небольшими мешками, которые тэнгу уже видели за завтраком. Сота с лёгкостью поднял один из них, даже удивился, швырнул его в сторону Хибики, а затем закинул себе на спину ещё два.

Госпожа Фуку махнула рукой, отпуская служанок, и пошла-поплыла наружу, одежда из множества слоёв всех оттенков фиолетового следовала за ней по земле. Путники поспешили за хозяйкой деревни Неспящих Сов, вскоре спустились по каменной лестнице, прошли мимо отдельных деревенских домиков, заметив несколько жителей, и двинулись в противоположную от замка сторону. Казалось, госпожа Фуку никуда не спешит, а медленно плывёт по поверхности земли, однако Хару пришлось идти за ней большими шагами, чтобы не отставать.

Повсюду, буквально на каждом шагу, росли деревья глицинии, вдоль которых шли путники во главе с госпожой Фуку. Вскоре они оказались в лесу из одних глициний, которые так близко находились друг к другу, что приходилось отодвигать ветви руками, чтобы пробраться дальше. Наконец, деревья остались позади, а путники вышли к границе купола. Госпожа Фуку слегка наклонилась, ухватилась обеими руками за низ и провела обеими ладонями по полупрозрачной фиолетовой поверхности. Вслед за движениями её пальцев открывался проход в привычный мир, откуда сразу полились ослепительно-яркие лучи солнца. Хару, стоявший прямо за госпожой Фуку, даже зажмурился, после чего приоткрыл

киноварно-красные глаза и завороченно взглянул на родные зелёные цвета деревьев. Он уже собрался сделать шаг и выйти, не попрощавшись, как госпожа Фуку мягко поймала его за локоть и обратилась к нему:

— Сын Джунъичи, полагаю, это твоё.

В другой руке у неё вдруг оказался тот самый мешок с красной лентой от Мию и Хотару, который Хару потерял в лесу и никак не мог найти.

— Где... Госпожа Фуку, откуда он у вас? — изумился белый тэнгу и с трепетом принял важную вещь, погладил уже потрёпанную ткань и повесил себе на пояс.

— Совы принесли, — тепло улыбнулась женщина в фиолетовом, а затем рукой указала вперёд. — Вам в ту сторону. Счастливого пути, дети мои, я всегда буду рада вам в деревне Неспящих Снов, не стесняйтесь, заглядывайте ещё.

Поблагодарив её, все четверо вышли из-под купола, «дверь» за ними опустилась, на миг став фиолетовой, а потом и вовсе весь купол растворился в воздухе.

— Рада, конечно, — фыркнул Сота. — А деревню свою спрятала, чтоб мы не нашли.

— Не чтоб мы не нашли, а чтоб враги не напали, дурень, — поправил его Хибики и вздохнул, едва не замахнувшись для подзатыльника, а Хару улыбнулся:

— Может, совы ещё укажут нам путь сюда.

Он с восхищением оглядывался по сторонам, наслаждался чудесным зелёным пейзажем, которого так не хватало в фиолетовом тумане, грелся под желанными лучами солнца, любовался прекрасным синим небом. Взглянув на облака и подумав о семье, он уверенно двинулся вперёд, друзья тоже не отставали. Сота тоже устал от фиолетового свечения и теперь сам оглядывался по сторонам, что чуть в дерево не врезался. Хибики с Акико шли молча, но если от первого Хару ожидал подобного, то вторая казалась ему более болтливой. Он и мысли не допускал, чтобы госпожа Фуку могла обидеть Акико, в особенности после того, как вернула ему ценный мешок, но всё-таки стало не по себе, начало сосать под ложечкой. Хару чувствовал настроения людей, и сейчас ощущал, что Акико что-то беспокоило.

Она молчала весь путь, болтали только тэнгу, и, когда Хару наконец-то собрался поговорить с ней, все вдруг услышали крик, раздающийся сверху. Если поначалу тот напоминал простое «а-а-а!», то затем оно превратилась в «а-а-ру-у». Чем сильнее приближался источник звука, тем чётче путники слышали «Ха-ру!»

— Я не ослышался? — удивился Хару, не понимая, кто ещё мог его разыскивать, как тяжёлое светлое тельце со всей силы врезалось ему в грудь. Белая ворона небольшого размера чуть не упала на землю после удара, но замахала крыльями, обернулась человеком.

Хару среагировать не успел, как девушка его роста с пепельными волосами и красными глазами подскочила и заколотила руками по его груди с воплями:

— Хару-чан («-чан» — японский суффикс, используемый в обращении к девушке или ребёнку), как ты мог так поступить со мной? Куда ты пропал на столько времени?

— Онэчан? — Хару с удивлением разглядывал хныкавшую Хотару. — Что ты тут делаешь? И не называй меня так, я не маленький.

— Молодая госпожа! — Сота и Хибики вежливо поклонились в знак приветствия, а Акико нахмурилась и отошла в сторону.

Хотару мало чем отличалась от Хару — такая же взъерошенная, растрёпанная, говорливая. Хотя её волосы и были убраны в хвост, всё равно торчали во все стороны. Как и все белые тэнгу в их клане, она носила аккуратное белое кимоно с чёрно-красным узором,

изображавшим перья и листья, с примесью красных и золотых крапинок. Но либо она слишком торопилась, либо полёт оказался неудачным — пояс развязался, и Хотару предстала не в лучшем своём виде.

— Молодая госпожа, если позволите, — Хибики осторожно подкрался и мигмом перевязал ей пояс. Она даже внимания не обратила, а тот уже успел вынуть ленту из её волос, аккуратно пальцами привести их в порядок, расчесать и вновь убрать в хвост. Сота стоял в стороне и посмеивался, после чего поймал на себе сердитый взгляд Хибики, плюхнулся на землю и опёрся спиной о дерево.

— Я такую панику подняла! Нигде не ощущала твоего присутствия, чуть с ума не сошла, боялась, отец убил тебя... — на глазах Хотару выступили слёзы. — И тут ты вдруг объявляешься, живой и невредимый!

— Ты обвиняешь своего брата в том, что с ним всё в порядке? — хмыкнула Акико, стоявшая в тени деревьев.

— Ты ещё кто? — недовольным тоном пробурчала Хотару и вновь повернулась к младшему брату. — Хару, кто эта девушка? Она тебя обижает?

— Нет! — тут же выпалил Хару. — Это жрица Акико, она приютила меня в первый день и теперь помогает мне разыскать Асахи-аники.

Он тепло посмотрел на Акико, в то время как Хотару нахмурилась и покрепче ухватила пальцами за одежду младшего брата.

— Хару, ты с такими лучше не водись, вот у тебя Сота и Хибики есть.

— На себя лучше посмотри, — прислонившись спиной к стволу дерева, злорадно фыркнула Акико.

Хару удивлённо смотрел то на сестру, то на жрицу, не понимая, из-за чего они решили поссориться.

— Не ругайтесь, — попросил он, чувствуя, как в воздухе повисло напряжение. — Онэчан, лучше расскажи, как дела во дворце Кинъю. У матушки всё хорошо? Отец ещё не простил меня?

Щурясь, Хотару перевела свой взгляд с Акико на Хару.

— Очень скучно и тихо без тебя! — с тоскливым вздохом заверила она его. — Матушка и Мию-нэчан ужасно переживают за тебя, отец и Масао-аники в делах, но тоже беспокоятся. Скорее стань достойным и вернись уже!

Она смотрела на него молящими глазами, как вдруг услышала хихиканье со стороны.

— Может, ты ему расскажешь, как стать достойным? — Акико изогнула брови и слегка склонила голову в сторону, подталкивая Хотару к действию. — Думаешь, это так просто?

Белая тэнгу вспылила, сердито обернулась, бросила на Акико полный ненависти взгляд и выпустила белоснежные перья в стороны.

— Я вырву ей язык, Хару! — на полном серьёзе заявила она, закатала рукава и уверенно шагнула в сторону жрицы, но Хару обхватил старшую сестру за талию и попытался оттащить назад.

— Не надо, Хотару-онэчан.

— Осторожнее, молодая госпожа, нас ещё поранишь! — приоткрыв один глаз, крикнул Сота, вовремя увернувшийся от пера, который врезался в ствол возле его уха.

— Хару, я не хочу, чтобы ты продолжал свой путь... — Хотару задумалась, как бы получше обозвать Акико, но в итоге просто с омерзением выплюнула: — с ней.

— Не тебе решать, кто с ним пойдёт, — уверенно заявила Акико, оттолкнулась от

дерева и сама сделала шаг навстречу Хотару.

— Перестаньте! — закричал Хару, продолжая тянуть сестру назад. — Я сам решу, с кем мне идти.

Та остановилась, посмотрела ему прямо в глаза и ответила:

— Вот и реши. Скажи этой девушке, что ты решил, что ей тут не рады, пусть разворачивается и проваливает.

Сота уже и второй глаз приоткрыл, с интересом наблюдая за представлением, а вот Хибики, тяжело вздыхая, подошёл к нему и опустился рядом на землю, не желая вмешиваться в дела белых тэнгу. Пусть сами разбираются со своими проблемами.

— Но я решил, что хочу странствовать вместе с Акико, — возразил Хару, настолько поразив старшую сестру, что та даже сопротивляться перестала. Она только ошарашенно обернуться успела, как вдруг они вместе с Хару грохнулись на землю — тот-то не переставал тянуть её назад.

Губы Хотару дрожали, глаза наполнились влагой, старшая сестра с таким несчастным видом посмотрела на брата, что у того всё в груди сжалось.

— Как ты можешь такое говорить? — она поднесла руки к лицу и заплакала.

Хару не успел придумать оправдание, как к ним подошла Акико и смирила Хотару надменным взглядом.

— Сама-то, барышня? Вынуждаешь младшего брата сказать то, что угодно тебе, но чего не хочет он. И какая старшая сестра из тебя после этого?

Хотару смахнула слёзы с лица, села и резко поднялась с земли. Хару не успевал следить за происходящим, как его сестра уже попыталась залепить пощёчину Акико, но та, изогнув брови, с лёгкостью поймала её руку и теперь смотрела и насмехалась.

— Хару! — Хотару обернулась на по-прежнему лежавшего на земле Хару, надеясь найти в нём поддержку.

Но тот только сел и смущённо посмотрел вниз, вдруг осознав, что не хотел защищать сестру. Он простил Акико, проникся к ней жалостью и с радостью бы продолжил с ней путь, если она сама того пожелает. Даже сейчас, когда она сцепилась с Хотару, у неё не было того хищнического взгляда и жуткого оскала, она оставалась милой жрицей.

— Извини, Хотару-онэчан, но я думаю, что Акико права.

Губы Хотару вновь задрожали, она надула их и свела брови. Из-за её несчастного взгляда Хару места себе не находил, чувствовал себя виноватым. Сота решил более не оставаться в стороне, а поднялся с земли и приблизился к остальным.

— Ну-ну, чего вы разругались? — он важно прошёлся к девушкам и схватил Акико за руку, заставляя ту отпустить Хотару. — Я на вашей стороне, молодая госпожа, однако молодой господин иного мнения, и мы все должны уважать его.

— А если он ошибается? — возмутилась Хотару, поглаживая свою руку после крепкой хватки Акико, а жрица в свою очередь выдернула свою у Соты и отвернулась, но никуда уходить не спешила.

К ним как всегда незаметно подкрался Хибики и тоже высказался:

— Пусть ошибается, в следующий раз будет ему уроком.

Однако Хотару не собиралась так легко сдаваться:

— Но это же Хару!

— Он не ребёнок, молодая госпожа, — почтительно ответил Хибики, не поднимая головы.

— Всё-всё! — вмешался Сота. — Поумничали и пошли уже, а то к Асахи только следующей зимой придём. И вообще, молодая госпожа, вам бы лучше во дворец Кинью вернуться, это нас искать не станут, а вот из-за вас господин всех там переубивает.

Он и не понял, что кинул Хотару спасительную палку.

— Отлично! — воскликнула она и усмехнулась, злорадно окинув Акико взглядом. — Я туда не вернусь, пока эта тоже не уйдёт.

— Онэчан, — с неожиданным сожалением позвал Хару.

В его голосе звучала столь неподдельная тоска и печаль, что Хотару вмиг замолкла и обернулась.

— Ты настолько плохого мнения обо мне и моих решениях, ты не веришь в меня? — он сглотнул, не в силах продолжать дальше.

До сего момента она смотрела на него и видела лишь младшего братика — мелкого неопытного птенца, который с интересом слушал её, верил каждому её слову и слепо выполнял любую просьбу. Он никогда не смел перечить ей. И не потому, что не хотел, а потому что не сомневался в её правоте. И даже способы достичь бессмертия он намерился отыскать лишь после того, как она приукрасила рассказы Асахи.

— Я... — Хотару растерялась и не знала, что сказать; она испытывала стыд, но извиняться не хотела, уж точно не на глазах Акико. — Я останусь с вами до вечера, а на закате вернусь во дворец Кинью.

Она подошла к Хару и упрямо посмотрела на него, поджав губы и чувствуя вину, но говорить об этом не собиралась. Тот наконец-то поднялся с земли и улыбнулся:

— Тогда продолжим наш путь? Кто-нибудь ещё помнит, в какую сторону идти?

Хару неловко рассмеялся, а Хибики вздохнул:

— Для чего ещё мы здесь...

— Давайте немного свернём и выйдем к морю, — предложила Акико, обернувшись ко всем лицом. — Госпожа Фуку сказала, что так проще ориентироваться.

— Я хочу идти через лес! — мигом зашпорила Хотару и прищуренными глазами посмотрела на младшего брата.

Сота и Хибики вздохнули, на этот раз ругались не они, а девушки, что уже начинало раздражать. А им ещё до вечера терпеть молодую госпожу...

— В прошлый раз на нас в лесу напали охотники за ёкаями, — задумчиво произнёс Хару, а Хотару, уже собравшаяся двинуться к лесу, закричала на всю округу:

— На вас напали охотники?! И мне никто не сказал?! Хару-чан, ты в порядке, не пострадал?

Из недовольной капризной барышни она мгновенно превратилась в переживающую старшую сестру, которая обеспокоенно подскочила к младшему брату, схватила его за плечи и внимательно осмотрела, вертя его туда-сюда. Хару нахмурился и попытался вырваться, но та слишком крепко держала.

— Всё в порядке, никто из нас не пострадал.

— Может, пойдём всё-таки? Такими темпами мы до темноты проболтаем тут, а барышня так и не увидит землю, — хихикнула Акико и неторопливо первой направилась вперёд.

Хотару фыркнула, отпустила одежду Хару, уверенно схватила его за локоть и потащила следом, намереваясь обогнать неприятную ей девушку. Сота и Хибики переглянулись, первый усмехнулся, второй пожал плечами, и двинулись за остальными.

Сразу к морю выйти не вышло, некоторое время пришлось идти по лесу. Акико и Хотару пререкались всю дорогу, но если первая ловко перемещалась между кустами и деревьями, её одежда и волосы оставались в идеальном состоянии, то вторая, непривыкшая к жизни на земле, цеплялась за каждый сучок, спотыкалась о любую кочку и тянула Хару за собой. Хибики молча вздыхал, представляя, сколько сил уйдёт на то, чтобы привести брата и сестру в надлежащий вид.

В час обезьяны (С 15:00 до 17:00) они наконец-то вышли из леса и оказались на низкой траве, которая дальше заканчивалась и переходила в песок. Пока Акико тянулась в тёплых лучах солнца, настороженно прислушивалась к шуму, с которым волны бились о берег, и с подозрением принималась к морскому запаху, Хару и Хотару, по-прежнему державшиеся за руки, не переговариваясь, ступили на мягкий и тёплый песок и дружно упали в него носом.

— Молодой господин, молодая госпожа! — воскликнул Хибики и мигом подскочил к ним, испугавшись, что те вдруг сознание потеряли.

— Как хорошо... — в один голос произнесли брат с сестрой, заставив светлого тэнгу сердито задыхаться.

— Мы же всего ничего прошли.

Но Хибики не сумел никого убедить, Сота уже приблизился к белым тэнгу и тоже расположился на песке поблизости:

— Ничего, передохнём, — усмехнулся он и стащил один из мешков с плеч. — Есть кто будет?

Внутри оказались всевозможные булки с разными начинками, начиная от сладких и заканчивая мясом. Сота достал несколько моти с бобовой пастой, разложил их на своём животе и один полностью запихнул в рот, после чего подложил руки под голову и с блаженством разлёгся на песке.

— Позже, — пробубнил Хару прямо в песок и закашлялся, случайно вдохнув его.

— Кто-нибудь, помогите!

Глава 12. Карп попался в сети

Девчачий голос, заглушаемый плеском волн, доносился издалека, со стороны моря. Хару затих, перестал кашлять и прислушался — мало ли показалось. Голос вновь позвал, тогда белый тэнгу резко сел и попытался встать, но за его руку по-прежнему держалась старшая сестра. Она не придавала значения крику, что-то пробубнила под нос и предложила ещё полежать.

— Онэчан, кто-то зовёт на помощь, — встревоженно произнёс Хару и попытался убрать руку Хотару, но та только сильнее вцепилась со словами:

— Пусть зовёт, у тебя Сота с Хибики есть, и эта жрица противная, — она искривила лицо так, будто её сейчас вырвет, — они вместо тебя со всем разберутся.

— Хотару-онэчан, так нельзя, — возмутился Хару, осторожно заставил её разжать пальцы и отпустить его руку, после чего поднялся на ноги и побрёл по берегу, продолжая внимательно прислушиваться. Тёплый мягкий песок непривычно застревал между большими тёмными пальцами, с каким-то странным ощущением щекотал.

Голос вновь закричал:

— Кто-нибудь!

Пока Сота блаженствовал в окружении моти, а Хотару продолжала лежать, уткнувшись носом в песок, Акико и Хибики тоже прислушались к крикам и последовали за Хару. Держась на приличном расстоянии друг от друга, они оглядывались по сторонам, всматривались в волны, бьющие о песчаный берег — то выбрасывающие всевозможные водоросли и мелкую живность, то уносящие их обратно. Голос определённо кричал откуда-то со стороны воды, а не из леса.

— Где ты? — не выдержал Хару, так и не найдя источник.

— О владыка морей, меня услышали! — оказалось, он уже успел пройти место, откуда кричали. — Я здесь!

Хару вернулся на несколько шагов назад, а Акико и Хибики как раз приблизились к нему. Все трое вгляделись в морскую пучину, где заметили смутное тёмное пятно. На миг из воды показалась чья-то светлая голова, но её вновь скрыли волны.

Обеспокоенный Хару, не теряя времени, вошёл в воду и поспешил к кричавшей, но по его ноге что-то поползло. Не обращая внимания, он пытался пройти к тонувшей девушке, однако это нечто поднималось уже по обеим ногам, как вдруг связало его лапы друг с другом и уронило в воду. Хару вскрикнул, а Хибики уж было прыгнул в воду за ним, однако его руку схватила Акико и не пустила.

— Ты что творишь? — возмутился Хибики, когда голова молодого господина скрылась под водой.

— Ты видел, что его схватило? — встревоженно спросила Акико, продолжая стоять на песке, в стороне от воды. — А если мы все там застрянем? Тогда уже никто ему не поможет.

Ей двигало вовсе не чувство самосохранения: если бы она не подумала наперёд, то сама бы сейчас ринулась туда.

Хибики был вынужден признать, что в её словах имелся смысл: если и их утянет под воду, то там они и погибнут. Сота бы вряд ли придумал способ, как их вытащить, а Хотару бы и вовсе поленилась подниматься. Или бы испугалась и в панике улетела обратно во дворец Кинъю. Тем не менее, Хибики всё-таки вздохнул, убрал пальцы Акико со своей руки и

позвал:

— Сота, живо сюда.

В нескольких дзё от него прозвучало недовольное:

— Я ем!

— Молодой господин в беде! — уже громче крикнул Хибики, а Сота мигом сел. Моти, которые он разложил по своей груди, вмиг упали на песок, а тёмный тэнгу уже мчался к Хибики и Акико.

— Эй, ты куда? — обиженно возмутилась Хотару, недовольная, что её оставили одну. К сожалению, она была не какой-то Акико, а дочерью одного из глав кланов тэнгу, поэтому Сота не мог крикнуть ей: «Оглохла, что ли, молодой господин в беде!», как чуть не сорвалось с его языка. В итоге он бросил, не оглядываясь:

— Молодая госпожа, с молодым господином что-то случилось.

Если Хару не просто просил фамильярно общаться с ним, а видел в Соте и Хибики своих друзей, то для Хотару они оба были лишь подчинёнными. Она лениво потянулась и села на песке, Сота уже далеко убежал. Старшая сестра Хару ненавидела оставаться одна, поэтому тоже поднялась, но только шаг успела сделать, как наступила в надкусанный моти. Остальные сласти тоже валялись на земле — Сота даже не думал сложить их обратно в мешок, так как слишком спешил. Хотару вздохнула, отряхнула ступню, вытерла о песок и, недовольная, поплелась по берегу, сердито шаркая ногами.

— Что с Хару? — одновременно раздражённо и обеспокоенно крикнула она.

Акико бросила на неё негодующий взгляд, но только фыркнула и промолчала. Сота попробовал сделать шаг в воду, пока Акико с Хибики внимательно наблюдали за ним. Ничего не произошло. Он сделал второй: нечто тёмное поднялось из воды и начало оплетать его ногу, скользкое и слизкое, словно жуткий чёрный слизняк. Сота скривился и попытался выпрыгнуть на берег, но этот «змея» не пускал его. Тёмный тэнгу обнажил катану и попытался перерубить чёрное существо, но лезвие прошло насквозь, а «змея» сросся обратно и теперь оплетал оружие. Сота в тревоге обернулся, силясь избавиться от него:

— Эй, чего стоите? Помогли бы.

— Попробуй перьями, — предложила Акико, однако ни она, ни Хибики приближаться не стали. Хотару успела настигнуть их, но с интересом замерла на месте, не спеша вступать в схватку со «змеем».

Сота презрительно глянул на жрицу, вдобавок, закатил глаза при виде молодой госпожи, но всё-таки послушался и выпустил тёмно-коричневые перья — те разлетелись в разные стороны и взмыли в воздух вокруг него. Сота уверенно направил одно из них в склизкого «змея», однако перо лишь с хлопаньем застряло в противной массе. Тэнгу направил туда все разом, в надежде разрубить морское чудовище, но все остальные перья тоже только вошли в его туловище, а выйти не смогли.

Существо продолжало оплетать его ногу, поднималось по одежде всё выше, вскоре достигло пояса и только тогда переползло на вторую ногу.

— Сделайте что-нибудь!

Он видел встревоженные взгляды Акико и Хибики, а также восторженное лицо Хотару, последняя ещё и радостно произнесла:

— Ой, а что это тут у вас?

Жрица крикнула изо всех сил, не находя себе места и переживая, что белый тэнгу захлебнулся:

— Хару, попробуй свои перья выпустить!

Она не знала, донеслись ли её слова до него, как и не была уверена, жив ли он ещё. Не успела она и шагу сделать, как пепельные перья вырвались из воды и зависли прямо над поверхностью, натянув жуткую сеть, от которой, к тому же, шла мерзкая вонь, будто что-то сгнило. Все дружно нахмурились, сморщили носы и постарались дышать неглубоко.

Даже перья Хару не могли прорубить это существо, которое оказалось вовсе не змеем, а сетью, что сама нападала на своих жертв. Зато та поднялась достаточно, чтобы Хару, незнакомая светловолосая девушка, что звала их на помощь, и рыжий юноша вынырнули и вздохнули. Однако вонь и им в нос ударила, те сморщились и закашлялись. Хару чуть обратно в воду не опустился, но стерпел, закрыл нос и рот рукой. Другие двое держались спокойнее.

Сота, заметив, что помимо молодого господина и девушки среди пойманных в ловушку оказался и юноша, заржал и насмешливо поинтересовался:

— Сколько вас ещё там? Под водой никто не затерялся?

Хибики пустил в него своё светло-коричневое перо, но не поранил, а только похлопал по лбу и серьёзно сказал:

— Сейчас не до шуток.

— Когда, как не сейчас? — Сота пожал плечами. — Мы в ловушке, которую никто не знает, как разрушить. Может, последний раз в жизни шутим.

— Не говори так! — испуганно воскликнула Хотару. — Вытащите Хару, а дальше смейтесь, сколько влезет, помирайте на удовольствие.

Она заметалась на берегу туда-сюда, но в воду ступить не решилась. Акико вздохнула и покачала головой: лучше бы молодая госпожа убралась во дворец и не мешалась тут, а то развела панику.

— Это во всём люди виноваты, — нежным голосом с сожалением заговорила светловолосая девушка, что недавно звала их на помощь, а в итоге загнала в ловушку. — Даймё Хонда и его сыновья.

От неожиданности Хару дёрнулся в воде и с удивлением спросил:

— Причём тут даймё Хонда?

— Вы не местные? — переспросила девушка и надула и без того пухлые губы, Хару отрицательно покачал головой.

Рыжий юноша поднял свои голубые глаза, встревоженно оглядел всех и открыл рот:

— Тогда позвольте представить, перед вами Её Высочество принцесса Хачими из рода персиковых кои.

Услышав слово «персики», Хотару радостно засмеялась, вспомнив, как несколько лет назад Хару выкинул несколько ящиков из окон дворца Кинью.

— Молодая госпожа? — обеспокоенно позвал Хибики и нахмурился, не понимая, как в такой ситуации можно хохотать, но та так развеселилась, что не могла успокоиться.

— А я её покорный слуга, — смущённо продолжил юноша, переволновавшись, что сказал что-то неправильно.

— Не будь таким скромным! — воскликнула принцесса Хачими и захлопала руками по воде. — Он мой троюродный брат по материнской линии. Мой дядя, брат моей матери, приходится ему...

— Мы поняли, — поспешил перебить её Сота, совершенно не думая о манерах. Он был осведомлён о крупных семьях среди рыб-ёкаев и не хотел ничего слушать и уж тем более

запоминать их родословную, ему тэнгу хватало: у того же Хару помимо Хотару ещё был старший брат Масао и сестра Мию — и все родные. Если бы он этого не сделал, то её бы перебила Хотару, зато Хибики мог снова наступать Соте пером по лбу, что он и сделал.

Принцесса Хачими разочарованно вновь надула свои губки и качнула головой, множество украшений в её волосах зазвенело. Серебряные заколки в виде лотосов были вплетены почти в каждую прядь, и без того украшенные множеством крошечных листиков. Верх её одежды, торчащий из воды, был расшит белым жемчугом — вероятно, как и вся остальная одежда, но в тёмной воде было сложно разглядеть. Ни приодетая после госпожи Фуку Акико, ни спустившаяся из дворца Кинъу Хотару по количеству украшений не могли сравниться с принцессой Хачими.

Хару отвёл от неё взгляд, обернулся к рыжему юноше и спросил:

— А как тебя зовут?

Всё равно никто никуда не спешил, трое находились в ловушке, Соту засасывало туда, остальные не знали, что делать, так что можно было спокойно беседовать.

— Ёске, — смущённо ответил тот.

— Принцесса Хачими, почему вы считаете виноватыми даймё и его сыновей? — Хару забеспокоился, что его невиновного друга обвинили.

Та перестала дуться, окинула всех грустным и тоскливым взглядом, тяжело вздохнула, закашлявшись от противного запаха сетей. Ёске обеспокоенно подплыл и замахал руками, но принцесса Хачими быстро пришла в себя и заговорила:

— Вы не местные, поэтому могли не слышать, но семья Хонда выращивают кусты бессмертия и удобряют их ёкаями и людьми.

— Вздор! — мгновенно воскликнул Хару, отказываясь верить в это чушь. — Асахи не мог! Если бы у семьи Хонда появились кусты бессмертия, Асахи бы рассказал нам, да, Хотару-онэчан?

Белый тэнгу перевёл взгляд на сестру, ища в ней поддержки.

— Согласна, — подтвердила она, прикрыла глаза и несколько раз кивнула. — Асахи — добрейший человек, он бы в жизни никого не убил.

Принцесса Хачими вздохнула и вновь закашлялась, а Ёске начал метаться вокруг неё, пытаясь прогнать жуткий запах, но делал только хуже. Когда принцесса пришла в себя, она продолжила, стараясь меньше вдыхать:

— Может, этот ваш Асахи и не участвовал в этом, но его семья убила многих... столько моих братьев и сестёр погибло...

Хару собирался и дальше защищать Асахи, но на глазах принцессы Хачими выступили слёзы и сразу двумя струйками потекли по щекам. Она плакала беззвучно, даже не всхлипывала. Те, кто стоял на берегу, должно быть, и не заметили даже, но Хару увидел и застыл.

— Принцесса... — произнёс он, поднял руку и хотел успокаивающе погладить её, но остановился, вспомнив о манерах.

У тэнгу не было принцев и принцесс, королей и королев, императоров и императриц. Существовало несколько главных кланов и множество мелких, в каждом имелся свой глава, как, например, отец Хару Джунъичи. Клан белых воронов дворца Кинъу являлся как раз одним из главных кланов тэнгу, поэтому Хару, как сын главы, имел высокий статус. Однако его опыт общения с окружающим оставлял желать лучшего, а как вести себя с принцессой кои — он понятия не имел. Будь на её месте Хотару, он бы погладил её по спине, прижал к

себе, обнял.

Ёске тоже встревоженно застыл в воде, глазами впившись в принцессу Хачими, но сам не двигался и ничего не предпринимал. Через некоторое время та сама заговорила:

— Наш род... как члены моей семьи, так и подданные — их всех убивал даймё Хонда, чтобы удобрить свои кусты бессмертия. Можно понять, слабых кои не жалко, — она сердито выдавила это, продолжая плакать, — да, это правда, мы живём значительно меньше других ёкаев. Ну прибили несколько рыбок, ничего страшного, их ещё много родится...

Хару всё-таки не выдержал, рука сама дотянулась до головы принцессы Хачими, торчавшей из воды, и погладила её по волосам.

— Я думаю, это какое-то недоразумение, — на полном серьёзе заявил он. — Мы как раз разыскиваем Асахи-аники, найдём его, тогда во всём разберёмся. Уверен, кто-то ещё нападает на ваших, но точно не семья Хонда.

— Ты как-то слишком хорошо относишься к людям, тэнгу, — произнесла принцесса Хачими и пересеклась с ним взглядом. — Как тебя зовут?

Та наверняка слышала громкий крик Акико, когда жрица просила Хару выпустить перья, однако из вежливости кои хотела услышать от него самого.

Хару не сразу заметил, но оказалось, что у принцессы имела розовато-персиковые глаза, довольно крупные по сравнению с человеческими.

— Моё имя Хару, я из дворца Кинъу, а это мои друзья Сота, Хибики, Акико и старшая сестра Хотару.

— Эй! — возмутилась последняя и топнула на берегу. — Ты почему меня последней представил?

— Ты стоишь дальше всех, онэчан, я просто по порядку назвал, — улыбнулся он.

Тем временем вонючая склизкая верёвка полностью оплела тело Соты и настойчиво потянула его в сеть к остальным. Поскольку, в отличие от них, он лишь одной ногой ступил в ловушку, процесс захвата длился в разы дольше. Наступи он в центр, давно бы оказался с Хару и кои.

Хибики долго стоял в тишине, осматривая всё вокруг, пытаясь придумать, чем разорвать ловушку. Пока остальные знакомились, он подкинул идею:

— Акико, а ты можешь перегрызть сеть?

Жрица искривила лицо от омерзения:

— Даже пытаться не буду!

Нанюхавшись издали отвратительного запаха гнили, она представила, как бы дотронулась до этой мерзкой мутной верёвки губами и сдержала порыв рвоты. На языке остался неприятный привкус, вызванный одним видом сети.

— Даже если на кону стоит жизнь молодого господина? — обернулся Сота, продолжая бороться с мерзкими верёвками, но те тянули его всё дальше.

— Не надо идти на жертвы из-за меня, — запротестовал Хару и чуть не захлебнулся, потеряв равновесие. Сота случайно дёрнул верёвку, которая удерживала лапы белого тэнгу, вот его и потянуло ко дну, о чём догадалась Акико:

— Сам его не убей, Сота.

Тот бросил на неё сердитый взгляд и обернулся к Хару:

— Прошу прощения, молодой господин.

— Пустяки, — белый тэнгу обернулся к принцессе Хачими и Ёске, ни в чём не виня Соту, его волновало нечто более важное. — Что вы знаете о кустах бессмертия? Кто-то уже

стал бессмертным?

Рыжий юноша посмотрел на свою госпожу, та кивнула, поэтому он начал рассказ:

— Поначалу в княжестве Отаки, а затем и по всей провинции Кадзуса начали пропадать ёкаи, в том числе наши кои. Ходили слухи, что это охотников развелось, но когда наши воины отправились под прикрытием разузнать о происходящем, то слышали, что пропадали не только ёкаи, но и люди.

Его слова прервал всплеск воды — сеть всё-таки одержала победу над Сотой и затащила к кои и Хару, теперь они теснились вчетвером. Благодаря сильным острым перьям сплетения сети в некоторых местах удавалось удерживать в воздухе, поэтому тэнгу не тонули, а дышали. Хоть и воню, но зато не задыхались под водой. В отличие от кои, там они бы не выжили.

Ёске всё это время молчал и продолжил рассказ лишь после того, как получил разрешение от принцессы Хачими:

— Через некоторое время люди заговорили о кустах бессмертия, которые росли где-то в резиденции даймё Хонды.

Девушка с розовыми глазами подняла руку над водой, заставив его замолчать, и заговорила сама:

— Только эти наивные люди полагали, что это божества разгневались, так как вкусившим плоды не была предначертана вечная жизнь, но поскольку до бессмертных они добраться не могли, то стали убивать простых смертных.

— Глупости это всё, — влез Хару, когда принцесса Хачими ненадолго затихла. — Асахи-аники рассказывал, что люди уже давно пытались достичь бессмертия с помощью эликсиров и пилюль. И никакие божества не злились.

Та надула губки и воскликнула:

— В том-то и дело! Наши воины выясняли, что слуги даймё Хонды отлавливали ёкаев и людей, чтобы удобрять кусты бессмертия, иначе на них не появлялись плоды.

Дрожь сотрясла тело Хару, белый тэнгу в ужасе уставился на принцессу, не понимая, как та могла настолько уверенно говорить такую ерунду.

— Быть не может, — заявил он, ни на мгновение не засомневавшись в своём друге. — Асахи бы ни за что так не поступил.

— Меня удивляет твоя преданность человеку, Хару, — задумчиво произнесла принцесса Хачими, с интересом приблизилась и внимательно оглядела его лицо, остальное тело скрывала мутная вода. — Ты же ёкай. Нет, — она перебила его, заметив, что он собирался возразить, — я в курсе, что тэнгу заключили мир с людьми, но это вовсе не означает, что вы теперь полностью доверяете друг другу.

Она так сильно приблизилась к Хару, что Сота нахмурился и тоже подплыл чуть ближе, намереваясь в случае чего протиснуться мимо них, а Хотару, наблюдавшая за всём с берега, закричала:

— Эй, принцесса, не лезь к моему брату!

Акико тоже хмурилась, но молчала.

— Он сам оказался с нами в ловушке, — улыбнулась принцесса Хачими и вскинула брови, в то время как Ёске стиснул губы, не зная, как реагировать.

А Хотару была не прочь препираться с кем угодно, будь то Акико или принцесса кои, поэтому тут же закричала:

— Если бы вы, безмозглые кои, не попались в сети, расставленные людьми для поимки

таких бездарей, как вы, то и мой добрый брат бы там не оказался.

Акико взглянула на неё с другими глазами и даже кивнула с одобрением:

— Признаю, хорошо сказано.

Зато что бедняга Хибики, готовый провалиться в песок, что несчастный Ёске, опустивший половину головы в воду, совсем растерялись. Светлый тэнгу первым взял себя в руки:

— Молодая госпожа, нам не нужны ссоры между ёкаями.

— Лично мне не нужны жертвы от наших тэнгу ради спасения каких-то карпов, — уверенно заспорила Хотару, — а там уже двое наших, и один из них — сын главы белых тэнгу.

Акико уверенно подошла к сестре Хару, сложила руки перед собой и заявила:

— Как бы мне ни хотелось этого признавать, Хибики, но Хотару права.

Та надменно посмотрела на неё, важно задрала голову и тем же тоном ответила:

— А как бы мне ни хотелось признавать, Акико, но спасибо за поддержку.

Девушки, которые до этого проспорили полдня, мило улыбнулись друг другу. И Хибики, и даже Сота, схваченный сетью вместе с Хару, тяжело вздохнули, а последний ещё и закашлялся: вонь-то никуда не делась. Когда он наконец-то пришёл в себя, то обернулся к принцессе Хачими и спросил:

— Допустим, люди, и правда, отлавливают кои...

— Но не Асахи, — уверенно перебили его Хару, а тот невозмутимо продолжил:

— Но чем-то же они должны рубить эти сети? Когда они вообще придут, чтобы забрать жертв?

Акико вдруг насторожилась, почувствовав чужое присутствие. Огляделась по сторонам, бросила взгляд к лесу, прищурилась и заняла боевую позицию, держа руки перед собой. Хотару, стоявшая лицом к морю, не заметила никаких изменений, а вот Хибики тоже наострил уши и прислушался.

Принцесса Хачими и Ёске переглянулись и вздрогнули, последний с грустью опустил голову, а первая взглянула сначала на Хару с Сотой, затем на тех, что остались на берегу, и ответила:

— Боюсь, они ждут, когда мы умрём, чтобы потом забрать наши трупы.

— Или на последнем издыхании, — тихим голосом добавил Ёске. — Чтобы и из наших душ сделать удобрение.

С берега раздался весёлый низкий голос, принадлежащий высокому богатому юноше, который без раздумий вошёл в воду:

— С чего вы взяли, что люди охотятся на кои?

Рас слышал он лишь слова принцессы, так как Ёске говорил слишком тихо. В его руке блеснуло лезвие кинжала, который он занёс над сетями.

— Асахи!

— Аники!

Глава 13. Лишь в жидкости порвётся сеть

Хотару и Хару одновременно окликнули их друга-челоуека, тот кивнул головой, затем свободной рукой схватился за сети и перерубил их кинжалом. Лучи солнца ярко отражались в лезвии — Хару пришлось зажмуриться.

— Аники, скажи принцессе Хачими, что вы не убивали кои! — потребовал белый тэнгу, его лицо озарило лучезарная улыбка. Наконец-то он встретил друга, ради которого проделал столь длинный путь!

Юноша, продолжая перерубать верёвки, которые с хлопаньем лопались и падали в воду, нашёл взглядом светловолосую девушку в сетях, кивнул ей в знак почтения и произнёс:

— Мы не убивали кои.

— Видишь! — подхватил его Хару. — Я же говорил, Асахи очень добрый и хороший человек.

— Что принцесса кои вообще забыла в этих краях? — поинтересовался человек, противная чёрная масса расплзлась по его рукам, но не оплетала их, как это произошло с ногами Соты.

— Не твоё человечесьё дело, Хонда Асахи, — та надула губки и отвернулась. — Чем ты рубишь сеть? Тэнгу не смогли своими перьями.

Многие ёкаи были наслышаны об опасном оружии тэнгу, имевшемся у них с рождения — разящих перьях. Даже до подводных кои дошли слухи о них, хоть и не во всех подробностях, но себя не оправдали. Какой-то кинжал справлялся с верёвками, которые не прорубили острейшие перья белого тэнгу.

— Секрет, — усмехнулся тот, чем вызвал подозрение у принцессы Хачими и Ёске, в то время как остальных его слова не волновали. Все четверо тэнгу знали Асахи много лет и находились с ним в дружеских отношениях, Акико же пока не спешила делать выводы, но из-за восторженных рассказов Хару тоже не испытывала вражды.

Вскоре верёвки растеклись по морю отдельными мутными кусками, Хару призвал свои перья обратно. Те были заляпаны тёмным вонючим веществом, поэтому запах передался и ему. И Хару с Сотой, и принцесса Хачими с Ёске отплыли от сетей, некоторое время пробыли в воде, смывая с себя остатки сети, и вышли на берег. Асахи уже стоял и беседовал с Хотару, но как только подошёл Хару, обернулся и улыбнулся ему.

— Давно не виделись, Хару, Хотару уже рассказала, что тебя выгнали из дворца Кинъу.

Он весело и невинно произнёс это, вдобавок, Хотару залилась смехом, а Хару вдруг смутился, к лицу прилил жар. Не так он планировал встретиться с давним другом.

— Онэчан! — возмутился он, чувствуя, как щёки покраснели, теперь уже и Акико засмеялась.

Пока некоторые веселились, принцесса Хачими и Ёске тоже вышли из воды и остановились в нескольких кэнах от остальных. Они не спешили приближаться, но и возвращаться в своё подземное королевство не планировали. Когда друзья наконец-то перекинулись парой слов, Ёске подошёл к Асахи, почтительно склонил голову и произнёс:

— Принцесса Хачими желает побеседовать с вами.

Окружённый соскучившимися тэнгу и стоявшей невдалеке Акико, Асахи прищурился и перевёл взгляд на девушку в промокшем розовом кимоно, украшенном множеством жемчужин и других безделушек.

— О чём же?

Тогда, важно приподняв подбородок, к ним неторопливо приблизилась принцесса Хачими и заговорила:

— Я желаю встретиться с вашим отцом, даймё Хондой.

— К сожалению, в данный момент батюшка странствует, — разрушил её планы Асахи, но затем облегчил ей жизнь: — Но могу пригласить в наш замок, возможно, он вернётся на днях.

Несмотря на промокшую одежду, принцесса Хачими старалась важно держаться и гордо ответила:

— Я принимаю ваше предложение.

А Асахи уже перевёл взгляд на Хару и Хотару:

— Вас, моих дорогих друзей, я, конечно, тоже приглашаю. Хару, — он обратился к белому тэнгу, который смотрел на него своими радостными киноварно-красными глазами, — позволь мне попробовать разрубить твою ленту моим кинжалом.

— Конечно, аники, — радостно воскликнул Хару, в то время как Сота и Хибики отошли на несколько шагов, а Хотару подошла поближе. Кои решили не мешаться и приблизились к морю, прощаясь с ним.

Асахи аккуратно поддел пальцем красную ленту на лбу Хару, посильнее натянул, просунул под неё кинжал и попытался перерезать, однако ни одна ниточка не порвалась, лента продолжала сдерживать силы Хару. Асахи с досадой покачал головой из стороны в сторону.

— Извини, я пытался.

— Я уже понадеялся, что раз у аники получилось разрезать те жуткие сети, то и лента не доставит проблем, — усмехнулся Хару и прикрыл глаза, ничуть не беспокоясь. Он просто был рад видеть друга — раз они встретились, то и дальше можно не переживать, вместе они что-нибудь придумают.

— Оставайся пока в нашем семейном замке в княжестве Отаки, там что-нибудь придумаем. Хотару, ты так и не рассказала, тебя тоже изгнали?

— Нет! — выпалила она и фыркнула. — Я забеспокоилась, что с Хару могло что-то случиться...

— Она тут до вечера, — перебил её Сота, — пока господин Джунъичи и госпожа Асами весь дворец не перевернули.

Он засмеялся, Хару подхватил, а Хотару на этот раз покраснела.

— Получается, сбежала? — Асахи тоже не смог сдержать улыбки, но вскоре перевёл взгляд на небо. — Скоро стемнеет, предлагаю не терять времени, а добраться до ближайшей деревни в пяти ри отсюда (Ри = 3,927 км), переночевать там, а утром на лошадях отправиться в нашу резиденцию, за несколько дней доберёмся.

— В пяти ри... — в ужасе пробубнил Хару, широко распахнув свои киноварно-красные глаза. — Но это же так далеко! А долететь нельзя?

— Прости, Хару, мы не тэнгу, — засмеялся Асахи, спрятал кинжал, потянулся и развернулся в сторону леса. — Принцесса, вы с нами или своим ходом доберётесь?

— Давайте без кои обойдёмся, — вмешался Сота, которому начала поддакивать Хотару. — У нас тут и так... — он бросил взгляд на Акико, но не стал называть её змеёй, как изначально собирался. — Мико, куда ещё кои?

Асахи удивился и с интересом уставился на стоявшую в стороне девушку с глазами

цвета ямабуки, с которыми сочетались золотистые украшения в её волосах.

— Мико? — озадаченно переспросил он.

— Моё имя Акико, — та подошла и представилась, слегка кивнув головой.

— Приятно познакомиться, Акико, — улыбнулся человеческий юноша. — А я Асахи, как ты уже могла догадаться.

— Хару все уши о тебе прожужжал.

— О.

Несчастный белый тэнгу вновь смутился и покраснел.

— Я просто был уверен, что аники придумает, как избавиться от красной ленты, и поможет вернуться мне домой! — выпалил он на одном дыхании. — Давайте поскорее пройдем эти пять ри!

На весёлой ноте ёкаи во главе с человеческим юношей двинулись в лес, откуда, по мнению Асахи, им было проще попасть в деревню. Хару успел вкратце рассказать, за что его выгнали, как он успел познакомиться с Акико, как они вместе отправились разыскивать резиденцию, в которой жил Асахи, а также поведал о нападении охотников. Про госпожу Фуку он решил потом изложить в красках, а вот о нападении Акико на монаха Цуёши Хару предпочёл умолчать.

— Неужели охотники не знали о союзе людей и тэнгу? — удивился Асахи, обеспокоенно оглядывая всех присутствующих.

— Знали... — с сожалением ответил Хару и вздохнул. Если бы не дружба с Асахи, он бы разочаровался в людях.

— Возмутительно, — воскликнул Асахи. — Я прикажу послам повторно объехать все провинции и напомнить им о мире.

— Аники и это может, — с восхищением произнёс Хару, но их слова услышала принцесса Хачими, надула губки и высказалась:

— Языком чесать он может, а на деле не займётся этим.

Разозлившаяся Хотару остановилась, резко развернулась и подошла к идущим позади кои.

— Принцесса недооценивает нашего Асахи, — возмутилась она и упёрла руки в боки. — Немедленно извинись.

В то время как Ёске выступил вперёд, готовый своим телом защищать принцессу, виновник сей сцены приблизился к девушкам, между которыми повисло сильное напряжение, а глаза их едва не излучали пламя.

— Хотару, ничего страшного, я не держу зла на принцессу Хачими.

Но она так просто сдаваться не собиралась:

— А я держу!

— А ты не держи.

Асахи прищурился, поднёс палец к её носу, как будто сейчас щёлкнет, но только улыбнулся и убрал руку.

— Пойдём, не будем ссориться.

Хотару насупилась, но фыркнула, отвернулась и зашагала к Хару и остальным, Асахи, бросив взгляд на кои, быстро догнал друзей и повёл их дальше по лесу. Шёл он уверенно, на перепутьях без сомнений выбирал нужную сторону, словно не раз бывал в этих краях. Принцесса Хачими всё чаще хмурилась, но разговаривала теперь исключительно с Ёске — с другими либо не решалась, либо не хотела.

Хару чувствовал, что противный запах гнили от сетей никуда не исчез — придётся и самому отмыться, и каждое перо вычистить. Никто из друзей не морщился и не подавал виду, тем не менее, все держались на небольшом расстоянии.

Ему лес казался совсем одинаковым — повсюду одни и те же деревья, кусты, несколько раз он влетал в паутину. Хару не представлял, как Асахи мог ориентироваться. В какой-то момент его мысли прервала Акико, которая держалась к нему ближе всех:

— Грустишь?

Асахи шёл впереди вместе с Хотару, Сота и Хибики следовали за Хару, а принцесса Хачими и Ёске и вовсе едва не отставали, но догонять их не спешили, им достаточно было держать остальных в поле зрения. Хару быстро заморгал и взглянул в золотистые глаза цвета ямабуки, которые обеспокоенно смотрели на него:

— Нет, задумался просто.

Прикрыл глаза и улыбнулся, успокаивая Акико, но как только вновь вернулся в реальный мир, начал замечать, что ноги его уставали, еле плелись. Не желая беспокоить Асахи, Хару для начала пригляделся к небу: солнце ещё не село за горизонт, однако его сокрыли облака, тогда Хару всё-таки решил поинтересоваться:

— Аники, а нам ещё далеко?

Тот тем временем общался с Хотару, которая прилипла к нему как пиявка — даже бесцеремонно за локоть ухватилась, не переживая о том, как они выглядели со стороны. Сын даймё и дочь главы клана белых тэнгу дворца Кинью. Асахи и Хотару обернулись, первый ответил:

— Около половины пути прошли, давай, Хару, ты справишься.

Его голос звучал ободряюще, пришлось смириться и плестись дальше, хотя ужасно хотелось попросить сделать привал. Хибики за его спиной что-то фыркнул, но Хару не смог разобрать, зато услышал Сота и засмеялся, а молодой господин только гадать мог, что же их так развеселило.

Время шло, солнце садилось за горизонт, а они всё шли и шли. Когда после леса путники оказались в поле, Хару уже успел обрадоваться, что они добрались до деревни, однако то было всего лишь природное равнинное место, никто из людей там не жил, а до деревни ещё топать и топать. У Хару заплетались ноги, всё тело ныло, он уже спотыкаться начал, но в присутствии Асахи отказывался просить передохнуть.

— Хару? — в какой-то момент позвала его Акико. Он приподнял голову и едва не врезался в дерево, но жрица вовремя окликнула его, а Хару вздрогнул, вовремя остановился и сделал шаг в сторону. — Снова в мыслях витаешь?

— Нет, просто устал, — пожаловался он и хотел вздохнуть, но рот вдруг сам открылся, на глазах появилась влага, а Хару зевнул.

— Деревня уже близко, — услышав их разговор, поспешил обрадовать его Асахи.

Однако чем ниже опускалось солнце, тем сильнее вырубало Хару. Когда совсем стемнело, белый тэнгу зачавкал губами, изо всех сил пытался держать свои киноварно-красные глаза приоткрытыми, но те отчаянно слипались, пока не закрылись совсем. В следующий миг голова Хару потяжелела, наклонилась и полетела вниз, утягивая остальное тело за собой. Акико, идущая совсем рядом, рванула к нему и успела подхватить, крепко держа в своих руках. Сама она двинулась настолько беззвучно, что никто бы не заметил, однако заколки в её волосах зазвенели и привлекли внимание остальных.

Асахи и Хотару оглянулись, удивившись столь громкому звуку, а Сота и Хибики уже

спешили на помощь, догадавшись, что Хару в темноте заснул на ногах. Тэнгу быстро подхватили своего молодого господина, Сота усадил его себе на спину. Теперь уже Акико обратилась к Асахи со словами:

— Где там деревня?

— Почти дошли, — улыбнулся тот и в темноте постарался рассмотреть Хару, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке, но увидел лишь слабый силуэт.

— И ты серьёзно тут ориентируешься? — Акико прищурилась с подозрением, догадываясь, что нормально Хару тот не разглядел. Прожившая всю жизнь взаперти, она не знала о манерах и не планировала общаться с окружающими вежливо, в особенности, если они казались ровесниками.

Асахи попытался приглядеться к ней, но не сумел определить, в каком настроении пребывала Акико, поэтому он просто улыбнулся и ответил:

— В темноте сложнее, но направление примерно помню.

От его слов Акико только нахмурилась:

— Примерно или помнишь?

Он рассмеялся:

— Не беспокойся, почти дошли, — а затем прищурился и попытался высмотреть кои. — Никто же не потерялся?

Забеспокоившийся о чести морских ёкаев и своей госпожи, Ёске смущённо заговорил:

— Принцесса Хачими не теряется.

— Только в сети попадается? — усмехнулась Акико, на её лице появилась жуткая широкая улыбка, которая пугала Хару, но благо, тот спал. Расслышав её слова, Хотару захохотала на весь лес, перебудив птиц и спящих зверьков.

— Верно-верно! — сквозь слёзы смеялась она.

Незаметная в ночи, смущённая и рассерженная принцесса Хачими надула губки, причмокнула ими, но отвечать не стала. Нормально её видел только Ёске, стоявший ближе всех, он тоже почувствовал себя оскорблённым. В отличие от тихого Хибики, который не любил много болтать, Ёске славился невероятно скромной натурой и зачастую боялся открывать рот, но не мог так оставить оскорбление одной из принцесс кои. Он выступил вперёд, приблизился к остальным и смущённо потребовал:

— И-извинитесь.

Акико и тэнгу, более-менее видевшие его лицо в темноте, не удержались и рассмеялись, кто тихо, кто громко.

— Только из-за тебя, Ёске, я приношу извинения принцессе Хачими, — хихикнула Акико, как вдруг Хару дёрнулся и что-то пробормотал. Смеясь, Сота неплохо встряхнул его, что выкинуло из сна, но тот приоткрыл глаза совсем ненадолго и вскоре вновь задремал.

Не желая и дальше позориться, к ним подошла принцесса Хачими и произнесла:

— Я принимаю твои извинения.

Её голос едва не дрогнул, но она заставила себя произнести это спокойно. Успокоившись, путники тронулись дальше, но на этот раз Хотару отлипла от Асахи и замедлилась, дожидаясь, когда Акико поравняется с ней. Однако и та, заметив это, не спешила, её уже даже Сота с Хару на спине и Хибики обогнали. Хотару вздохнула, шмыгнула между ними и подошла к Акико со словами:

— Ты что, избегаешь меня?

В голове она определённо не так планировала начинать диалог, но что-то пошло не так.

Акико пожалала плечами, а заколки слегка зазвенели в её волосах:

— Я думала, что не нравлюсь тебе. Когда домой планируешь?

Хотару важно фыркнула. В отличие от спокойного голоса Акико, её звонкий разносился по всей округе. В тиши ночи слышались лишь звуки от шагов, шелест сухих листьев под ногами, хруст отдельных веток и громкую Хотару.

— Я не говорила, что ты мне не нравишься! — воскликнула она. — Поначалу да... мне не понравилось, что ты крутилась вокруг моего брата, но ты весёлая. А домой я вернусь после того, как буду уверена, что Хару в целости добрался до деревни.

— Не переживай, Хотару, мы почти! — ободряюще крикнул ей идущий впереди Асахи.

— Ты это всю дорогу говоришь! — фыркнула в ответ Акико, а Хотару лёгонько толкнула её в плечо:

— Вот-вот, ты не боишься высказывать свои мысли. Я, конечно, тоже, но это вызывает восхищение.

Однако на этот раз Асахи оказался прав. Деревья начали редеть, вскоре за ними показались первые домики. Нигде не горели фонари, жители давно легли спать, однако Асахи уверенно шёл вперёд и оглядывался по сторонам. Он миновал все маленькие домики и приблизился к одному достаточно крупному, даже двухэтажному. Этот дом оказался единственным, где ещё горел один фонарь.

Асахи зашёл внутрь, где подошёл к сидящему человеку:

— Хозяин, нам нужны... — он оглянулся и пересчитал количество ёкаев, что зашли вслед за ним. — Думаю, четыре комнаты.

— Молодой господин, мне очень жаль, но свободны только три.

— Сойдёт, — Асахи со звоном положил монеты на стол, а хозяин протянул ключи, после чего поднялся с постояльцами на второй этаж, где указал им расположение комнат и вернулся на свой пост.

Асахи прошёлся взглядом по ёкаям и заявил:

— Предлагаю девушек в одну комнату, Хару со мной, а оставшиеся в третью. Хотару, ты домой? Доберёшься?

Но не успела Хотару ответить, как принцесса Хачими начала возмущаться:

— Я не буду ночевать с ней!

Рукой, спрятанной в рукаве, она указала в сторону Акико, а та только пожалала плечами и усмехнулась:

— Спи на улице тогда, может, найдёшь себе подходящую лужу.

Принцесса Хачими сердито причмокнула пухлыми губами.

Сота и Хибики спорить не собирались, как и выслушивать этот диалог дальше, поэтому вошли в одну из комнат. Хибики расстелил постель, Сота уложил Хару, чуть не скинув его, за что получил подзатыльник от светлого тэнгу, затем оба ушли в другую комнату и завалились спать. Асахи зашёл в комнату к Хару и прикрыл дверь, тоже устав от дороги.

— Эй, куда вы все? — возмущалась принцесса Хачими, не понимая, как окружающие могли игнорировать её. Ёске себе места не находил и не знал, куда ему деться: он понимал, что ночевать в одной комнате с принцессой неправильно, но и оставить её не мог посреди коридора.

Акико уверенно вошла в оставшуюся свободную комнату, а за ней поспешила Хотару, где уселась рядышком на постели, желая немного поболтать с новой подругой.

— Принцесса? — Ёске неуверенно позвал свою госпожу.

Та некоторое время молча стояла в коридоре, затем посмотрела своими розовыми глазами на Ёске и с печалью проговорила:

— Иди к тэнгу.

А сама вошла в комнату, которую уже заняли Акико и Хотару. Как только принцесса Хачими собралась прилечь, последняя окинула её взглядом, полным презрения, фыркнула, обратилась белым вороном и вылетела в окно, на миг обернувшись со словами:

— Акико, передай Хару, чтобы не потерял мешок.

— И ты сама не потеряйся, — чуть не крикнула, но вспомнив, что уже ночь, с усмешкой кинула ей вдогонку Акико, после чего прикрыла окно и улеглась. Снять обувь с верхней одеждой она успела заранее, а Хотару даже помогла ей вытащить заколки из волос, поэтому теперь Акико могла спокойно отдыхать.

А вот о принцессе Хачими никто не позаботился — она только обувь оставила на полу, а сама села на кровать в чём пришла. Украшений она носила в разы больше, чем у Акико, но совершенно не представляла, как их вынимать, привыкшая, что за неё это делали слуги. Да и под водой украшение не сильно мешались, а вот здесь оказалось, что они давили, как только она попыталась перевернуться на бок.

Однако принцесса Хачими решила не подавать вида, что испытывала дискомфорт, поильнее укрылась одеялом и попыталась заснуть. Акико вскоре задремала, а вот кои ещё долго ворочалась.

Наутро, проснувшись с первыми лучами солнца, Хару потёр свои заспанные глаза, зевнул и потянулся. После долгой дороги его ноги ужасно болели, вдобавок, спина ныла, он чувствовал каждую мышцу своего тела, которые плакали и просили ещё отдохнуть. Хару с тихим стоном сел в постели и осмотрелся по сторонам: он находился в небольшой, но светлой комнате, на соседней кровати мирно посапывал Асахи. Хару часто просыпался на рассвете, исключением был лишь день после ночи в храме, когда он надышался дымом. Для его друга ещё было рано, поэтому Хару попытался встать с кровати, но всё тело отдалось болью, он мигом передумал и улёгся обратно. Резко расхотелось пить, он обратно завернулся в одеяло и уставился в потолок.

Через несколько часов проснулся Асахи и сразу заметил, что тэнгу не спал.

— Доброе утро, Хару.

— Доброе утро, аники.

Асахи слез с постели, руками затянул волосы в хвост, быстро оделся и обернулся к другу:

— Завтракать пойдёшь?

— Нет, — решительно заявил Хару, продолжая глядеть в потолок. Тело слишком сильно болело, он предпочитал голодать, чем чувствовать эти страдания.

— Правда? — с удивлением уточнил Асахи. — Неужели после столь длинной дороги ты не хочешь есть?

— Умираю от голода и не только, всё тело болит, — пожаловался Хару, немножко пошевелил рукой и застонал — лучше бы он этого не делал. Его жалкий вид только рассмешил Асахи:

— Чаще тренироваться надо, Хару.

— Я таким не занимаюсь, это к Масао-аники, — пробубнил он, прячась под одеялом, однако Асахи не позволил ему и дальше отдыхать, а настойчиво подошёл и сдёрнул одеяло.

— Эй! — пискнул Хару и захотел забрать обратно, но только вытянул руку, как застонал

и улёгся обратно. Без одеяла поваляется.

В комнату постучался забеспокоившийся Хибики, который прекрасно слышал Хару сквозь стены:

— Молодой господин, всё в порядке?

— Я умираю, — пожаловался несчастный Хару. — Всё тело болит.

Вслед за Хибики у дверей объявилась Акико:

— Вставай, Хару, не ты один устал. Или тебе принести завтрак в постель?

— Да, пожалуйста, — уж было обрадовался он, однако Асахи схватил его за лодыжки и стянул с кровати. Хару со стоном грохнулся на пол и непонимающе посмотрел на друга.

— У меня тоже болело всё тело, когда я начинал тренироваться, а ты просто много прошёл. Ничего, пройдёт, ты не умираешь, — с добродушной улыбкой пояснил он и протянул руку, чтобы помочь подняться. — Пойдём поедим, а потом свожу тебя на горячие источники.

Хару смутился от их упоминания. Он прекрасно чувствовал, что запах от сетей никуда не делся: от него по-прежнему несло гнилью, не помешало бы окунуться в воду и вымыть себя и пострадавшие перья. До сего момента Асахи ни слова не говорил о неприятном запахе, а сейчас лишь тонко намекнул. Хару вздохнул, вытянул свою руку и попытался достать до Асахи. Друг с улыбкой дожидался, когда у него это получится, как вдруг Хару вспомнил про сеть, перья и кинжал.

Он шмыгнул носом и с интересом взглянул в карие глаза Асахи:

— Аники, а почему твой кинжал сумел прорезать сеть, а мои перья — нет? Из чего он сделан?

Уголки губ на лице друга растянулись в улыбку, а глаза хитро прищурились.

— Самый обычный кинжал, пропитанный слюной крыс.

— А если мои перья пропитать, то они станут резать сильнее? Может, смогут разрубить ленту отца? — киноварно-красные глаза Хару загорелись в предвкушении.

— Не надо портить твои перья, — усмехнулся Асахи. Хару наконец-то ухватился за его руку, поэтому тот потянул его на себя. Боль отдалась во всех мышцах несчастного белого тэнгу, ноги подкосились, он уже хотел грохнуться обратно на пол, но Асахи удержал его.

— Идём завтракать.

И потащил в коридор.

Глава 14. Ёкаи на горячих источниках

До первого этажа бедняга Хару еле добрался, все по очереди поддерживали его, но быстро отпускали, чтобы тот привыкал к боли и пытался идти сам. Зато за завтраком он наелся от души. На постоялом дворе прекрасно готовили, Хару мгновенно проглотил пиалу риса, подьел рыбы, немного закусок, а на десерт получил одно из любимейших блюд. Он старался медленнее есть дзендзай с моти — бобовый суп, — наслаждаться каждой ложкой, но тоже очень быстро опустошил всю пиалу.

Он с тоской посматривал на чужие, ещё недоеденные, а Асахи поймал его взгляд и рассмеялся:

— Хару, не переживай, когда доберёмся до нашего замка, там я прикажу наготовить много дзендзая специально для тебя.

В киноварно-красных глазах блеснули счастливые огоньки, Хару радостно закивал:

— Жду не дождусь!

Всё время завтрака Ёске вяло клевал рис и обеспокоенно поглядывал в сторону лестницы. Он спокойно переночевал в комнате вместе с Сотой и Хибики, тэнгу не обижали его, а он с ними и не пытался заговорить, сумел выспаться. За столом сидели и они, и Хару с Асахи, и Акико, только принцесса Хачими не спустилась. Также отсутствовала улетевшая Хотару, но Хару ещё не успел заметить исчезновение сестры.

Ёске, который личным слугой никогда не являлся, а всего лишь последовал за принцессой Хачими, не решился перед завтраком даже постучаться в её комнату, а у самого от беспокойства теперь пропал аппетит. Он встревоженно поглядывал на Акико, пока не попытался спросить:

— Мико?

Он проговорил это так испуганно, что привлёк внимание всех сидящих за столом, из-за чего ужасно смутился и опустил голову, едва не окунув её в рис. Акико, как и Хару, уже покончившая с основной едой и наслаждавшаяся десертом, обернулась в его сторону и поинтересовалась:

— Что такое?

— С принцессой Хачими всё в порядке? — дрожащим голосом произнёс он, не решаясь поднять взгляда. — Почему принцесса не спустилась на завтрак? В-вы... вы не убили её?

Бедный Ёске выглядел настолько несчастным и перепуганным, что Акико даже не захотелось издеваться над ним — ещё успеет оторваться на принцессе Хачими. Поэтому она постаралась сделать доброжелательное лицо и улыбнулась, но недооценила силу своей улыбки. Ранее широкая успела напугать Хару, а теперь страх передался и Ёске.

— Я что, похожа на монстра? — стараясь казаться добрее и улыбаясь, спросила Акико, а Ёске хотел завопить: «Да!» и спрятаться под столом. — Не трогала я принцессу, она ещё дрыхнет.

— А в-вы... вы не могли бы разбудить её? — испуганно поинтересовался пугливый кой, на миг исподлобья взглянул на жрицу, но ужасно перепугался, пискнул и ещё сильнее опустил голову, на этот раз попав в рис. Он смущённо замахал руками и отряхнулся, однако несколько липких рисинок застряли в его рыжих волосах.

— Почему нет? — пожав плечами, ответила Акико и отхлебнула ещё супа. — Но для начала доем.

В отличие от Хару, она ела дзендзай впервые и уже была готова записать его в список любимых блюд. После сырых яиц, конечно, но по каким-то причинам повар отказывался подавать здесь такие.

— А где Хотару-нэчан? — вдруг опомнился Хару и встревоженно замотал головой, при этом стараясь не шевелить телом, чтобы лишний раз не испытывать боль.

— Улетела домой, наверное, — предположил Сота, смачно жуя большой кусок рыбы, от которого Ёске становилось дурно.

— Улетела, — подтвердила Акико, поспешив успокоить Хару. — Я своими глазами видела.

Белый тэнгу выдохнул с облегчением, а затем с жадностью впился глазами в дзендзай Акико, который она с наслаждением поедала, негромко почавкивая, пока разжёвывала моти. Доев, она первой поднялась из-за стола и шустро поднялась по лестнице на второй этаж, где с шумом распахнула дверь в комнату и закричала на весь постоялый двор:

— Просыпайся, принцесса, солнце уже давно встало!

Внутри она не заходила, а вскоре вернулась к остальным. Через некоторое время, когда все уже почти доели, сонная, недовольная, лохматая принцесса Хачими медленно спустилась по ступенькам, нашла взглядом Ёске и плюхнулась рядом на пол. Не говоря ни слова, она пододвинула к себе пиалу риса и принялась за еду.

— Принцесса? — обеспокоенно позвал её бедняга Ёске. — Давайте я помогу вам привести себя в порядок.

Но Асахи поспешил успокоить его:

— Ничего, сейчас на горячие источники пойдём, там и приведёшь.

— И будет у нас варёная рыба? — в голос захохотал Сота, поймав на себе сердитый взгляд Хибики и едва не получив подзатыльник. Светлому тэнгу шутка тоже показалась смешной, однако о манерах он помнил и не желал в плохом свете показывать себя перед другими, будь то люди или ёкаи. Зато Акико и Асахи посмеялись от души, Хару тоже не удержался и улыбнулся.

Дождавшись, когда принцесса Хачими хоть чем-то перекусит, Асахи поднялся из-за стола, за ним встали остальные, тогда он расплатился за завтрак, а затем уверенно повёл ёкаев на горячие источники, где не раз бывал сам после длительных тренировок с братьями и учителями.

Горячие источники оказались совместными для мужчин и женщин (если не платить за отдельные, но Асахи не стал рассказывать о таких нюансах), так что вскоре путники скинули с себя одежды и оказались в горячей воде. Хару, который с величайшим трудом добрёл до этого места, усевшись, почувствовал такое облегчение, будто боли в теле никогда и не было — та вмиг испарилась. Либо это горячие источники обладали исцеляющим свойством, либо горячая вода так действовала на тэнгу. Хару никогда раньше не изнурял себя до такой степени, поэтому не проверял. Прозванный друзьями владыкой Весенних Вод, он всю жизнь любил плескаться в воде, но не пытался отдыхать в ней и тем более восстанавливаться после тяжёлой нагрузки, которой у него и не было никогда.

Акико расположилась на противоположном от юношей конце горячих источников. Здесь было так жарко и стоял сильный пар, что никто с другого края не мог толком разглядеть её. Ёске задержался и вскоре составил тэнгу компанию, через некоторое время после него явилась принцесса Хачими и спустилась в воду со стороны Акико, но держась на расстоянии. Её волосы были убраны наверх, зато она сама или кто-то для неё снял

абсолютно все заколки и украшения.

Последним пришёл Асахи с двумя подносами-столиками в руках с множеством небольших чашек и двумя высокими кувшинами. Он спустился в воду и поставил подносы на поверхность — те спокойно плавали и не тонули. Один Асахи толкнул в сторону девушек, а второй оставил среди юношей.

— С каких пор сын даймё сам выполняет работу слуги? — позабыв о вежливости, с надутыми губами произнесла принцесса Хачими. Уставшая и не выспавшаяся — множество украшений, которые она не додумалась снять перед сном, мешали спать всю ночь.

Тот усмехнулся:

— У меня есть руки, я пока ещё способен сам донести подносы.

Принцесса Хачими разочарованно отвернулась в сторону, а Акико слегка придвинулась к ней:

— Язык проглотила, рыба варёная?

Розовые глаза расширились из-за оскорбления, но та обиженно отвернулась в сторону и не стала говорить ни слова. Ёске возмущённо приподнялся, его губы задрожали, но он не сумел ничего сказать в защиту своей госпожи. По виду той и не скажешь, что она хотела дальше продолжать эту тему.

Тишина воцарилась совсем ненадолго, вскоре Сота разговорился и принялся что-то активно обсуждать с Хару и Хибики. Асахи отдыхал возле них и попивал прохладительные напитки, которые предложил и тэнгу. Те согласились и тоже отпили — приятно находиться в горячем и пить прохладное. Акико с интересом посмотрела на поднос на стороне девушек, тоже взяла в руки кувшин, наполнила одну из чаш и отпила. Мурашки пробежались по коже, она с наслаждением опустошила сосуд залпом и мигом наполнила вновь. Только принцесса Хачими и Ёске оставались в стороне, отказываясь притрагиваться к напитку.

Хару много пить не стал, а просто лёгонько хлопал ладонями по воде, создавая небольшие всплески. С самодовольной ухмылкой Сота зачерпнул в руки побольше воды и волной пустил её в сторону молодого господина, но тот со смехом проделал то же самое.

— Вы поднос сейчас перевернёте, — возмутился Хибики, вовремя схватив его руками.

— Пускай, — засмеялся Асахи и присоединился к играм тэнгу.

Хибики нахмурился и переставил поднос на камни — специально подальше, чтобы случайная волна не достала. Капли попали в Ёске, Асахи и тэнгу застыли, не зная, как реагировать. Рыжий кои покраснел то ли от жара источников, то ли из-за того, что на него обратилось столько взглядов, смущённо вытянул руку и легонько брызнул в сторону Хару. Из нескольких капелек долетела всего парочка крошечных, но присутствующие дружно обрадовались. Сота подплыл к Ёске, обхватил его рукой и потащил к остальным.

— Пустите! — смущённо пискнул тот, но вскоре втянулся во всеобщее веселье. Розовые глаза принцессы Хачими недовольно поглядывали на него, старались обратить на себя внимание, но мило смеющийся Ёске не замечал свою госпожу.

Та сильнее надула губки и сердито отвернулась лицом в угол.

Вдоволь наигравшись, Хару наконец-то осторожно выпустил свои запачкавшиеся перья, стараясь никого не задеть. Те углубились в воду и врезались в дно, а Хару смущённо подтянул их обратно, едва не заставив исчезнуть. Когда все перья оказались в его руках, он аккуратно положил их на воду, после чего принялся тщательно промывать каждое. Заметив его старания, Сота перестал брызгаться в его сторону, а развлекался с другими.

Через некоторое время Хару наконец-то отмыл все перья, после чего отделился от

остальных и переместился на середину источника, где помахал Акико, та немного подплыла к нему и с улыбкой спросила:

— Ты что-то хотел?

Она уже оставила чашу на подносе и хлебала из кувшина.

— Я вот долго думал, — задумчиво произнёс Хару. — Бесхрамная мико немного грустное прозвище, не находишь?

Акико пожала плечами, радостно глотая прохладительный напиток и улыбаясь, в горло вдруг свалился кусочек льда, но она и его заглотила — крошечный и почти растаявший. Тогда Хару продолжил:

— Моё имя означает «весна», а твоё, как предположил Асахи-аники, «осеннее дитя» (Акико (яп. 秋子) — осеннее дитя), верно?

— Думаю, что так, — равнодушно ответила Акико, дожидаясь, когда последние капельки с носика кувшина упадут ей на язык. Во всяком случае, родилась Акико осенью, поэтому не удивилась бы, если бы матушка назвала её именно так.

— Мои друзья в шутку называли меня владыкой Весенних Вод, — сделав серьёзное выражение лица, с гордостью заявил Хару.

Акико на миг отвлеклась от кувшина, взгляды золотистых глаз цвета ямабуки и киноварно-красных пересеклись — она убедилась, насколько уверенно говорил Хару, и засмеялась:

— Не шутишь? А ничего лучше они придумать не смогли? Ха-ха-ха!

— Это хорошее прозвище! — возмутился Хару и прищурился. — И я придумал тебе похожее, — продолжил он, не давая ей ни слова вставить. — Ты будешь владыкой Осенних Вод.

Чем увереннее и серьёзнее говорил тэнгу, тем смешнее становилось Акико — та уже была готова стучать руками по воде, если не нырнуть с головой, но даже это не спасло бы её.

— А владыка Зимних и Летних Вод есть? Сота и Хибики, наверное? — вовсю хохотала Акико, в то время как Хару принял задумчивое выражение лица и выдал:

— Я их так не называл, но, наверное, можно. Или дождаться, когда встретим кого-нибудь с иероглифами «зима» и «лето».

Белый тэнгу искренне не понимал, что вызывало смех у жрицы, а то в свою очередь не могла осознать, как можно говорить нечто столь нелепое с такой серьёзной моськой. Вскоре Сота не выдержал и подплыл к Хару с вопросом:

— Над чем вы тут смеётесь? Я тоже хочу.

Сквозь слёзы на глазах Акико взглянула на него, по-прежнему продолжая хохотать, изогнула брови и спросила:

— Это вы придумали дать Хару прозвище владыка Весенних Вод?

Сота смутился, но не подал виду, только глаза слегка опустил:

— Да, мы, что-то не так?

Хибики тоже к ним подтянулся, насторожившись.

— А я теперь владыка Осенних Вод! — воскликнула Акико и неприлично громко заржала, на этот раз хлопнув по воде несколько раз.

— Да что не так? — непонимающе спрашивал Хару, в то время как Сота с Хибики переглянулись и тоже засмеялись.

— Хару, у тебя для всех есть прозвища? — крикнул Асахи, расслышавший конец диалога.

— Конечно, — на полном серьёзе ответил белый тэнгу. — Но если вы так смеётесь, то я не буду озвучивать прилюдно.

Он не разозлился, вовсе нет, Хару просто не мог злиться на друзей, но расстроился, что над его словами так смеялись. А он даже не понимал, в чём заключалась причина.

Поэтому с опущенной головой он вернулся к Ёске и нашёл глазами поднос на камнях, взял чашу и сделал плоток, но та оказалась пуста. Заметивший это Сота, который поспешил вернуться за молодым господином, прикрыл рот рукой и попытался подавить смешок, но всё равно хрюкнул в кулак. Хибики хлопнул его по лбу, отодвинул в сторону, протянул руку к кувшину и наполнил Хару чашу. Тот смущённо отпил и отвернулся.

Акико успела вернуться к принцессе Хачими, которая всё это время сидела и дулась в уголке, так и не отведав божественного прохладительного напитка, как вдруг жрица заметила, что недопитый кувшин ещё остался у Хибики в руках. Она уверенно нырнула и поплыла вперёд, мгновенно оказавшись на другом краю, спрашивая:

— У вас ещё выпить есть?

Юноши не заметили, как она плыла, поэтому совершенно не ожидали тут увидеть и вздрогнули. Рука Хибики дрогнула, а кувшин случайно выскользнул из пальцев и едва не плюхнулся в воду. Но шустрая Акико хищно облизнулась, ринулась к нему и вскоре уже плыла к принцессе Хачими, показывая остальным язык. В руке она держала уже согретый от пара кувшин, однако расстраиваться не спешила, а залпом осушила остатки.

Нагретое, безо льда уже казалось не таким вкусным, Акико разочарованно зачавкала и поставила кувшин на поднос, где стоял такой же пустой. А сама пододвинулась к принцессе Хачими и решила поинтересоваться:

— Ну как, рыбка, жива ещё?

— Если ты грубить пришла, то иди дальше веселись с остальными.

— А если поговорить?

Принцесса слегка повернула свою голову.

— О чём же?

— Что ты думаешь об Асахи? — вдруг спросила Акико, понизив голос. — Ты всё ещё считаешь, что их семья выращивает плоды бессмертия?

— Да, — без колебаний ответила кои и повернулась уже всем телом. — Его семья жестоко убивает наш род, чтобы использовать как удобрение.

— Тогда зачем ты увязалась за нами? — с подозрением спросила Акико.

— Чтобы встретиться с даймё Хондой, — не желая вдаваться в подробности и выдавать своих планов, отчётливо проговорила принцесса Хачими. — Как посол от кои.

Акико вздохнула. Надеялась выведать какую-нибудь информацию, а принцесса Хачими оказалась умнее, чем на первый взгляд.

— Что же вы не соберёте всех возмущённых ёкаев и не заявитесь к даймё целым советом пострадавших?

— Как будто бы их так легко собрать, — вздохнула принцесса Хачими, словно серьёзно размышляла об этом варианте. Розовые глаза рассматривали пар, витающий над поверхностью воды, она подтянула к себе ноги и обхватила колени, слегка опустилась так, чтобы рот находился под водой, и выпустила несколько пузырьков.

От её вида Акико улыбнулась, но смеяться в голос не стала — по уровню не дотягивало до владык Весенних, Осенних и прочих вод, но всё равно выглядело забавно.

— А ты пыталась?

Розовые глаза с тоской взглянули на жрицу.

— Кои просто хотят смириться и принять свою судьбу, а я впервые вышла на берег, — тяжело вздохнула она. — Я не представляю, где искать остальных. Я только по слухам от своих собратьев знаю, что убивали не только кои, но и других ёкаев, а также людей. Даймё неважно, кого приносить в жертву ради собственной выгоды, а сёгунат закрывает на это глаза.

После этих слов принцесса Хачими вновь опустила рот под воду и забулькала.

Заметив издали этот жест, Ёске осторожно приблизился, но не подплывал далее, чем на середину водоёма.

— Принцесса Хачими, у вас всё в порядке? — обеспокоенно воскликнул он.

Но та издавала только буль-буль-буль. Акико усмехнулась и провела рукой по мокрым волосам, которые хоть и были заколоты, но она уже успела поплавать, поэтому теперь с них текла вода, после чего ответила вместо принцессы:

— Мы просто беседуем, не переживай.

Асахи вдруг поднялся из воды, обернул своё тело белым полотенцем и взошёл на камни:

— Друзья, не будем терять времени, закругляйтесь и будем отправляться.

— Но я хочу ещё посидеть в воде, — заспорил Хару, чем вызвал улыбку на лице Асахи.

— Не переживай, на территории нашего замка есть озеро, а если снова захочешь на горячие источники, то в нескольких часах езды на лошадях и такие имеются.

Ничего не поделать.

Тэнгу дружно поднялись, пока Ёске обеспокоенно поглядывал в сторону принцессы Хачими. Но та тоже вылезла из воды, завернулась в полотенце и ушла в другую сторону вместе с Акико. Ёске вздохнул с облегчением и последовал за юношами.

Через несколько часов Асахи наконец-то привёл путников к лошадям, которых они собирались на время взять за деньги, а затем те бы вернулись обратно в деревню. Сын даймё договорился с хозяином, после чего обратился к ёкаям:

— Выбирайте понравившихся, если, конечно, не хотите идти пешком.

Сота и Хибики прищурились, уже на входе сморщили носы от неприятного запаха, затем подошли и осмотрели крупных животных, на которых ранее никогда в жизни не катались.

— Пожалуй, я полечу, — решительно заявил Сота и шмыгнул наружу, подальше от неприятного запаха. Хибики улизнул вслед за ним:

— Соглашусь.

Хару растерянно посмотрел то на одного, то на второго друга. У них-то была возможность летать, а вот ему приходилось находиться рядом с пахучими существами...

— Тебе такого же белого, как и ты, Хару? — с улыбкой предложил Асахи и указал на единственного белого коня с тёмно-серыми пятнами.

— Сота, а может, ты станешь большим, а я полечу на твоей спине? — с надеждой обратился к другу Хару, тот уже собирался согласиться, но Асахи поспешил вмешаться:

— Бросьте, — он схватил Хару за руку и уверенно потащил к лошадям. — Не бойтесь, они не страшные.

Асахи положил в ладонь белого тэнгу кусок яблока и подтолкнул к белой лошади, заставив того вытянуть руку. Хару испуганно отвернулся и прикрыл глаза, как вдруг почувствовал, что нечто мокрое и шершавое прошлось по его лицу. Он в панике открыл глаза и уставился перед собой: стоявшая по соседству тёмно-коричневая лошадь старалась его

подбодрить. Её добрые чёрные глаза смотрели в его киноварно-красные, Хару, как под гипнозом, бесстрашно сделал шаг вперёд и протянул свободную руку, а та сама качнула головой и коснулась его ладони, потёрлась об неё.

В глазах Хару загорелись радостные огоньки, а Асахи похлопал его по спине.

— Покорми её теперь.

Хару протянул коричневой лошади яблоко, которое так и не досталось белой, и та с радостью съела его. Асахи обернулся к остальным:

— Ещё желающие? Мико? Принцесса?

Ёске неуверенно шагнул вперёд, горящими глазами глядя на Асахи, но поймав взгляд того, смутился и опустил голову. Сын даймё рассмеялся, сам приблизился к рыжему кои, положил ему на ладонь кусок яблока и подтолкнул к лошадям.

— Какая нравится?

Голубые глаза смущённо проšliсь по всем, после чего Ёске шагнул к той самой белой, к которой Асахи изначально подталкивал Хару. Лошадь тоже обратила на него внимание, игогокнула, слегка топнула передней ногой. Асахи первым погладил её по гриве, после чего подтолкнул Ёске. Тот тоже неловко дотронулся сначала одним пальцем, потом и остальными до её морды, погладил и накормил яблоком.

— Мико? Принцесса? — вновь позвал Асахи с весёлой улыбкой, ему было приятно проводить время с лошадьми.

Акико выступила вперёд и сама забрала кусочек яблока из его рук, резко подошла к одной из коричневых лошадей и вытянула руку, однако лошадь в ужасе подскочила на задние ноги. Хару и Асахи устремились вперёд: первый впрыгнул между зверем и Акико, закрывая жрицу своим телом, а второй попытался успокоить испуганное животное.

— Я что-то сделала не так? — растерялась Акико и виновато отошла назад.

— Тише-тише, — непрерывно повторял Асахи, пока лошадь не опустилась на четыре ноги, а затем обернулся к девушке. — Ничего страшного, бывает. Попробуешь ещё, только без резких движений?

Но Акико тупо смотрела в пол, сжимая яблоко в руке.

— Можешь поехать со мной, — с улыбкой предложил Хару, их взгляды пересеклись. — Если хочешь, конечно.

— Я не против.

Тогда Асахи обернулся к оставшейся кои:

— Принцесса?

— Я поеду с Ёске, — уверенно выпалила та, стоя в стороне и боясь опозориться.

— Значит, решено.

Глава 15. Цветы и птицы, ветер и луна

Несколько дней путники провели в дороге, целыми днями скакали на лошадях, периодически делали привал, чтобы и уставшие животные восстановили силы и сами всадники передохнули. Поначалу у Хару не выходило, он постоянно норовил выпасть из седла, но Акико, обнимающая его со спины, умудрялась удерживать его, а если он слишком сильно заваливался, она вытягивала его обратно. К концу первого дня он сидел уже увереннее и спокойнее держал поводья, мог подгонять, замедлять и поворачивать, но и Акико не скучала. Она обхватывала руки Хару и то дёргала сильнее, чтобы они разогнались и обогнали остальных, то, наоборот, хотела, чтобы они отстали.

Сота и Хибики уставали слишком долго лететь, поэтому периодически снижались и сидели на чьей-то лошади. В какой-то момент Хибики и вовсе примостился в волосах Хару, где мирно задремал. Сота был крупнее и в кои-то веки не пожелал создавать неудобства, поэтому приземлился Асахи на колени, где тоже вскоре засопел. Зато, отоспавшиеся в пути, они спокойно могли дежурить по ночам.

В отличие от веселящихся Хару и Акико, принцесса Хачими поначалу вовсе не позволила Ёске самому управлять лошадью. Она потребовала, чтобы её посадили, а Ёске сел за ней, и некоторое время она пыталась ехать самостоятельно. Однако лошадь не слушалась, в какой-то момент даже попыталась скинуть её вместе с Ёске — тот осторожно прыгнул на землю и поймал принцессу Хачими на руки, после чего сам же и посадил обратно, но поводья всё-таки взял в свои руки.

На скромный взгляд Хару, провинция Кадзуса ничем не отличалась от провинции Симоса — такие же леса, поля, водоёмы, деревни. Но он и не считал это чем-то плохим. Как будто внутренний дворик дворца Кинъу значительно вырос в размерах, а Хару бродил в нём днями, неделями.

— Мы только что проезжали это место, — в какой-то момент насторожился он, переживая, что они ездили кругами, но услышал смешок Акико за спиной.

— Не волнуйся, оно похожее, но другое.

Она, наоборот, отличала каждое дерево друг от друга, чуть ли не каждый лист, каждая ветка, каждый лепесток казались ей оригинальными и неповторимыми.

— Может, ты владыка Осенних Листьев? — предложил Хару новый вариант прозвища.

На этот раз Акико не стала так дико смеяться, как недавно на горячих источниках, её плечи только слегка подёрнулись от смешка, но она уже спокойнее ответила:

— Давай ты ещё подумаешь, а то для меня забавно и нелепо звучит.

— Владыка Осенних Вод тоже? — расстроенным голосом произнёс Хару.

Проснувшийся Хибики насмешливо заёрзал на его голове, но подавать голоса не стал.

— Не обижайся только, — улыбнулась Акико и покрепче обняла его со спины. — Придумаешь что-нибудь другое, что подошло бы мне.

— Владыка Осенних Детей? — в отчаянии выдал Хару и нахмурился. Такая версия и его самого не устраивала, он просто взял второй иероглиф из имени Акико, а та только прыснула от смеха.

— Думай дальше.

Он вздохнул, но отмахнул прочь грустное настроение, а загорелся ещё одной целью — обязательно придумать для Акико прозвище, которое и ей самой понравится.

На четвёртый день, точнее уже ночь, когда Хару начинало вырубать, киноварно-красные глаза перестали различать окружающие деревья, глава склонялась вниз и находилась всего в суне от тёплой мягкой гривы, Акико перехватила поводья и крикнула:

— Сделаем привал?

Асахи немного замедлился и дождался, когда жрица с Хару догонит его, после чего ответил:

— Нам ещё часа два езды, предположительно в час крысы будем на месте, сможешь довести его? Или пересади Хару ко мне.

— Довезу, — заявила Акико и покрепче сжала его ногами. — Хибики, не спишь?

Маленькая светло-коричневая птица, сидящая в пепельных волосах, которые бы вскоре превратились в гнездо, пискнула:

— Нет.

Глава цвета ямабуки хитро прищурились.

— Если что, будешь ловить Хару.

Акико дёрнула поводья, увеличивая скорость, Асахи тоже не отставал и вскоре обогнал её — всё-таки дорогу указывал именно он. Ёске сосредоточился и постарался поднажать, принцесса Хачими посильнее ухватила пальцами за его одежду, чтобы не упасть.

Ровно через два часа уставшая Акико собралась возмущаться, что время уже вышло. Ладно ещё, если бы она ехала одна, но ей приходилось удерживать спящее тело Хару, который ей пёрышком не казался. Она была шустрой, ловкой, поворотливой, но силой не отличалась. Однако Асахи поспешил заверить её, что они уже подъезжают.

Некоторое время назад они как раз покинули лес и теперь скакали по равнинам, однако людьми здесь и не пахло. Хибики тоже беспокоился о сохранности Хару, поэтому ненадолго перелетел на коня Асахи высказать свои возмущения. Сота, расположившийся на коленях человека, ни на что не жаловался и крепко спал, но от недовольного писклявого голоса Хибики вяло приоткрыл глаза.

— Почти доехали, наберитесь терпения, — вздохнул Асахи, тоже не радовавшийся, что их поездка затягивалась.

Только в час тигра наконец-то показались первые домики — там обитали жители княжества Отаки. Всадники замедлились и двигались уже медленнее, но лошади всё равно достаточно звонко цокали по земле. Путники медленно, но верно двигались к замку семейства Хонда. Хару ожидал, что тот находился где-нибудь на возвышении, как обитель госпожи Фуку, однако белый тэнгу всё ещё спал и не видел, что вскоре лошади начали спускаться с холма, где прошли через небольшую грушевую рощу, начинающуюся на его склоне и растянувшуюся по равнине. Лишь после неё они наконец-то добрались до замка.

Стражники мигом подошли проверить, кто приехал, но сразу признали молодого господина Асахи, сына даймё Хонды, поприветствовали и отошли в стороны. Слуги уже бежали встречать его, а также заодно взяли коней за поводья. Всадники спустились на землю и последовали за Асахи и некоторыми оставшимися слугами, которые пропустили их внутрь. У всех слипались глаза, заплетались ноги, хотелось упасть и проспять целую неделю.

Щедрый Асахи приказал каждому выделить отдельную комнату, слуги разбежались выполнять приказ, только двое остались: первый должен был провести путников в гостевое крыло, а второй — личный слуга Асахи — собирался пройтись с их господином до хозяйского. Поначалу ещё один пытался узнать, не донести ли спящего молодого господина в его покои, но Сота смирил его сердитым взгляд — чтоб какой-то человек трогал Хару? Ни

за что! Тот вежливо поклонился и удалился.

Когда уставшие путники только добрались до гостевого крыла, все комнаты уже были готовы, слуги также поинтересовались, не желают ли гости перекусить или, быть может, выпить чаю, Акико, принцесса Хачими и Ёске отмахнулись и ушли спать. Сота отнёс Хару в отведённую тому комнату, уложил на кровать, накинул сверху одеяло, после чего отправился в свои покои. Хотя он, как и Хибики, спал днём, но оба всё равно решили вздремнуть несколько часов, поэтому тоже вскоре улеглись и заснули.

Рассвет наступил практически сразу после того, как Хару уложили на кровать. Белый тэнгу распахнул свои киноварно-красные глаза и сел, осматриваясь по сторонам. Последнее, что он помнил, как они с остальными скакали на лошадях через леса и поля, поэтому совершенно не ожидал очнуться в мягкой постели. Вдобавок, непривычно было спать в кровати, а не на циновке, расстеленной на полу.

В уютной комнате также находилось множество горшков с растениями, которые сразу бросились в глаза, помимо них имелась ширма с красивым расписанным узором в виде бамбукового леса и невысокий столик.

Тело Хару ныло не настолько сильно, как после целого дня пешком, поэтому он спрыгнул с кровати и, даже не пытаясь привести внешний вид в порядок, отодвинул сёдзи в сторону и оказался в коридоре, где посмотрел в обе стороны, размышляя, куда же ему сходить. Он наугад пошёл налево, надеясь прийти хоть куда-то, и довольно быстро столкнулся с одним из слуг, который усердно смахивал пыль с мебели в коридоре.

— Молодой господин! — испуганно воскликнул человек в возрасте, вежливо поклонившись растрёпанному белому тэнгу, которого он совершенно не ожидал увидеть в столь ранний час. — Не желаете ли чего? Вам подать завтрак?

— А у вас тут дзендзай готовят? — поинтересовался Хару, припоминая слова друга. — И где Асахи и остальные?

— Немедленно распоряжусь, чтобы для вас приготовили, — поклонился человек. — Сын даймё в данный момент отдыхает в своих покоях.

— Где у вас тут кухня? Там что-то ещё вкусное есть? — спросил Хару с надеждой, в животе требовательно урчало, он давно нормально не отдыхал и не ел.

— У нас много всего вкусного, ваш покорный слуга проводит молодого господина.

После чего человек в возрасте спрятал в одеждах свою метёлку, сложил руки и пригласил Хару следовать за ним. Вскоре они покинули гостевое крыло, вышли во внутренний двор, в котором росло множество разнообразных деревьев, кустов и цветов, однако до двора во дворце Кинъу было далеко, а затем прошли к кухне. Там пожилой человек обратился к поварам и попросил приготовить для молодого господина дзендзай, Хару в предвкушении уселся на стол, ожидая свой бобовый суп, совершенно не догадываясь, что на нём готовили, а не сидели. Но никто из людей не посмел высказать ни слова недовольства.

Когда наконец приготовили дзендзай, только не с моти, как последний раз ел Хару, а с данго, то белого тэнгу проводили за обеденный стол, где усадили, а также предложили пиалу с рисом, тэмпуру, гёдза, такояки, которые они в спешке приготовили для молодого господина, что у того глаза забегали из стороны в сторону. Хару с удовольствием ел всего понемногу, пока не набил живот совсем — настолько вкусно готовили в доме Асахи, что он просто не мог оторваться.

Сота и Хибики встали через несколько часов после сна, переоделись в предложенные

одежды и заглянули в покои Хару, однако молодого господина там не обнаружили, поэтому отправились на его поиски. Благо, в коридорах им попалась одна юная служанка, которая сообщила, что пепельновласый гость сейчас завтракает на кухне. Сота и Хибики всего лишь узнали направление и сами отправились туда, отказавшись от сопровождения, и очень вскоре обнаружили объевшегося Хару, который с трудом запихивал в себя данго из дзендзая, который уже никак не хотел влезать.

Заметив новые лица, повара вышли к ним и поинтересовались, не желают ли гости чего, однако Хибики ответил за всех:

— Тут и так полно еды, нам хватит.

Тогда для них вынесли столовые приборы, и двое других тэнгу тоже наполнили свои желудки, пока Хару сидел рядом, отдыхал и переваривал. Ещё было рано, после еды друзья решили немного пройтись по окрестностям, поэтому спросили у слуг, через какой коридор им покинуть замок. Одна служанка вызвалась показать им дорогу, а заодно сопровождать и далее, но тэнгу отказались, поэтому она довела их только до дверей.

Оказавшись снаружи, тэнгу устремились к грушевой рощи, через которую они проезжали. Плодам ещё рано было появляться, зато цветы уже начинали распускаться, в воздухе веяло приятным ароматом.

— Попросить бы в оружейную сводить нас, — мечтательно произнёс Сота, интересующийся разным оружием, а заодно проверить, не получится ли чем разрубить ленту Хару. Но для этого стоило бы дожидаться Асахи.

— Ещё успеем, — улыбнулся Хару, радуясь, что хотя бы друга удалось разыскать. Он больше не чувствовал себя потерянным в этом мире, на земле, а теперь, в резиденции семьи Хонда, и вовсе расслабился.

В кустах юркнула светлая шёрстка — маленький заяц, заслышав голоса и шаги тэнгу, выпрыгнул из своего убежища и поскакал прочь по роще. Хару с интересом помчался за ним, но догнать не успел: существо оказалось слишком быстрым. Но Хару и не старался — уставшее тело дало о себе знать, поэтому он замедлился, присел в тени деревьев и обратил внимание на светлые лепестки, насладившись чарующим ароматом.

Проспавший практически всю дорогу до резиденции и, к тому же, отдохнувший и сейчас, Сота не желал просто прохлаждаться на земле, поэтому отошёл немного в сторону, занял боевую позицию и решил немного позаниматься. Катану он пока не трогал — для начала хотел немного мышцы размять.

Через несколько часов проснулись Асахи и Акико, узнали, что их друзья гуляли в роще. Случайно пересеклись у выхода, поздоровались и отправились на поиски Хару, Соты и Хибики. Их обоим особо не интересовала судьба ни принцессы Хачими, ни Ёске — оба предположили, что те ещё отсыпались, и тем более не видели смысла беспокоиться.

Акико сразу заметила тэнгу с пепельными волосами, отдыхающего под деревом, отдалилась от Асахи и бесшумно юркнула в рощу, где, прячась за деревьями, подкралась к Хару и положила руки ему на спину с криком: «Бу!» Хару вздрогнул и испуганно взглянул на неё, чуть не выпустив острые перья вокруг себя, но сдержался и сразу признал Акико.

— Мико, не пугай так, — пожаловался он и вздохнул с облегчением — он радовался, что не поранил жрицу.

— А ты испугался? — усмехнулась она и широко улыбнулась, но руки убрала и встала рядом.

— Нет, — смущённо заявил он, уставился в золотистые глаза цвета ямабуки и сглотнул.

Следом за Акико приблизился Асахи и пожелал тэнгу доброго утра, те поздоровались в ответ. Сота остался в стороне, даже не обернулся, а продолжил тренироваться, на этот раз уже используя катану. Хибики наскучило отдыхать в стороне, поэтому и он решил присоединиться, хотя обычно оружие не использовал.

— Выспались? — добродушно поинтересовался Асахи, Хару улыбнулся и кивнул. — Предлагаю после обеда погулять по замку, заодно сходим в оружейную, попробуем снять твою ленту, Хару.

Белый тэнгу уже позабыл, что его первоочередной задачей было вернуться домой: настолько расслабился после встречи с Асахи, будто уже не о чем переживать. Он смотрел на Асахи с благодарностью, радуясь, что друзья заботились о нём и не давали забыть о важных вещах.

— Хорошо, спасибо.

— Пока можем отдохнуть в грушевом саду, слуги позовут, когда еда будет готова.

Хару, который думал, что ничего не съест до завтра, уже был не против чем-нибудь перекусить, а ещё через несколько часов и полный обед бы осилил.

— Аники, тут зверёк был, маленький такой, — вдруг вспомнил Хару, не зная, как описать зайца. — И шустрый! Очень быстро убежал.

— Заяц, что ли? — уточнил Асахи, но белый тэнгу руками развёл, во дворце Кинъю никого подобного не водилось. — Тут поблизости лес, где их много живёт, мы там охотимся иногда.

— А-а, — вроде бы с пониманием произнёс Хару, совершенно не представляя, что такое охота.

— Можем сходить посмотреть, мало ли кого ещё увидим, — предложил Асахи, всё равно пока было нечем заняться.

Золотистые глаза цвета ямабуки загорелись в предвкушении, Акико перевела взгляд от Хару на Асахи и с надеждой спросила:

— А птицы у вас водятся? Тут яйцами можно поживиться?

Асахи тоже посмотрел на неё:

— Какие блюда ты любишь, мико? Я попрошу приготовить.

Та поднялась с земли, вскинула голову, гордо задрал подбородок, и абсолютно решительно заявила:

— Сырые яйца.

— Точно, Акико, — вспомнил Хару и тоже встал на ноги, а то стало неуютно сидеть одному, — теперь ты знаешь моего аники, который рассказывал о столетних яйцах.

— Да, было такое, — усмехнулся тот и сморщил нос, припоминая их жуткий запах.

— Не отлынивай от вопроса, где сырые яйца достать? — напомнила настойчивая Акико и прищурилась. — Я ни одной птицы ещё не слышала.

— Они не любят подлетать к самому замку, может, кто-то в лесу водится, пойдёмте.

Асахи махнул, приглашая их отправиться к лесу, развернулся сам, сложил руки за спиной и неторопливо двинулся вперёд.

— Сота, Хибики, вы пойдёте в лес к зайцам? — поинтересовался Хару, когда они проходили мимо тэнгу.

Те находились в самом разгаре тренировки. Не любивший сражаться Хибики умело парировал каждый удар, сделанный Сотой, а тот всё ускорялся, нападал быстрее, изворачивался. Но низкий Хибики был внимательнее и шустрее, поэтому с лёгкостью

уворачивался. Когда Сота собрался сделать выпад вперёд, Хибики отскочил в сторону и исчез с его глаз. Тёмный тэнгу застыл на месте, как Хибики уже оказался за его спиной и с самодовольной ухмылкой приставил катану к шее.

— Нет, молодой господин, — ответил Сота, широко улыбнулся и вновь ринулся вперёд. В воздухе вновь повис звон металла, а в глазах обоих тэнгу сверкали озорные огоньки. Сота и Хибики давно так не тренировались, что теперь загорелись и пока не хотели прерывать.

Когда Хару и Акико отошли в сторону, чтобы догнать Асахи, тёмный и светлый тэнгу ускорились, мелькая между деревьями, нанося удар и вновь исчезая. С оживлёнными улыбками, они сошлись в тренировочном поединке.

За ними интересно наблюдать со стороны, Хару тоже считал это красивым зрелищем, но сейчас его волновал заяц, которого он недавно увидел. Любопытный тэнгу предпочёл вновь взглянуть на забавных зверьков, которых впервые встретил этим утром.

Пока они шли к лесу, Акико поднимала голову к верхушкам деревьев, высматривая птиц, однако не замечала ни одной, даже следов от гнёзд не имелось. Она с подозрением шурилась и осматривалась по сторонам, что-то встревожило её, из-за чего она случайно толкнула Хару в плечо, хотя просто пыталась приблизиться. Тот удивился и сам вздрогнул от неожиданности, Акико смутилась и отпрянула в сторону, а Асахи с улыбкой шикнул на них:

— Тише, иначе распугаете всех зайцев.

— Они тут на каждом углу как будто, — тоже шёпотом фыркнула Акико.

— Вообще-то да, в этом году на них ещё не охотились, а хищники не приближаются к нашим владениям, так что их тут полно, — уверенно ответил Асахи. — И мы их подкармливаем.

Киноварно-красные глаза горели от любопытства, Хару с интересом спросил, тоже стараясь говорить тише:

— А что они едят?

— Травы, злаки, даже кору, — вкратце ответил Асахи, после чего прикрыл рот и настороженно прошёлся вперёд, перемещаясь на цыпочках и стараясь не издавать ни звука.

Из-за соседнего куста показались два длинных тёмно-коричневых уха, заяц выпрыгнул и поскакал прочь. Хару воодушевлённо помчался за ним, на этот раз надеясь догнать, однако Асахи ловко схватил его за локоть и дёрнул назад.

— Аники!

Глаза Хару возмущённо смотрели на друга, а ноги отказывались стоять на месте и рвались вперёд. От улыбки глаза Асахи прикрылись и сложились в две дуги, он потащил Хару на себя, заставив его стоять на месте.

— Так ты только всех распугаешь, наблюдай издалека.

— Но я хочу потрогать, — возразил Хару, в глазах его светились огоньки надежды. От молящего взгляда и Асахи, и Акико стало не по себе, белый тэнгу напоминал маленького ребёнка, который выпрашивал у матери любимую сладость.

— Их сложно поймать просто так, — вздохнул Асахи, но отпустил руку Хару.

Подул ветерок, вместе с которым внезапно исчезла Акико. Юноши оглянулись, посмотрели по сторонам, но так и не поняли, куда подевалась жрица. Не ветром же её сдуло?

— Акико? Мико? — позвал её Хару, но из-за предостережения Асахи старался не повышать голос.

— Может, она заметила птиц и убежала искать яйца? — предположил его друг, но у

Хару сосало под ложечкой. С другой стороны, когда жрица в первый их поход в лесу захотела поживиться яйцами, она испарилась точно также, а затем невозмутимо вернулась. Может, и не о чем беспокоиться...

Хару разглядывал лиственные деревья, высматривал ветви в надежде, что на какой-то из них находилось гнездо.

Ветер дунул со спины белого тэнгу, поднял пепельные волосы, растрепал их, а вместе с ними и красную ленту, обвязанную вокруг головы. Не холодный, а приятный. Хару поднёс руку ко лбу, чтобы убрать мешающиеся волосы за уши и дальше высматривать гнёзда, как вдруг его потыкали в спину.

Он обернулся, ожидая увидеть Асахи, который не стал звать его вслух, однако его взору предстали золотистые глаза цвета ямабуки, широкая лучезарная улыбка, а также два ряда зубов — на этот раз Акико приоткрыла его, пока улыбалась. В руках она держала зайца за уши, который махал лапами и пытался вырваться.

— Как ты это сделала? — изумился Хару и с трепетом наклонился к милейшему зверьку.

Их услышал Асахи, приблизился и тоже удивился, но ничего вслух говорить не стал.

— Ему не больно? — на смену любопытству пришло беспокойство, Хару переживал, что заяц так отчаянно рвался на свободу.

— Не знаю, — равнодушно ответила Акико и протянула руку. — Держи.

— Только осторожнее, он может поцарапать и укусить, — предупредил Асахи, а Хару протянул свои ладони. Как только заяц коснулся их, то начал вырываться ещё сильнее.

— Я думаю, что уже достаточно близко посмотрел, отпусти его, — взволнованно произнёс белый тэнгу и смягчился, когда взглянул в глаза цвета ямабуки. — Спасибо, Акико.

Улыбка стала ещё шире, но уже не так пугала привыкшего к ней Хару. Акико опустила руку, чтобы посадить зайца: как только его лапы коснулись земли, бедняга начал вырываться ещё отчаяннее, чувствуя близость свободы. Когда жрица разжала пальцы и отпустила уши, заяц быстрее ветра понёсся прочь.

— Какой же он шустрый! — Хару с восхищением смотрел ему вслед.

Прим. автора: название главы взято из японского выражения 花鳥風月, которое означает «красоты природы» и дословно переводится как «цветы, птицы, ветер, луна»

Глава 16. Замок семьи Хонда

Среди деревьев мелькнула тень, показался невысокий человек в светло-коричневых одеждах, который сложил руки перед собой и опустил голову, обращаясь к Асахи:

— Молодой господин, обед подан.

Асахи кивнул, отпуская его, после чего обратился к гостям:

— Предлагаю вернуться в замок.

Пока Хару, Акико и Асахи подходили к грушевому саду, звон металла пронзал воздух, тёмная и светлая тень мелькали среди листвы и вновь исчезали. Улыбки не сходили с лиц Соты и Хибики, пот лился с их лбов, те уже уставали и тяжелее дышали, но прерываться не спешили. Тогда Хару окликнул их:

— Обедать пойдёте?

Сота отвлёкся, остановился, нашёл глазами белого тэнгу и ответил:

— Лечу!

Но в этот самый момент шустрый Хибики приставил катану к его шее, самодовольно прищурил глаза и хитро улыбнулся:

— Я снова победил.

— Эй, Хибики, так нечестно! — запротестовал Сота, оттолкнул его катану своей и сердито обернулся. — Ты победил лишь потому, что я отвлёкся.

— Но победил же.

Тот и не собирался спорить. В честном поединке у него вряд ли бы получилось выиграть: он тренировался в разы меньше, опыт в реальных сражениях и вовсе не имелся. Конечно, до Масао, старшего брата Хару, Соте ещё было далеко, однако с ним занимались хорошие учителя среди тэнгу, а вот Хибики редко брал оружие в руки — приходилось изворачиваться.

Они спрыгнули на землю, убрали оружие в ножны, догнали Хару с остальными и вместе отправились к красивому многоэтажному замку. В огромном светлом зале с высокими потолками накрыли гигантский длинный стол, заставленный множеством разнообразных блюд из рыбы и мяса. В нос ударило большое количество различных приятных ароматов — выпечки, овощей, супов и всего остального. У Хару, который не чувствовал себя голодным, чуть слюнки не потекли, но он сдержался и сглотнул.

Асахи важно прошествовал к столу и уселся на своё обычное место, где всегда сидели сыновья даймё, но во главе стола никого не было, как и остальные места сыновей пустовали.

— Аники, твой отец вернётся сегодня? — Хару указал в сторону пустого места.

Протирая руки влажным полотенцем, Асахи слабо улыбнулся и взглянул на белого тэнгу, расположившегося напротив:

— Сомневаюсь, но если вдруг это счастье случится, я считаю своим долгом оставить для него его законное место.

Остальные тоже взяли полотенца и протёрли руки, после чего слуги унесли их. Блюда располагались друг над другом на специальной подставке в несколько этажей. На многих располагались небольшие рисовые шарики со специальным соусом внутри и обёрнутые рыбой. Любовь Хару к рыбе, конечно, не сравнится с его фанатизмом по дзендзаю, однако рыбу он ел довольно часто, как и рис, который мог клевать днями напролёт.

Во дворце Кинью специальные отряды тэнгу отвечали за поставку еды, добывали как

рыбу, так и мясо, всевозможные крупы, бобы, фрукты и овощи — никто не голодал. Когда перед Хару вставал выбор — блюдо из мяса или рыбы, он без раздумий выбирал второе.

Помня о любви Хару к рыбе и рису, Асахи взял палочками рисовый треугольник, завернутый в тёмно-зелёный лист, и положил белому тэнгу на тарелку со словами:

— Попробуй.

— А что это? — поинтересовался Хару, который всё это время рассматривал всевозможные рисовые шарики, а столь крупный треугольник не заметил.

— Омусуби, — улыбнулся Асахи. — Мы часто брали их с собой на тренировки, они символизируют гору, а на верхушке, — он указал на кусочек лосося, — подношение. Внутри такая же начинка, можно определять по верхушке и выбирать то, что нравится.

Хару взял омусуби рукой и с любопытством надкусил сторону с верхушкой, ощутил на языке нежный лосось, идеально сваренный рис вперемешку со вкусом моря от водорослей. Хару с наслаждением проглотил и откусил ещё.

В стороне от стола, у стены, на полу сидела девушка в ярко-зелёной одежде. Когда все расселись и начали есть, она взяла в руки сямисэн (Сямисэн — японский трёхструнный щипковый музыкальный инструмент), воскликнула и провела плектром по струнам, мелодичный звук наполнил зал. Все взгляды приковались к ней, девушка мило улыбнулась и продолжила играть оживлённую мелодию, издавая оживлённые восклицания.

В этот момент в сопровождении Ёске в зал вошла принцесса Хачими с приподнятой головой. Розовые одежды украшало привычное огромное количество жемчуга, в высоко заколотых, местами заплетённых светлых волосах звенели серебряные заколки и украшения. Принцесса Хачими оглядела всех своими розовыми глазами, бросила взгляд на пустое место во главе стола, прошлась к остальным и опустилась со стороны напротив Асахи.

Ёске был одет не столь богато, но тоже привёл себя в порядок. Он не стал закалывать свои рыжие волосы, поэтому те теперь спадали ему на плечи — настолько яркие, словно огоньки, поэтому возникало ощущение, что он горел. Обернувшись, Хару даже вздрогнул и чуть не бросился тушить пожар, но вскоре догадался, что Ёске всего лишь распустил волосы. Те были не однотонными, а переливались разными оттенками оранжевого, поэтому и возникало ощущение, будто то был реальный огонь.

Оказавшись за столом, кои презрительно глянули на рыбные блюда, еле сдержались, чтобы не скривиться, взяли палочки и потянулись за другой едой. Асахи вежливо поинтересовался:

— Вы не едите исключительно рыбу или все морепродукты?

Ёске бросил взгляд на принцессу Хачими, но та не спешила отвечать, поэтому он взял инициативу в свои руки, скромно опустил голову и негромко произнёс:

— Только некоторые виды рыбы.

— Тогда можете обратить внимание на вкуснейшие такояки из осьминога, а также нежнейшее крабовое мясо.

Асахи и сам потянулся за тем, что только что назвал, как Акико ухватила палочками один из такояки, положила Хару на тарелку, а следующий взяла себе. Хару с интересом потыкал тёмно-коричневый шарик палочками, тот смялся и вновь выпрямился, после чего белый тэнгу поднёс его ко рту и надкусил, распробовал новый необычный вкус и съел целиком.

Сота с наслаждением доедал свой тондзиру (Тондзиру — суп из свинины, овощей и мисо), громко чавкая и не беспокоясь о манерах, в то время как Хибики обратился к Хару:

— Молодой господин, мы с Сотой думаем вечером слетать во дворец Кинью на пару дней, постараемся вернуться как можно быстрее.

— Без проблем, — улыбнулся Хару, потянувшийся за очередным омусуби. Теперь, когда он встретил своего друга и находился в его замке, вдобавок, с ним ещё и Асахи, он не переживал, что останется один. К тому же, Асахи предлагал после обеда сходить в оружейную и попробовать избавиться от красной ленты — может, уже вечером Хару вернётся во дворец Кинью вслед за Сотой и Хибики.

Он потянулся за рисовым шариком в рыбе, соус таял на языке, а Хару от удовольствия зажмурил глаза, наслаждаясь изумительным вкусом.

Несколько часов они просидели за столом, основные блюда унесли и заменили десертом. Девушка с сямисэном в руках вместо прежних оживлённых мелодий начала играть более спокойную. Хару наконец-то получил свой дзендзай с данго, однако позабыл оставить на него место в животе! Съел всего ложечку, а дальше не лезло.

Если между остальными в течение всего пиршества шли различные диалоги, то принцесса Хачими всё время молчала, однако, когда подали десерт, она наконец-то обратила своё внимание на Асахи. Вскинула голову, украшения в её волосах зазвенели от столь резкого движения, а она поинтересовалась:

— Сын даймё, а где ваши братья?

Асахи оторвался от сладкой груши и взглянул в вопрошающие розовые глаза:

— Разъехались по делам, кто до генерала дослужился, кто по провинциям ездит, кто участвует в работе сёгуната, — пояснил он и надкусил грушу. — Я слежу за делами в семейном замке.

— Вы можете как-то связаться со своим отцом? — продолжала настаивать принцесса Хачими.

— Я уже отправил гонца с письмом к нему, но он не всегда отвечает, — Асахи снова надкусил грушу.

И без того пухлые губы принцессы надулись.

— А вы не переживаете, что с вашим отцом могло что-то случиться?

— Я уверен, он в порядке, — решительно настаивал Асахи.

Больше принцесса Хачими не пыталась общаться, а молча доедала десерт. Когда все насытились, слуги пришли убрать посуду со стола, Асахи поднялся, за ним Хару и остальные.

— Прогуляемся по замку, — предложил он и окинул всех взглядом.

— Мне нездоровится, — тут же заявила принцесса Хачими. Вид у неё, в самом деле, казался болезненным — бледная, уставшая, с мешками под глазами, она пошатывалась из стороны в сторону. То ли еда оказалась невкусной, то ли запах приготовленной рыбы сводил их с ума, то ли принцесса просто устала после дороги, но сил у неё на прогулку не осталось. Ёске вызвался проводить принцессу в её покои, поэтому кои вместе ушли, оставив Асахи и ёкаев.

Сота и Хибики переглянулись, после чего второй сказал:

— Мы немного пройдемся с вами и к вечеру полетим.

Лететь с полными желудками — не лучшее решение, поэтому они решили немного передохнуть, выпить и уже затем отправиться во дворец Кинью.

Поскольку Хару впервые посетил резиденцию Асахи и сам показывал другу абсолютно весь дворец Кинью, то и тому теперь не терпелось похвастаться своим замком. До парящего в

небесах дворца дому Асахи, конечно, далеко, однако выглядел он внушительно. Сын даймё повёл их по коридору, пропуская множество дверей, и сообщил:

— Здесь живут слуги, ничего зрелищного.

А после вывел гостей в широкий коридор, завешенный множеством бумажных фонарей с узорами в виде грушевых цветов. Поскольку именно здесь не было окон, фонари всегда горели и создавали приятное свечение. Асахи отворил огромную дверь и впустил гостей в библиотеку. Хару замер в дверях, заметив огромное количество шкафов, переплетённых книг и свитков, в помещении также находились столы, вокруг которых на полу лежали круглые подушки.

— Это крупнейшая библиотека в княжестве Отаки, даже во всей провинции Кадзуса, — с гордостью заявил Асахи и обвёл взглядом шкафы. Часть из этого его в юности заставили прочитать и вызубрить учителя, какие-то трактаты они рассказывали сами, с какими-то Асахи приходилось разбираться самостоятельно.

— Если хотите, можете почитать, вдруг что про ленты тэнгу найдём.

Гости растерянно переглянулись. Хару и Сота почти не изучали грамоту, поэтому оба знали лишь небольшое количество иероглифов, Акико и вовсе всю жизнь была заточена в храме, даже не знала, что именно содержали тексты печатей, которые не выпускали её на свободу. Из них всех Хибики был самым начитанным, однако и он не горел желанием рыться в старинных свитках, тем более они с Сотой вскоре собирались во дворец Кинью.

— Пожалуй, нет, — за всех ответил Хару и выдал неловкий смешок.

Сота перевёл взгляд на светлого тэнгу и отступил к выходу:

— И мы полетим уже, да, Хибики?

Прикрыв глаза, Хибики юркнул за ним, но на прощание обернулся и махнул Хару:

— До встречи, молодой господин.

После чего оба обратились птицами и в одно мгновение улизнули, будто их тут и не было.

Хару с досадой дёрнул свою красную ленту, но та, как и ожидалось, не поддалась, а так и продолжала обвивать его лоб, словно спящая змея оплела ветку. Его вид лишь вызвал улыбку на лице Асахи, тот усмехнулся и сказал:

— Понял, идём в оружейную.

И направился к двери, в которую только что выбежали Сота и Хибики. Хару и Акико последовали за ним, они вновь прошли множество коридоров, поднялись сразу на третий этаж, прошли мимо различных залов, в которых на специальных подставках выставили всевозможную броню, затем подошли к другой лестнице и спустились на второй этаж. Хару уже запыхаться успел, когда Асахи наконец-то подвёл их к заветной двери в оружейную.

Они вошли в помещение, на стенах которого было развешено множество мечей различной длины — катаны, вакидзаси, тати, танто, на специальных подставках были сложены копья, нагинаты, луки, отдельно также стояли кусаригамы. Хару с интересом рассматривал всё вокруг себя, впервые его пустили в оружейную.

Во дворце Кинью отец не считал нужным тренировать младшего сына и совсем не доверял ему оружие, тот в нём и не разбирался, поэтому здесь у него разбегались глаза. Асахи, к тому же, выдвинул ящики и продемонстрировал лежавшие в них кинжалы и кунаи.

Хару с уверенностью выхватил один из них, подложил под ленту и попытался перерезать, однако та не поддалась. Акико сняла со стены одну из катан и сама решила проверить, получится ли у неё. Осторожно поддела красную ткань пальцами и прижала

холодное лезвие ко лбу Хару, услышав смешок от Асахи:

— Не убей Хару только.

Остриём наружу Акико потянула катану, но лента совершенно не поддавалась, как будто была сделана из более прочного металла. Асахи тоже снимал разное оружие и пытался перерезать ленту Хару, но без толку, они словно жемчуг свиньям давали — никакого результата. Ни единая нить не порвалась, лента как была целой, так и осталась. Всё-таки Джунъичи, отец Хару, считался одним из сильнейших тэнгу, вот и чары его непросто развеять.

Через несколько часов, когда тройца перебрала всё оружие, Хару со вздохом опустился на пол, взгляд уставился куда-то в стену. Лента по-прежнему висела у него на лбу и никуда не собиралась оттуда деваться.

— Отец, что я должен сделать? — взвыл расстроившийся Хару, не представляя, как быть дальше. — Как мне стать достойным? Спасти жизнь человека или ёкая? Просто помогать всем вокруг? Что мне делать?

Акико присела рядом с ним и обратилась к Асахи, который прохаживался по комнате:

— Чем ты тогда сеть перерубил? Если ты чем-то оружие пропитал, то может добавить это на перья Хару, тогда и получится?

— Точно нет, — решительно отрезал Асахи. Не хватало портить перья Хару слюной крысы, к тому же, её запас уже иссяк. — Хару, не переживай, мы что-нибудь придумаем.

Акико с подозрением прищурилась и продолжила сверлить Асахи взглядом, но тот не спешил ничего пояснять. Хару тоже диалог не продолжал, а какое-то время сидел и грустил, пока в голове не пронеслась мысль, что сейчас он хотя бы в окружении друзей. И стало легче.

— Аники, а запасной оружейной у вас тут нет случайно? — пошутил он с надеждой в голосе, мало ли где запряталось оружие, которое всё-таки сумеет разрезать ленту...

— Оружейная, увы, лишь одна, но есть зал с артефактами, можно там попробовать что-нибудь поискать, но это может быть опасно, — задумчиво предостерег Асахи. — Я бы не рисковал, если честно, очень многое собрано с убитых ёкаев... извини, Хару.

— Давай попробуем, — обрадовался белый тэнгу появившейся надежде и уже даже загорелся, как Акико сразу после воскликнула:

— Нет! Они могут оказаться опасными.

— Но попробовать-то можно... — продолжая надеяться, умоляюще произнёс Хару.

Асахи перестал ходить по комнате, сложи руки за спиной и подошёл к сидевшим на полу.

— В целом мико права, мы даже не знаем, как пользоваться теми артефактами, они просто запечатаны в одном из залов.

— Мы секретов твоей ленты не знаем, хотя это чары твоей семьи, а уж что там будет — страшно представить. А если ты умрёшь?

Вряд ли там было всё настолько плохо, но Акико не хотела, чтобы пострадал юноша, который освободил её из опечатанного храма. Она боялась одиночества, не желала вновь остаться одна, поэтому решила, что лучше найти более безопасный способ. Отец Хару же должен был оставить сыну возможность вернуться домой, он мог дать какую-то подсказку, о которой Хару не догадался.

— Тогда надо думать, как мне стать достойным... — вздохнул Хару и уставился перед собой, киноварно-красные глаза смотрели в пустоту, а белый тэнгу погрузился в свои мысли.

Чего хотел от него отец? Хорошего воина Джунъичи не собирался делать из Хару и уж тем более не позволил бы тому стать главой, на эту роль он всю жизнь готовил своего старшего сына Масао. Тогда что ему нужно от Хару? Чтобы тот не шалил, не шумел, а послушно вёл себя? Но Хару все дни на земле не делал ничего плохого и не портил никому жизнь, а лента не считала его достойной. Он и во дворце Кинъу не то чтобы плохо вёл себя, наоборот, обо всех заботился, а это аукнулось ему.

— Может, твой отец хочет, чтобы ты помогал окружающим? — вторгся в его мысли Асахи.

Тот вынырнул из пучины размышлений и с улыбкой посмотрел на друзей:

— Чем мне вам помочь? — затем его осенило, он резко обернулся к Акико. — Помнишь, в деревне Неспящих Сов жители переживали из-за сбежавшей змеи? Давай вернёмся к ним и поможем?

Её взгляд забегал из стороны в сторону, Акико кашлянула:

— Мы даже не знаем, где её искать, лучше тут попробуй помочь кому-нибудь.

— Я не думаю, что отец Хару задумал именно это, — вмешался Асахи и приподнял взгляд к потолку, погружаясь в размышления. — Хару, я давно тебя знаю, ты и так лезешь ко всем с помощью, ты хороший и добрый тэнгу. Я уверен, отец решил преподать тебе какой-то другой урок.

Хару вздохнул:

— И что мне делать тогда?

— Попробуй просто пожить на земле, — предложил Асахи, хотя и сам не представлял, что творилось в голове Джунъичи.

— А если я не смогу вернуться домой?

Во дворце Кинъу его ждала целая куча экспериментов с эликсиром и пилюлями бессмертия, он же хотел, чтобы его семья всегда жила вместе с ним, а теперь он находился вдали от них, не в силах взмахнуть крыльями и улететь обратно.

— Дождись своих друзей, вдруг они принесут хорошие вести, — Асахи напомнил про Соту и Хибики, которые покинули их после обеда.

— Сомневаюсь, что отец им прямо скажет, что значить стать достойным, — хихикнул Хару и немного повеселел.

Акико и Асахи тоже улыбнулись, однако первая с подозрением глянула на второго, но не стала ничего говорить.

— Думаю, на сегодня можно заканчивать с прогулкой по замку, а завтра покажу вам окрестности, у нас не только грушевый сад есть.

В киноварно-красных глазах блеснули озорные огоньки.

— И на горячие источники сходим?

Хару помнил, что Асахи говорил о них.

— Можно туда, а можно будет на несколько дней в горы съездить, вы же только по лесам сюда добирались?

— Как ты догадался, аники? — удивился Хару и с уважением взглянул на друга.

— Сделал вывод из того, с какой стороны вы шли, — улыбнулся Асахи и протянул руку, чтобы помочь Хару подняться.

Тот от радости прикрыл глаза и вновь открыл их, ухватился и встал на ноги, после чего также решил помочь Акико. Жрица приняла помощь, и все втроем они вышли из оружейной. За дверью уже ждали слуги, которые предложили проводить гостей по их покоям.

Хару собирался возмутиться, что ещё не устал, как вдруг зевнул. Солнце уже садилось за горизонт, поэтому и белого тэнгу тянуло в сон. Он сумел дойти до комнаты на собственных ногах, улёгся на кровать и завернулся в одеяло.

— Молодой господин не желает чаю или чего-то ещё? — поинтересовался проводивший его слуга, который стоял на пороге.

— Нет, спасибо, — ответил Хару и сладко зевнул.

Слуга задвинул сёдзи, в коридоре послышались звуки удаляющихся шагов, которые белый тэнгу вскоре перестал слышать, так как крепко заснул. Однако проспал он всего ничего.

Скрываемая мраком ночи, бесшумно ступая, прижимаясь к стенам и прячась на каждом углу, словно загнанный зверёк, Акико прокралась в покои Хару, беззвучно отодвинула сёдзи и задвинула за собой. В темноте её глаза мерцали как звёзды, свет от которых падал из окна. Акико потыкала Хару по лбу, потрясла за плечо, шепнула:

— Проснис-сь.

Однако белый тэнгу спал слишком крепко и не слышал её. С недовольством Акико свела брови и встряхнула его, сильно дёрнула и уже громче сказала:

— Хару, проснис-сь.

Он что-то пробормотал, но перевернулся на другой бок и зачавкал во сне. Тогда Акико стащила с него одеяло, расстелила на полу и затем потянула Хару — тот грохнулся с кровати, однако одеяло смягчило боль и шум от падения.

— Ай, — пискнул Хару и приоткрыл глаза.

Акико насторожилась и прислушалась: никаких шагов в коридоре, должно быть, звук никого не разбудил. Она с облегчением вздохнула и прошептала:

— Хару, я не могу зас-нуть, мне не по с-себе.

Пытаясь говорить шёпотом, она случайно начинала шипеть.

— Что-то случилось? — сонно и взволнованно спросил он и сел на одеяле.

— Прос-сто... — Акико задумалась, как объяснить своё предчувствие. — Тут что-то неладно.

Хару поднялся с пола, улыбнулся и подошёл к встревоженной жрице, похлопал её по плечу и тоже шепнул:

— Не переживай, я с тобой.

Она вздохнула, приблизилась к окну и взглянула на звёзды, за которыми ранее могла наблюдать лишь с порога опечатанного храма. А теперь, на воле, она могла бродить по горам, полям и лесам, ночевать под ночным небом, наслаждаться прекрасным ароматом свободы.

Хару подошёл к ней и тоже выглянул в окно, а Акико вытянула руку, указала пальцем на три яркие звезды и задумчиво произнесла:

— Матушка говорила, что это мицу-боси.

Её голос прозвучал тихо и тоскливо. Хару не знал, как подбодрить стоявшую рядом девушку, которая перепуганной явилась в его покои посреди ночи, а теперь решила поболтать.

— Интересуешься звёздами? — единственное, что смог придумать он.

— В детстве мы с матушкой, братьями и сёстрами приходили к людям посмотреть фейерверки на Танабату (Танабата (яп. 七夕) — традиционный японский праздник, известный также как «фестиваль звёзд» или «встреча звёзд», проходит седьмого числа

седьмого месяца), так красиво... а дома матушка записывала наши желания на тандзаку, так как мы были маленькими и не умели, потом мы уже сами развешивали их на ветках бамбука. А вечером отправлялись в город, это было целым приключением.

Она впервые рассказывала что-то о себе и своём прошлом. Хару в первые дни их знакомства успел изложить всю историю о себе, но об Акико ничего не знал. Она говорила тихо, задумчиво, мечтательно, с тоской любовалась ночным небом, поглощённая воспоминаниями о былом.

— Может, тебе больше подойдёт прозвище владыка Звёздных Вод? — Хару с улыбкой попытался взбодрить её, почувствовав грустное настроение.

Плечи Акико вздрогнули, она поднесла к губам кулак и засмеялась.

Некоторое время они так и стояли, любовались звёздами и невозмутимо болтали. Хару вдруг вспомнил о дне в деревне Неспящих Снов и всё-таки решил узнать:

— Мико, а что от тебя хотела госпожа Фуку?

Взгляд Акико вновь стал задумчивым, она перестала рассматривать манящие далёкие звёзды. Золотистые глаза цвета ямабуки застыли в одной точке, уголки губ дёрнулись, на лице появилась едва заметная улыбка.

— Ничего, — таинственно произнесла Акико.

Вскоре Хару начал клевать носом, поэтому вместе с Акико они подняли с пола одеяло и уселись на кровать, продолжая болтать о всяком. Жрица продолжала поглядывать на звёздное небо и предаваться воспоминаниям о прошлом, в какой-то момент она негромко произнесла:

— Знаешь, а владыка Звёздных Вод звучит не так плохо.

И улыбнулась, собираясь повернуться лицом к Хару, чтобы увидеть реакцию, как вдруг его голова упала ей на плечо, а белый тэнгу тихо засопел.

Глава 17. Заподозришь одно, и всё станет подозрительным

На следующее утро Хару проснулся у себя на кровати совсем один, но завалившись на бок поперёк кровати. Он так и не понял, на самом ли деле приходила Акико или всё-таки приснилась. Спрыгнул на пол, потянулся, размялся, переделся в чистую одежду и вышел в коридор.

В этот раз он проснулся не на рассвете, а на час позже, но всё равно ещё было довольно рано, а один из слуг Асахи (не тот, которого Хару повстречал прошлым утром) уже стоял у дверей покоев и кивнул, увидев белого тэнгу:

— Доброе утро, молодой господин, желаете позавтракать?

От одного упоминание завтрака в животе Хару заурчало.

— Не откажусь, проводите меня на кухню?

Он общался непривычно вежливо для слуг, чем только смутил мужчину.

— Молодой господин желает завтрак в постель? Что вам принести?

— Не стоит беспокоиться, просто проводите на кухню, — попросил Хару, не видя в этом ничего странного.

Сам он проголодался, а раз слуга предлагал принести завтрак, то, наверное, несложно и Хару отвести. Во всяком случае, не придётся возвращаться с едой, а потом ещё и грязную посуду уносить. Хару не желал доставлять другим неудобства, тем более ему ещё предстояло выяснить, как стать достойным и снять красную ленту со лба!

Слуге ничего не оставалось, кроме как поклониться и предложить следовать за ним. Хару не имел ни малейшего понятия, как ориентироваться в этом замке, он с детства знал лишь дворец Кинъу, а крупные новые места казались одинаковыми и похожими друг на друга, будь то лес или дом Асахи. Слуга уверенно вёл его по одинаковым светлым коридорам, по которым Хару сам бы в жизни не добрался до нужного места.

На удивление, на кухне уже находилась Акико, которая тоже рано встала и первой пришла позавтракать. Она с возмущением показывала на свою тарелку и кричала на поваров:

— Я просила не варёные яйца, а сырые! Не надо мне их меньше готовить, чем те первые, просто дайте сырые!

— Да как мы можем? — в отчаянии спрашивали повара и кланялись с извинениями.

Хару зашёл в кухню и приблизился к ним.

— Лучше дайте ей сырые, поверьте, — затем он обернулся к жрице. — Доброе утро, Акико.

— Доброе утро, Хару.

В его воспоминаниях остался приятный ночной диалог, но он не мог понять, приснился ли тот или произошёл в реальности, а Акико вела себя невозмутимо. Хару побоялся спрашивать её о прошлой ночи: а вдруг она ему теперь снится? Поэтому он осторожно поинтересовался:

— Как спалось?

Повара принесли Хару рис, бульон с мисо, рыбные рулеты в икре и целую тарелку паровых булочек, поэтому тэнгу вместе со жрицей уселся за один из небольших столов.

— Не очень, — вздохнула Акико, дожидаясь, когда же ей наконец-то вынесут обычных сырых яиц. — Если честно, так и не смогла заснуть.

Неужели она, правда, в эту ночь посещала покои Хару?

Она огляделась по сторонам, наклонилась к белому тэнгу и зашептала:

— Это место кажется очень странным. Ты же тоже слышал, что нигде в окрестностях нет птиц, и дело не только в моём желании отведать сырых яиц. Просто... не по себе совсем.

Хару, наоборот, расслабился и ощущал себя в разы спокойнее, чем по дороге сюда. Поначалу всё казалось интересным, но после нападения охотников он переживал, что такое может повториться, у госпожи Фуку беспокоился об Акико, затем волновался, что кои считали Асахи и его семью виноватыми в смертях ёкаев и людей. Только здесь он отбросил большую часть тревог и наконец-то вспомнил о своей проблеме, из-за которой и стремился разыскать Асахи в надежде на его помощь — из-за красной ленты на лбу.

— Мне тут нравится, — неуверенно ответил Хару, а повара наконец-то принесли Акико долгожданные яйца, с которых не сняли скорлупу. Некоторые в стороне лежали в виде жижи, на отдельных была разбита скорлупа, но там расплзалась наполовину сваренная белая масса.

Акико настороженно надломил скорлупу, наклонилась к яйцу в руках, присмотрелась, принялась, затем подставила язык, попробовала капельку. Её лицо вмиг переменялось, на щеках появился румянец. Скорлупа в руках хрустнула, а всё содержимое вылилось в рот Акико. Та, чавкая и наслаждаясь невероятным вкусом, проглотила желанное сырое яйцо.

— Я не говорю, нравится или нет, — наконец-то ответила Акико после того, как съела три яйца. — Просто совсем не по себе, чувствую себя загнанной в угол.

— Тебя кто-то посмел обидеть? — забеспокоился Хару и даже жевать перестал, готовый пойти на разборки.

Жрица вздохнула и взяла пальцами четвёртое яйцо.

— Не в этом дело, просто в этом месте ужасно тревожно, что ли.

— Ничего такого не заметил, — удивился Хару, обеспокоенно разглядывая Акико, а та уже хрустела своей любимой едой. — Ты права, я тоже птиц не слышал, но специально и не искал их, а в остальном мне тут очень даже нравится.

Повара, запомнившие о любви Хару к дзендзаю, приготовили для него и сегодня порцию и вынесли на их скромный столик. Киноварно-красные глаза загорелись в предвкушении, руки потянулись за ложкой, вскоре Хару с наслаждением поедая любимое блюдо.

В этот момент в кухню вошёл Асахи и обратился к гостям:

— Вот вы где.

Хару обернулся и радостно воскликнул:

— Аники!

— Какие же вы ранние пташки, — рассмеялся Асахи и присел рядом с ними. — Я-то думал, что я рано встаю.

На лице Хару теплилась довольная улыбка.

Повара начали метаться из стороны в сторону и почти в то же мгновение вынесли рис и суп с мисо для их господина, а также поинтересовались, чего ещё он желает. Тот отмахнулся, сказав, что особо не голоден, но попросил принести особый чай для гостей, а затем обратился к ним самим:

— Пойдём сегодня гулять по окрестностям?

— С радостью! — Хару облизывал ложку, в которой уже ничего не осталось, как и в пиале. — А завтра в горы? Или на горячие источники?

— Как пожелаешь, Хару.

— Я бы хотела посмотреть внутренний двор, — вдруг заявила Акико.

— Без проблем.

— О, я вчера через него проходил по пути на кухню, — вспомнил Хару и мысленно сравнил его с внутренним двором во дворце Кинью. — Мне там понравилось.

— А я нет, — заявила Акико и с подозрением прищурилась. — Что-то кои не видать.

Асахи, доедая рис и запивая его бульоном, предположил:

— Должно быть, спят ещё.

Слуги вынесли на подносе маленькие круглые чашечки и заварочный чайник. Поклонившись, они наполнили каждую густой зелёной жидкостью и удалились.

— Попробуйте, — предложил Асахи и первым неторопливо отпил.

Хару взял чашечку в руки, принялся, удивился насыщенному запаху и сделал глоток.

— Его бы со сладким пить, — пожаловался он, почувствовав горьковатый вкус, но послевкусие оставалось довольно интересное, поэтому он всё-таки допил. Акико тоже осушила свою чашку, после чего слуга вернулся и налил всем ещё по одной.

После завтрака Асахи повёл гостей во внутренний двор, как и попросила жрица. Он находился дальше центра замка, окружённый сразу несколькими крылами. Хотя как сын даймё, выросший здесь, Асахи прекрасно ориентировался в своём доме, их всё равно сопровождало двое слуг.

Внутренний двор находился под открытым небом, однако некоторые деревья росли друг к другу настолько близко, что образовывали крышу из листвы и не пропускали лучи солнца. Хару и вчера отметил разнообразие растительности здесь, но Акико, оказавшись во внутреннем дворе, торопливо прохаживалась возле разных растений, внимательно осматривая их. Она вела себя как хищник, высматривающий добычу. Или же Акико что-то успела потерять в этом месте.

— Мико, ты что-то ищешь? — обеспокоенно поинтересовался Хару.

— Нет, просто люблюсь, — без раздумий ответила она.

Асахи не пытался догнать их, а спокойно прохаживался, тоже рассматривал цветы, кусты и деревья, только никуда не спешил, а вслух сказал:

— К сожалению, я не разбираюсь в растениях и даже никаких названий не смогу вам сказать, если что-то заинтересует. Если что-то понравится, можете сорвать.

Хару не покидало ощущение горечи во рту. Он решил, что в следующий раз не будет пить тот зелёный чай, а то вслед за сразу наступившим приятным послевкусием гораздо позже последовало горькое. И во рту всё пересохло, Хару ужасно хотелось пить.

— Аники, можно воды?

Он собирался подойти к Асахи, как вдруг за его спиной раздался хруст и грохот — Акико пошатнулась и упала головой в кусты, переломав кучу веток, а остальное тело оказалось на земле.

— Мико! — испуганно воскликнул Хару и ринулся к Акико, но и перед его глазами всё поплыло. Хару не смог устоять на ногах и тоже потерял сознание.

В ушах звенело. Белый тэнгу с трудом разлепил глаза и обнаружил, что находился на холодном каменном полу какой-то мрачной комнаты. Руки его связали, поэтому те уже затекли, кроме того, к одной из ног крепилась цепь. Хару заметил её, как только попытался пошевелиться, а та зазвенела.

— Ты очнулся, — раздался голос Асахи в стороне. — Извини, что так получилось, Хару.

Киноварно-красные глаза непонимающе смотрели на друга, видели в нём знакомого Асахи, слышали тот самый голос, к которому привыкли, но не узнавали. Неужели все люди обманывают? Кажутся добрыми и заботливыми, а потом сажают на цепь, убивают? Однако Хару не спешил разочаровываться в друге, просто не мог, поэтому спросил с отчаянием и надеждой:

— Аники, что происходит?

Асахи приблизился на несколько шагов, но недостаточно близко, чтобы его лицо можно было разглядеть в полумраке, и произнёс:

— Мне жаль, Хару.

— Где Акико? — взвыл несчастный белый тэнгу, а Асахи кивнул головой в сторону.

В нескольких дзё от него лежала жрица, по-прежнему без сознания. Она была повёрнута спиной, поэтому Хару не видел её лица и не знал, пострадала ли она.

Пока Асахи молчал, он с опаской осматривал помещение, в котором оказался, и обнаружил, что пол оказался не просто каменным: в нём были сделаны углубления в виде странного узора. Продавленные линии, а также связанные с ними лепестки цветов груши, вели к центру комнаты. Там, прямо из камня, рос то ли куст, то ли деревце. На невысоком стволе во все стороны торчала листва, с некоторых веточек свисали вытянутые овальные плоды. В полумраке сложно было разобрать, какой цвет они имели, но Хару бы не удивился, если бы те оказались чёрными.

За деревцем-кустом виднелись и другие растения, совершенно иной формы и отличные от тех, что росли во внутреннем дворе, однако в слабом свечении фонарей складывалось ощущение, что здесь никто о них не заботился, растения увядали. По полу и некоторым углублениям были рассыпаны засохшие лепестки и листики.

Тишина давила на связанного белого тэнгу, заставляла мурашки бегать по спине, вызывала дрожь.

Асахи присел в стороне, недалеко от деревца, и задумчиво подпёр рукой подбородок, но в сторону Хару и не думал смотреть, а Хару боялся с ним разговаривать. Если с показавшимся добрым монахом Цуёши он был знаком всего одну ночь, то Асахи знал много лет, а теперь совершенно не понимал, что происходило. Поначалу переживал, что нельзя доверять Акико, а теперь его жестоко обманул близкий друг.

Сбоку раздался звон от цепей. Хару вздрогнул, резко обернулся и услышал стон. Акико начинала приходить в себя, но пока только пошевелилась и попыталась сесть, однако давалось ей это с трудом.

— Мико! — воскликнул Хару и ринулся в её сторону, но цепь не позволила ему сдвинуться с места. От слишком сильного рывка он, наоборот, дёрнулся назад и упал на холодный каменный пол, ещё и лбом стукнулся.

— Хару, — слабо позвала она, нахмурилась и попыталась дёрнуть рукой, но и та оказалась связанной прочными верёвками, да так сильно, что жрица даже пальцами пошевелить не могла.

— Предатель! — взвыла она, найдя глазами Асахи и дёрнувшись в его сторону, но тоже не смогла сдвинуться с места. — Так и знала, что тут нечисто. Люди, вы все злые убийцы, никому из вас нельзя доверять!

Хару с сожалением смотрел на Акико, не в силах найти нужные слова, чтобы успокоить и поддержать. Асахи поглядывал на них двоих, но вставать и приближаться не спешил.

— Что поделать? — хмыкнул он, даже не пытаясь оправдаться, а у Хару от его холодных

слов всё в груди сжалось, в горле встал ком. Это точно тот самый Асахи, с которым он дружил долгие годы? Тот милый человек, который посещал дворец Кинъю и рассказывал Хару и Хотару множество интересных историй?

— Может, ты и Хару не просто так рассказал, как обрести бессмертие? — Акико говорила сердито, наполняя каждое слово ненавистью и ядом.

Хару с горечью обернулся в её сторону и жалобно попросил:

— Не надо.

Даже если Асахи обманул их и загнал в ловушку, он не желал, чтобы всё хорошее в его жизни оказалось иллюзией и так легко разрушилось.

— Что, у тебя тут, в самом деле, растут плоды бессмертия? — Акико продолжала плевать ядом, совершенно игнорируя несчастного Хару.

Асахи приподнялся и важно прошёлся к пленникам, остановившись чуть в стороне, чтобы ни один из них не смог достать до него. Он присел на корточки и хитро улыбнулся, однако в слабом свечении фонарей от его улыбки стало не по себе.

— Как видишь.

Он кивнул головой в сторону деревца-куста за его спиной. Хару сглотнул и отвернулся, не желая и дальше присутствовать при этом разговоре, а Акико повысила голос:

— А кои куда подевались? Ты убил их, чтобы удобрить свой куст?

Хару бы хотел взглянуть в тёплые золотистые глаза цвета ямабуки, чтобы согреться и успокоиться, однако те сейчас метали злые молнии, поэтому и тэнгу не разворачивался в их сторону. Он весь дрожал, на глазах появилась влага. Друзья обманывали, воспоминания прошлого рассыпались на осколки. А что тогда было правдой? С какой целью отец отправил его на землю?

— Я не трогал кои, — с уверенностью заявил Асахи.

— А те слухи про ёкаев и людей? Их всех тоже убил ты?

— Чего ты добиваешься? Что бы я ни сказал, вы мне не поверите.

— Показываю Хару, какой у него добрый друг.

Лицо Акико исказилось от широкой зловещей улыбки.

— Как будто сама лучше.

— Прекратите! — взвыл Хару, еле сдерживая слёзы. Всё казалось каким-то страшным глупым недоразумением, его добрые друзья не могли внезапно стать плохими...

Асахи взглянул на белого тэнгу, скривил губы и отвернулся, прошёлся по тёмному помещению, вернулся к деревцу-кусту. Его рука потянулась к листве, дотронулась до вытянутых плодов, провела по ним пальцами, после чего Асахи вновь взглянул на пленников. В глазах застыла жалость.

От одного взгляда на жалкий вид Хару хотелось броситься к нему, обнять, укрыть от страшного внешнего мира, полного обмана и предательства, но он уже слишком далеко зашёл.

— Аники, — тихим голосом, переполненным отчаяния, пробормотал Хару, — скажи, что это всё неправда.

Асахи с жалостью посмотрел на него и в очередной раз повторил:

— Извини, Хару.

После чего он вновь подошёл к ним, в руках блеснуло лезвие кинжала. Белый тэнгу застыл на месте, непонимающе глядя на друга и не в силах пошевелиться.

— Хару, выпусти перья! — взвизгнула Акико и со всей силы дёрнулась в его сторону,

цепь зазвенела, забарабанила по полу, однако жрица находилась слишком далеко и не могла дотянуться до него. — Хару!

Он её не слышал. Как и не понимал, что собрался делать Асахи.

— Хару, перья!

Тот опустил со спины белого тэнгу, нащупал его ладони и разрезал одну из них кинжалом, не задев верёвки. Хару взвыл от боли, не понимая, что происходит. Его голова просто выключилась, мысли разбежались, исчезли, он сам совершенно не воспринимал ситуацию.

— Хару!

В голосе Акико звучала неподдельная боль и беспокойство, глаза, наполненные ненавистью и жадной убивать, впилась в Асахи, она бы с удовольствием вцепилась клыками в его шею, разорвала бы в клочья куда более жестоко, чем монаха Цуёши, однако верёвки и цепи сдерживали её.

Кровь потекла по его руке и упала на пол, в углубления, которые вдруг подсветились. Тонкой струйкой кровь медленно, но верно устремилась к деревцу с тёмными плодами. Асахи сделал более глубокий порез и сжал руку Хару, чтобы кровь текла сильнее. Хару завыл от боли, ничего не понимая, теперь уже и слёзы потекли по его щекам и тоже оказались в углублениях, по которым помчались к корням.

— Не трогай его, козёл! — заорала Акико на всё помещение. — Убери свои мерзкие руки от Хару!

Асахи даже в её сторону не обернулся, а разрезал вторую руку Хару и пустил кровь. Тот плакал и кричал, а Акико рвалась на свободу, звенела цепями, но даже верёвки ослабить не могла.

— Хару! Хару, ты слышишь меня? — пыталась она докричаться. — Призови перья!

Жрица уже сама едва не плакала от безысходности, как Асахи наконец-то отпустил белого тэнгу, поднялся на ноги и двинулся в сторону Акико.

— Не переживай, он не может, — усмехнулся сын даймё. Лезвие блеснуло в свете фонаря, а кинжал оказался у шеи Акико. — К сожалению для Хару, я знал, что он тэнгу, поэтому использовал яд, лишаящий его способностей.

— Да? И что же за яд? Даже красная лента не запретила ему призывать перья, — ухмыльнулась Акико, чтобы потянуть время и хоть что-то придумать.

— О, господин Джунъичи защищал своего сына, поэтому ни за что бы не лишил его главного оружия.

— А ты? — процедила Акико сквозь зубы. — Хару считал тебя своим другом, а ты вот так с ним поступаешь?

— Я преследую свои цели, — в голосе Асахи появились нотки злости.

— Какие же? — Акико уже шипела. — С-стать бессмертным захотелос-сь?

— Ты не понимаешь, — прорычал он и замахнулся кинжалом, но и она не собиралась оставаться на месте. Акико со всей силы дёрнулась и попыталась превратиться в змею, но и ей яд, который Асахи, по всей видимости, добавил в чай, не давал использовать свою силу. Она изогнула шею и сумела увернуться от кинжала, как впила одним клыком в руку Асахи. Сквозь одежду. Но быстро добралась до кожи и прокусила её.

Сын даймё взвыл, ударил её рукоятью по голове и вонзил кинжал в бедро. Акико закричала и задёргалась с новой силой, цепи звенели на всё помещение, а кровь уже стремительно неслась по углублениям к деревцу.

Прим. автора: название главы взято из японского выражения 疑心暗鬼, смысл которого: «если заподозришь что-то одно, то и остальное будет казаться подозрительным», а дословно переводится как «если сердце переполняют сомнения, то увидишь демона»

Глава 18. Виноватым смерть

Акико извивалась на каменном полу, совершенно не обращая внимания на рану. Она пыталась вырваться, сбросить с себя верёвки, избавиться от оков и напасть на Асахи. Яд от одного клыка было недостаточно, он не действовал столь быстро и стремительно, как когда убивал охотников за головами ёкаев. Но Акико и не желала ему быстрой смерти.

С бешенством в глазах и под звон цепей она металась из стороны в сторону, билась ногами об пол, но лишь проливала свою кровь, которая стремительно текла к деревцу.

— Остановитесь! — в ужасе и со слезами на глазах закричал Хару. Птенец, несколько дней назад выбравшийся из-под крыла матери и оказавшийся в лапах ужасного хищника. Взрослый, но неопытный юноша, столько всего переживший за несколько дней и сломавшийся от предательства.

— Аники, если тебе нужно бессмертие, я помогу его достичь, мы изготовим эликсир или пилюлю, только не мучай Акико, пожалуйста.

Асахи с жалостью взглянул на Хару, здоровой рукой сжав укушенное место, отвернулся и с камнем на душе произнёс уже в который раз:

— Извини, Хару.

Он бросил взгляд на куст с плодами бессмертия, свёл брови, обернулся к рыпающимся пленникам и вновь заговорил:

— Мне нужна ещё кровь.

Как будто не желая этого делать, он бросил взгляд на Акико, но всё-таки двинулся в сторону Хару, опустился перед ним на колени, взглянул в лицо, полное боли, страданий, непонимания и по каким-то причинам до сих пор не угасшей надежды.

— Аники, ты не такой, не надо этого делать.

Асахи бросил взгляд в сторону Акико, достал из рукава небольшой сосуд с жидкостью, который поднёс ко рту, перевернул и полностью осушил, после чего снова убрал. Его пальцы сжали рукоять кинжала, рука замахнулась, глаза прищурились, но он всё равно пырнул ногу Хару. Тот закричал от боли, попытался сжать пальцы в кулаки, но был слишком крепко связан верёвками. Кровь стремительно потекла к корням деревца, плоды насытились и из тёмного постепенно начали окрашиваться в алый.

— Не трогай Хару! — закричала Акико и застучала цепью по земле.

Яд в чае мешал ёкаям использовать их способности. Что Акико ни делала, как ни пыталась обратиться змеей — яд не позволял этого сделать, он ослабил их физически и совершенно лишил способностей.

Асахи перевёл взгляд в её сторону, некоторое время понаблюдал за жалкими попытками вырваться, но лишь вздохнул, поднялся с пола и подошёл к деревцу. Некоторое время он рассматривал плоды и листья, дотрагивался до них пальцами, принюхивался, а затем вздохнул и вдруг ушёл, хлопнув дверью.

— Акико, ты жива?

— Хару, как ты?

Раненые пленники одновременно обратились друг к другу и нервно засмеялись, убедившись, что оба ещё живы. Однако если Асахи задумал убить их, чтобы использовать как удобрение для деревца-куста бессмертия, то радоваться им оставалось недолго.

— Хару, ты, правда, не можешь призвать свои перья?

Он напрягся, попыталась наладить с ними связь, прочувствовать их, но не смог явить ни одно. Но не спешил сразу сдаваться, а продолжал хмуриться и пытаться выдавить из себя перья, сильно свёл брови, на лбу выступили капельки пота, а кровь с новой силой потекла по углублениям в полу.

— Остановись, Хару, — забеспокоилась Акико, с жалостью глядя на него. — Если не получается, то не переусердствуй, ты и так ранен.

Он оставил свои попытки, расслабился, на этот раз нахмурился от боли.

— Что нам делать, Акико? Как помочь аники? Я уверен, что он бы так не поступил, им наверняка кто-то управляет...

Хару едва не заплакал снова, а Акико прикусила губу и решила пока не спорить с ним.

— У меня осталось в рукаве одно твоё перо, но я не могу достать до него, этот подон... этот Асахи слишком сильно связал меня.

— Прости меня, Акико, — Хару вдруг захлюпал носом. — Если бы я не стремился разыскать своего друга, то ты бы не пострадала.

От его слов внутри у Акико всё сжалось. Он не обвинял никого, кроме себя, считал себя виноватым во всём.

— Хару, — взяв себя в руки, позвала Акико и постаралась сделать серьёзный и уверенный голос. — Мы придумаем, как отсюда выбраться.

Некоторое время они сидели в тишине и осматривали комнату, надеясь хоть что-то найти. Если бы фонари находились поближе и было бы чем кинуть в них, то они могли бы поджечь верёвки, однако этот план звучал чересчур нереалистично. Во-первых, Хару и Акико были не в силах сдвинуться с места, короткая цепь не позволяла сделать больше шага, а верёвки сковывали руки. Во-вторых, и кидать было нечем. Если бы хоть кто-нибудь из них добрался до белого пера Хару, то пленники бы с лёгкостью перерезали верёвки, а может, и цепи бы сломались под ним. При условии, что их не сделали из того же материала, что и сети.

— Аники бы что-нибудь придумал... — тяжело вздохнул Хару, а Акико с жалостью посмотрела на него и попыталась подбодрить:

— Ты ничем не хуже.

— Или Хибики, — продолжал перечислять Хару. — Или Хотару-нэчан.

— Но не Сота, — хихикнула жрица, не отводя взгляда от белого тэнгу. Уголки его губ дёрнулись в слабом подобии улыбки — уже что-то! Не хватало, чтобы Хару отчаялся и сдался.

Они так и сидели на полу, не в силах никуда уйти, беспомощные и незнающие, что делать.

— Раны бы перевязать, — вздохнула Акико, замечая, какая лужа натекла из-под Хару. Она сама была ранена несильно и потеряла не так много крови, чего не скажешь о бедном бездомном белом тэнгу.

Но сколько она ни вертелась, верёвки не удавалось ослабить. Руки, ладони, даже пальцы столь надёжно привязали к телу, что Акико ничего не могла поделать, а Хару уже и дёргаться перестал, не хныкал. Прижался спиной к холодной стене и сидел, повернув голову в сторону жрицы, но смотрел как будто сквозь неё. Либо света не хватало, либо киноварно-красные глаза, в самом деле, мутнели — сказывалась потеря крови.

Акико с новой силой задёргалась, сиюсь оторвать цепь от стены или хотя бы ослабить верёвки, но ничего не выходило.

Через некоторое время вдали раздался шаг, в помещение вернулся Асахи и закрыл за собой дверь. Он неторопливо прошёлся к белому тэнгу и опустился перед ним на колени, протянул к его губам чашу с водой, сказав:

— Пей.

Губы белого тэнгу пересохли, он бездумно потянулся к Асахи.

— Хару, не смей! — крикнула Акико, звон цепей разнёсся по всей комнате. — Козёл, ты опять нас отравить решил?

— Хочешь, я первый отопью? — предложил он, на миг бросив взгляд на жрицу и снова с заботой посмотрел на Хару.

— Ага, в прошлый раз ты тоже чай пил, но на тебя он никак не повлиял, мерзкий человек.

В голову Хару, по-прежнему считавшего Акико человеком, не пришла мысль спросить, а почему на неё в таком случае повлиял чай. Он слишком ослаб и плохо соображал, только смог губами дотянуться до чаши.

Асахи немного наклонил, чтобы Хару стало легче пить, тот жадно глотал, некоторые капли текли по его шее, но он облизывался и продолжал пить, пока не осушил полностью. Он с грустью взглянул на друга и отодвинулся обратно к стене.

— Ты будешь? — сын даймё обратился к жрице, а та сердито фыркнула.

— Убей нас уже.

— После того чая вы должны сильно хотеть пить, я и тебе принёс воды.

Он осторожно приблизился к Акико, специально держась от неё на расстоянии, протянул руку в сторону её лица, но подходить дальше не спешил.

— Будешь? — снова уточнил он и слегка наклонил чашу так, чтобы несколько капель попали Акико на лицо. Не желая признавать своей жажды, она жадно слизала их и с завистью взглянула на руки Асахи.

Он побоялся оказаться укушенным, поэтому наклонил чашу сверху, чтобы ещё несколько капель попало на лицо Акико. На этот раз та открыла рот и высунула язык. Он был прав, она ужасно хотела пить — нет, она умирала от жажды. Акико глотала желанную воду, стараясь не пропустить ни капли, и вскоре выпила всю чашу, из которой осторожно лил Асахи.

— Убедилась, что это обычная вода? — со слабой улыбкой поинтересовался он, отошёл в сторону и куда-то убрал чаши.

— Если вскоре не умру, то да, — сердито фыркнула Акико и зазвенела цепями. — Раз уж воду принёс, может, и раны перевяжешь?

Асахи усмехнулся, но к пленникам возвращаться не спешил, а подошёл к деревцу-кусту, дотронулся до листьев, пощупал их, затем погладил плоды. Те казались уже не такими вытянутыми, а как будто слегка потолстели.

— Язык проглотил? — продолжала огрызаться Акико, а заодно ворочаться с новыми силами, пытаясь ослабить верёвки.

— Нет, — на лице Асахи возникла едва заметная улыбка, а во взгляде появилась тоска. — Жду, когда куст бессмертия вновь зацветёт.

— А сейчас с ним что? — слабо выдавил Хару. По крайней мере, теперь он находился в сознании и даже мог говорить.

Асахи не спешил с ответом, как и не торопился отходить от деревца. Наоборот, то ли делал вид, то ли, в самом деле, изучал каждый листик, и не просто разглядывал, а щупал

пальцами. Затем присел, осмотрел корни, погладил тонкий ствол, который выдерживал этот куст неведомой силой, хотя и казался издали совсем хлипким.

Складывалось впечатление, будто Асахи намеренно тянул время, но с какой целью — не понимали ни Хару, ни Акико. Хару просто не понимал, почему его друг... если того ещё можно было так назвать, тянул с ответом.

Наконец, Асахи поднялся, отошёл на пару шагов от деревца и взглянул на него издали, в слабом свечении фонаря в его руках блеснул кинжал, который он уже успел отмыть от крови. Сын даймё обернулся и произнёс:

— Нужно больше крови.

По спине Хару пробежался холодок и сковал всё тело, он застыл на месте, не в силах пошевелиться или сказать хоть слово в ответ.

Акико брыкнулась и зазвенела цепями, силясь вырваться, однако у неё по-прежнему ничего не выходило. Асахи приблизился к ней, присел на корточки и провёл кончиком кинжала по её ноге, едва касаясь. Где он надавил чуть сильнее, ткань треснула и разошлась, однако без крови.

— Сдохни! — с яростью в голосе и диким взглядом вопила Акико и дёргалась. Она сама напоролась бедром на кинжал Асахи, кимоно покрылось красным, кровь потекла на пол, в углубления, а через них к корням куста бессмертия.

Бросив на Акико насмешливый взгляд, Асахи поднялся и двинулся в сторону Хару.

— Нет! — на всё помещение заорала жрица. — Нет-нет-нет, не трогай его!

Однако сын даймё её не слушал, а неторопливо шёл к раненому белому тэнгу, помахивая кинжалом в руке.

— Асахи! — в отчаянии взвыла Акико. — Хару же ничего не понимает! Он верит в вашу дружбу и отказывается считать тебя предателем! Не трогай его, умоляю тебя...

На несколько мгновений Асахи остановился, через плечо посмотрел на жрицу и хищно улыбнулся, а та загорелась надеждой.

— Тебе нужна кровь, да? — пыталась она договориться. — Возьми мою, но не убивай Хару.

Что она будет делать, если её бездомный тэнгу погибнет здесь? Она должна была спасти его любой ценой. Акико не понимала, что двигало ей, но была готова защищать Хару даже в обмен на свою жизнь.

— Асахи, ты слышишь? Убей меня, но не трогай Хару.

Хотя её слова прозвучали решительно, она опустила голову и свела брови, приготовившись к удару, однако Асахи так и не обернулся. В следующий миг он сидел перед Хару.

Акико подняла голову, взвыла, начала дёргаться и брыкаться, да так настойчиво, что у всех присутствующих уже уши закладывало от непрерывного звона цепей, однако Асахи это не остановило. Лезвие блеснуло во мраке, он замахнулся, на миг бросил взгляд на Акико и порезал Хару вторую ногу. Бедный белый тэнгу непонимающе смотрел перед собой и кричал, даже не пытаясь защищаться от человека, которому доверял много лет.

— Хару, он убьёт тебя! — в ужасе вопила Акико, когда Асахи вновь поднял руку, на этот раз целясь в живот.

Цепи со звоном грохнулись на пол, сверху упали верёвки, а тёмно-коричневая пятнистая змея уже неслась к Асахи. Кинжал уже начал входить в живот Хару, как она напряглась и подскочила, впилась клыками в руку Асахи. Тот бросил оружие, схватил змею за хвост и

попытался отшвырнуть, но та не спешила легко сдаваться.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Акико испугалась, что это приспешники Асахи спешили помочь своему господину, поэтому попыталась вновь напасть, однако услышала тихий шёпот:

— Защищай Хару.

Она насторожилась и застыла на месте, как дверь отворилась, первым торопливо вбежал Ёске, а за ним важно шагнула принцесса Хачими со злорадной улыбкой и предвкушением в глазах. Она сразу заметила куст, растущий в центре комнаты в углублении, и рассмеялась, а Ёске поспешил прикрыть дверь.

— Это и есть плоды бессмертия? — с горящими глазами поинтересовалась она, приблизилась и с восторгом провела по ним рукой, но срывать не спешила. — Сын даймё, рассказывай, как именно за ними ухаживать.

Множество украшений позвякивали в её волосах и тканях, розовые глаза в ожидании впились в Асахи, а тот присел, ухватившись за укушенное место, и ухмыльнулся:

— Сама же знаешь, чем их удобрять, принцесса.

Она по привычке надула губки и причмокнула ими:

— И какие же условия им нужны? Почему здесь они растут, а в другом месте вянут?

Пока её нежные пальцы гладили пока ещё тёмные, но уже красноватые плоды, розовые глаза продолжали следить за Асахи.

— Значит, ты признаёшь, что это кои украли остальные?

Ёске опустил голову и пристыженно отошёл в сторону, прижался спиной к двери. В отличие от наглой принцессы Хачими, он не решался смотреть в сторону Асахи и связанного Хару, а змею он так и не заметил.

— Это имеет значение? — принцесса снова причмокнула своими пухлыми губами и слегка опустила голову, рассматривая углубления в полу, запачканные кровью. — У вас тут и система специальная? Как интересно.

Шок постепенно отступал, Хару начинал приходить в себя, однако боль никуда не делась. Он застонал, а Асахи нахмурился, стараясь не смотреть в его сторону.

— Эти плоды уже могут даровать бессмертие? — смакуя каждое слово на языке, с наслаждением поинтересовалась принцесса Хачими. — Или кусту не хватает удобрения?

— Если бы хватало, я бы сам давно съел, — губы Асахи дёрнулись в странном подобии улыбки, он вскинул брови и уставился в розовые глаза. — Неужели, по мнению Вашего Высочества, я похож на человека, который хочет умереть?

Улыбка с пухлыми губами казалась странной и неестественной, кои не могла вытянуть её нормально, зато громко рассмеялась:

— Скорее, на человека, которому не жалко друзей. Куда ты дел ту противную девку?

Змея Акико, прячась за спиной Асахи, незаметно отползла к стене и там притаилась. В слабом свечении фонаря её сложно заметить, если она будет лежать неподвижно.

— Ладно, неважно, кровь — так кровь!

В её руках вдруг появился сай (Сай — колющее клинковое холодное оружие, напоминает трезубец). Никто не видел, откуда принцесса достала его, как она уже ринулась в сторону раненого Хару, посчитав его наилучшей жертвой. Однако если Асахи был другом и белый тэнгу просто отказывался верить, что тот желал причинить ему зло, то к принцессе Хачими он привязаться не успел. Она попыталась пырнуть его, но он дёрнулся и увернулся. Цепи зазвенели, но Хару не мог высвободиться от верёвок и нормально защитит себя.

Рассвирепевшая принцесса Хачими случайно ударила саем в стену, разозлилась, схватила рукоять обеими руками и снова замахнулась.

Акико бесшумно заскользила по земле, напружинилась и подпрыгнула, чтобы впиться клыками в кои, однако внимательный Ёске успел заметить её раньше. Он рванул вперёд, набрав неслыханную скорость, оторвал ноги от земли и полетел на Хару, успел вцепиться руками в змею, а принцесса Хачими проткнула его тело саем. Ёске взвыл и с грохотом упал.

Хару отклонился, поэтому его в итоге совсем не задело, но ему на живот приземлился кои. На светлой персиковой одежде вмиг образовалось тёмно-красное пятно, принцесса Хачими в ужасе отпрянула назад и поднесла руки ко рту.

Ёске скатился на пол, но продолжал сжимать змею в руках. Акико в ужасе смотрела на него, поражённая такой жертвенностью и преданностью неблагодарной кои. Пока та в ужасе стояла в стороне, Акико вырвалась и спряталась за Хару. Руки принцессы Хачими дрожали, та в ужасе смотрела то в улыбающееся лицо Ёске, сумевшего защитить свою госпожу, в его глубокие голубые глаза, то переводила взгляд на пятно и вытекающую кровь, которая по углублениям текла к корням. Вдруг она заметила, как плоды ещё больше насытились и покраснели, тогда принцесса Хачими захохотала.

Акико и Асахи насторожились, а кои приблизилась к Ёске и выдернула сай из его спины, тот вскрикнул и замолк, а принцесса уже диким взглядом смотрела на Хару.

Кусту бессмертия нужно больше крови.

Она замахнулась, как Акико обратилась человеком, а в её руках засветилось что-то фиолетовое. Сай обо что-то стукнулся и отдался вибрацией.

— *Мико, а что от тебя хотела госпожа Фуку?*

Взгляд Акико вновь стал задумчивым, она перестала рассматривать манящие далёкие звёзды. Золотистые глаза цвета ямабуки застыли в одной точке, уголки губ дёрнулись, на лице появилась едва заметная улыбка.

— *Ничего, — таинственно произнесла Акико.*

Глядя вслед уходившим тэнгу, Акико с трудом отвернулась от них и всё-таки взглянула на прекрасную женщину в фиолетовых одеяниях. Почему-то рядом с ней она чувствовала себя виноватой, словно госпожа Фуку видела её насквозь. Стараясь сохранять спокойствие, она натянула на лицо милую улыбку и вежливо поинтересовалась:

— *Госпожа Фуку, вы хотели о чём-то поговорить?*

В фиолетовом свечении украшения в волосах госпожи едва заметно поблёскивали, но даже так создавали ощущение загадочности и величия. На её фоне в своих простых одеждах Акико сошла бы за обычную служанку. В целом, она и не являлась кем-то знатным, а всю жизнь и вовсе провела в заточении.

— *Да, — женщина смотрела на неё с серьёзным видом. — Как тебя зовут, дитя?*

Акико ни на мгновение не засомневалась, что та намеревалась поговорить о чём-то ещё, но не спешила начинать с важного. От внимательного взгляда становилось не по себе, пробежался холодок по спине, но Акико всё-таки заставила себя ответить уверенным голосом:

— *Акико.*

Не нарушая границ приличия, госпожа Фуку держалась на почтительном расстоянии, но всё-таки сделала шаг навстречу и наконец-то задала тот самый важный вопрос, о котором думала жрица:

— Акико, это ты убила старого монаха, о котором все говорят?

В другой ситуации она бы спокойно соврала или переключилась на другую тему, но из-за внимательного взгляда госпожи Фуку пристыженно опустила голову и выдавила тихое:

— Да.

Она не могла понять, что за неведомая сила заставляла её говорить правду и, вдобавок, ощущать собственную вину. Неужели это были чары тэнгу? Если белые вороны-тэнгу славились опасными убийцами, то, может, совы-тэнгу умели гипнотизировать или как-то влияли на сознание?

— Ты змея, что была заперта в храме?

Акико встревоженно нахмурилась, сглотнула, но всё-таки заставила себя вновь сказать:

— Да.

Она была готова ко всему: чтобы госпожа Фуку разозлилась и выгнала её из деревни Неспящих Сов, чтобы нарекла злым и опасным ёкаем, чтобы ударила, в конце концов, поэтому Акико даже виновато отвернулась в сторону, почему-то не желая защищаться. Но госпожа Фуку быстрой торопливой походкой приблизилась, обхватила её за плечи и нежно потянула к себе, прижимая к своей груди и глядя её голову, спину.

Непонимающе Акико стояла на месте и не двигалась, тупо пялилась перед собой, не зная, как реагировать, нужно ли что-то ответить, пока госпожа Фуку не заговорила вновь:

— Я знала твою мать, Акико.

В груди вдруг всё сжалось, в глазах защипало, губы задрожали. Акико сжала пальцы и машинально ухватилась за широкие рукава госпожи, но руки соскальзывали, поэтому она цеплялась ногтями, едва не порвав мягкую ткань. Пока она молча стояла и осознавала смысл слов госпожи Фуку, та продолжила:

— Не мне судить, правильно ты поступила или нет, убив того монаха, — она всё ещё гладила Акико по волосам и спине. — Я лишь желаю, чтобы у тебя было всё хорошо. Если что-то случится, если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты всегда можешь обратиться ко мне.

Акико вдохнула и ощутила, что её нос заложен, она захлюпала, а из глаз полились слёзы. Госпожа Фуку ещё сильнее сжала её в своих руках, наклонилась и носом прижалась к волосам, приговаривая:

— Тише-тише, всё хорошо, я с тобой.

Впервые за долгое время Акико позволила себе выплеснуть эмоции — вернее, они сами выбрались наружу. Большую часть своей жизни она провела в заточении, поэтому не давала себе права на отчаяние, а продолжала жить, чтобы отомстить.

Неизвестно, сколько времени они так простояли, но в какой-то момент тихий плач Акико начал стихать, а госпожа Фуку мягко улыбнулась и протянула к её лицу широкое фиолетовое перо.

— Пусть оно освещает тебе путь, дитя, а может, и спасёт в трудный момент.

В руках Акико держала широкое совиное перо, излучающее фиолетовый свет. Она закрыла Хару своим телом и с ненавистью посмотрела на принцессу Хачими, над ними возник непробиваемый фиолетовый купол, защищающий от врагов.

— Не смей. Трогать. Хару!

Глава 19. ...или прощение?

Решительные золотистые глаза цвета ямабуки светились уверенностью, Акико приготовилась защищать Хару до последнего вдоха. Фиолетовый купол получился совсем небольшим и укрыл лишь их двоих, ни Асахи, ни лежавший чуть в стороне Ёске под него не попал. Сквозь него всё было видно, внешне он напоминал обычный фиолетовый туман, однако принцесса Хачими вновь попыталась ударить саем, но тот звенел и не мог пройти сквозь полупрозрачную завесу.

— Что это такое?! — сердито прокричала принцесса и нахмурилась. — Ладно, неважно, тут ещё человек есть. Твоя же кровь подойдёт?

В её глазах, улыбке, в каждой черте лица, во всех жестах и движениях сияло бешенство и злорадство. С жутким диким взглядом и надменной ухмылкой она провела саем по куполу, обошла его и двинулась к Асахи. Хару вздрогнул, в ужасе глянул на Акико и воскликнул:

— Мико, ты можешь защитить Асахи?

А Акико нужных слов подобрать не могла, не в силах понять, с какой целью он хотел спасти человека, который мучил его, а может, и вовсе убить собирался. Она и ответить не успела, как решительные карие глаза Асахи пересеклись сначала с её золотистыми цвета ямабуки, он слегка кивнул, а затем взглянул в киноварно-красные, на миг на его лице появилась улыбка, но он быстро отвернулся и уставился на принцессу Хачими.

Хару смотрел на него с растерянностью. Даже сквозь фиолетовую завесу он ощущал, что Асахи не испытывал страха, а наоборот, решительно настроился, но Хару не понимал его. Должно быть, тот придумал какой-то план.

Акико тоже не догадывалась, что же замышлял Асахи, но она отчётливо осознала, что он попросил её защищать Хару. Несмотря на причинённые раны и боль, по каким-то причинам он всё равно не хотел давать белого тэнгу в обиду. Сначала пролил его кровь, а теперь желал уберечь.

Принцесса Хачими наконец-то оказалась перед ним и ринулась вперёд, намереваясь заколоть саем. Асахи достал кинжал, которым резал Хару и Акико, и отбил удар. С улыбкой он поднялся на ноги, пошатнулся, едва не упал, но решительно взглянул кои в глаза. Та рассвирепела и вновь напала, но Асахи парировал, прыгнул вперёд и сделал выпад, не давая ей ранить себя.

— Сдохни, человек! — крикнула она и ринулась на него.

Он собирался и этот удар парировать, однако принцесса злорадно ухмыльнулась и резко двинулась в другую сторону, вонзила сай ему в бок. Асахи взвыл, кровь потекла по его туловищу и ноге, капли оказались в углублениях и стремительно понеслись к корням.

— Да, да! — радостно кричала принцесса Хачими, выдернув сай и заметив, как плоды округлились и покраснели. — Больше крови.

Асахи нахмурился, схватился рукой за раненый бок — одежда вмиг окрасилась в красный. Нечем перевязать, да и времени не было, второй рукой он посильнее сжал рукоять кинжала и с криком ринулся на кои. Принцесса причмокнула губами, хихикнула и с лёгкостью увернулась.

Сай вошёл в спину Асахи. Вопль боли разнёсся по комнате, Хару вздрогнул и попытался вырваться из-под купола, чтобы помочь другу, но барьер не пустил.

— Акико, мы должны помочь! — взвыл он от отчаяния и беспомощности.

— Нет, Хару, — она свела брови, продолжая сжимать широкое перо госпожи Фуку в руках.

— Пусти меня, Акико!

Принцесса Хачими вновь нанесла удар. Асахи со стоном упал на пол, помещение сотряслось от грохота, кровь стремительно неслась к корням и насыщала куст бессмертия.

С горящими от предвкушения глазами кои подошла к деревцу, ухватила руками за один из плодов. Не в силах и дальше терпеть, она сорвала один и надкусила. Розовые глаза загорелись, в следующий миг она проглотила целый плод и обернулась к Асахи:

— Скажи, сын даймё, я стала бессмертной? Или одного плода мало?

Хотя лицо Асахи и искажалось от боли, которая ему даже сесть не давала, он всё равно ухмыльнулся:

— Хочешь, пырну тебя кинжалом, принцесса? Тогда и проверишь.

Он попытался засмеяться, но в итоге закашлялся, крепче сжал один из боков. Кровь хлестала их всех ран, Асахи бледнел и терял силы.

— Акико, выпусти меня! — завыл Хару, не в силах даже перья выпустить, чтобы прорваться через защитный купол и хоть как-то помочь.

Жрица с грустью посмотрела сначала на него, затем на Асахи и принцессу Хачими, с болью свела брови и отвернулась.

— Прости, но не могу.

Хару впился пальцами в её плечи и встряхнул:

— Мы должны помочь!

— Мы ничего не должны! — вспыхнула Акико. — Он чуть не убил нас!

Вдруг перед глазами принцессы Хачими всё пошатнулось, она чуть не упала, но успела ухватиться за хлипкий тонкий ствол и устояла на ногах.

— Что это? — сердито вопрошала она. — Так происходит превращение?

Она хмурилась и качалась, ноги подкашивались. Лицо Асахи вновь растеклось в самодовольной улыбке, но долго тот так не продержался, закашлялся и застонал, однако злорадно выпалил:

— Принцесса думала, что крови какого-то человека будет достаточно?

Большие розовые глаза пылали от гнева, она со злостью смотрела на полупрозрачный фиолетовый купол и размышляла, чем бы пробить его. Едва держась на ногах, взглядом прошлась по комнате, пока не заметила лежавшего у подножия купола Ёске.

Глаза расширились ещё больше, загорелись, а уголки губ дёрнулись в странном подобии улыбки. Стискивая сай в руках, принцесса Хачими всё-таки добралась до рыжего кои, подняла оружие и вновь пронзила его спину. Ёске от ужаса и боли закричал, юноша ещё был жив, однако его крики не остановили обезумевшую принцессу. Кровь хлынула из новой раны, вмиг добралась до корней, плоды ещё больше окрасились в алый. Принцесса Хачими замахнулась ещё раз и опять пронзила тело несчастного Ёске, тот кричал, но не смел обороняться против своей госпожи, а она уже бросила сай в сторону и ринулась к кусту бессмертия, сорвала плод и проглотила его. Ноги подкашивались, но она сорвала ещё один и с ним опустила на пол, жадно заглотив.

— Я теперь бессмертная, да? — безумно бормотала она себе под нос, как вдруг стон сорвался с её губ. — Что со мной происходит?

Дрожь сотрясла её тело, капельки пота выступили на лбу, жар прилил сначала к лицу, а затем распространился по всему организму.

Хару беспомощно стучал по стенам купола, а Асахи рассмеялся и закашлялся.

— Что ты сделал, тварь?! — прикрикнула на него покрасневшая кои, а он выдавил из себя болезненную улыбку.

— С чего ты решила, что нашей семье вообще удалось вырастить куст бессмертия?

— Но... — её глаза наполнял ужас, она непонимающе смотрела на человека. — Тогда что это?

— Ты ещё помнишь Нобору? — вдруг хрипящим голосом поинтересовался Асахи и скривился. — Моего младшего брата.

— Нобору, опять ты сбежал с тренировки, — Асахи смирил младшего брата сердитым взглядом.

— Аники, я сегодня такую девушку встретил! — карие глаза юноши мечтательно посмотрели в ночное небо. — Можешь наказать меня, но это того стоило.

— Аники, как думаешь, а отец позволит жениться на девушке, которую я полюбил? — однажды поинтересовался Нобору, когда они проходили через сад цветущих персиков.

— Боюсь, он давно распланировал нашу жизнь, — невозмутимо ответил Асахи, уже смирившись и ничуть не расстраиваясь. — Почему ты так внезапно спросил?

Нобору невинно рассмеялся и почесал затылок. Из и без того взъерошенного хвоста торчали пряди волос и мягко опали на широкие плечи юноши, который задумчиво рассматривал нежно-розовые кусты.

— У неё прекрасные глаза цвета персиков, — наконец, мечтательно произнёс он.

— Ты снова виделся с ней? — возмущённо переспросил Асахи, собираясь пожурить младшего брата. — Любовь пройдёт.

— Я не хочу, чтобы она проходила.

— Аники, а человек и ёкай могут любить друг друга?

После тяжёлой тренировки в горах Асахи и Нобору отделились от учителя и остальных братьев, прохаживались по вершине, наслаждаясь прохладным осенним воздухом. Учитель заставил их накинуть тёплые верхние одежды, чтобы вспотевшие тела не разболелись от ночного ветра. Асахи поглядывал на мерцающие звёзды на небе, как вдруг обо что-то споткнулся. Под ногами росли цветы ямабуки, он сорвал несколько и задумчиво произнёс:

— Показать Хару и Хотару, что ли? — а затем, вспомнив про вопрос младшего брата, обратился к тому: — Кто знает. С тэнгу уже заключили союз и налаживаем сотрудничество, может, дружба со временем перерастёт и в любовь.

— Было бы неплохо...

— Аники, только не ругайся, — как-то начал разговор Нобору и смущённо прикрыл глаза.

— Ты опять с ней виделся? — догадался Асахи и сделал выпад, звон металла разнёсся по комнате, братья скрестили катаны в тренировочном поединке.

— Аники, мне кажется, я ей нравлюсь... — мечтательно произнёс младший брат, как Асахи выбил катану из его рук.

— Отвлекаешься.

Нобору усмехнулся, наклонился за катаной и сам сделал решительный рывок.

— Как же её зовут? — в кои-то веки Асахи первым заговорил о возлюбленной младшего брата. Глаза последнего наполнились теплой и любовью, мягкая улыбка появилась на лице.

— Хачими, — смакуя каждый слог, произнёс он с наслаждением.

— Какая разница? — сердито прокричала принцесса Хачими и попыталась подняться, но только застонала. — Что ты со мной сделал?!

Пот стекал по её лицу.

Асахи злорадно то ли кашлял, то ли смеялся — тело его подрагивало; бледный, он едва держал голову приподнятой, но всё равно торжествующе смотрел на кои.

— Для начала ответь мне, что ты испытывала к моему брату.

— Он бросил меня! — всё тело принцессы Хачими покраснело, а на глаза выступили слёзы. — Нравился он мне, что с того? Потом бросил, теперь я его ненавижу.

— Аники, что происходит? — испуганно позвал Хару и поймал на себе переполненный эмоциями взгляд Асахи. Сын даймё закашлялся и ответил:

— Бросил, говоришь? Бросил? — на последнем слове он повысил голос. — А ничего, что ты убила нашу мать?

Красная, словно бобы адзуки, принцесса Хачими надула свои пухлые губы и беззаботно ответила:

— Все когда-то умирают, а эта женщина была против нашего союза.

— То есть ты поэтому убила её? — лицо Асахи исказилось от боли. Хару тоже вздрогнул, машинально нащупал руку Акико и крепко сжал её. — И решила, что Нобору бросил тебя?

— Где он ещё может быть, если не бросил? Он всегда дарил мне персики в день Персикового дождя, но в тот год не пришёл, как затем пропустил и все остальные встречи. Год за годом, я выплывала на берег и ждала его, звала, кричала, но он так и не явился.

Асахи слабо поднялся на локтях, попытался сесть. Бросил взгляд в сторону Хару и Акико, по-прежнему находящихся под куполом, и опёрся спиной на фиолетовый барьер, который внутрь его не пустил, но послужил неплохой подпоркой. Грудь Асахи содрогалась, Хару решил, что другу больно, однако тот смеялся.

— Значит, ты не знала, — он продолжал смеяться и схватился за голову, после чего бросил полный ненависти взгляд на принцессу. — После того, как ты убила нашу мать, Нобору не справился с этим грузом. Он винил себя в её смерти и покончил с собой.

И без того широкие розовые глаза расширились ещё сильнее.

— Нет, Нобору-кун не мог, — испуганно произнесла принцесса Хачими. — Он бросил меня, поэтому и не приходил больше.

— Он мёртв, принцесса.

— Не верю.

Её взгляд метался из стороны в сторону, груди тяжело вздымались.

— Ты убила мою мать, моего брата, а затем и моего отца.

— Аники, но ты же говорил, что даймё Хонда уехал по делам... — вмешался непонимающий Хару. Асахи с трудом повернул голову, взглянул в его киноварно-красные глаза и тепло улыбнулся.

— Можешь снять купол, Акико, думаю, мы закончили, — произнёс он, а затем обернулся к еле дышащей принцессе Хачими. Жар мешал, ей срочно надо было в воду.

— Я не трогала... твоего брата... и отца... — с трудом выдавила кои, одновременно с этим Акико убрала свиное перо, завеса исчезла. Испуганный Хару бросился на пол, вмиг оказался рядом с другом, который чуть не упал, ведь подпорка исчезла. Белый тэнгу попытался обхватить его со спины, но боялся причинить боль, тогда Асахи со стоном сам на него опустился и прилёг, не отводя взгляда от принцессы Хачими.

— Несколько лет отец пытался возродить мать, пока не помешался на этой идее, — уже спокойнее продолжал он, а кои, задыхаясь, простонала:

— Воды... противоядие...

Она попыталась сдвинуться с места, но упала лицом на холодный пол и сильнее прижалась к нему, надеясь хоть так остыть.

— Ему удалось вырастить множество разных кустов, но никаких возрождающих плодов или дарующих бессмертие тут не было, — невозмутимо продолжал Асахи, хотя голос его становился тише. — Не знаю, кто пустил этот слух, сам отец, кто-то из братьев, а может, люди или ёкаи по соседству почему-то так решили...

Он закашлялся и тоже тяжело задыхался. Никто не спешил говорить, кои беспомощно лежала на каменном полу, Хару встревоженно смотрел на друга, боясь пошевелиться, Акико тоже присела рядом. Вскоре Асахи набрался сил и продолжил:

— Мне повезло, что из всех кои на берег вышла именно ты, Хачими, — на этот раз он не обратился к ней по титулу. — Думал, это будет самой сложной частью плана.

— Что ты... со мной сделал? — еле выдала она из себя слабым голосом, а Асахи только улыбнулся.

— Ты сама, Хачими, ты сама это сделала, — он попытался засмеяться, но в очередной раз закашлялся, а Хару с жалостью сжал пальцами одежду Асахи, стараясь не касаться ран. — Это ты насытила куст моей отравленной кровью.

— Отравленной? — в ужасе прохрипела она.

— Меня, кажется, укусила мамуси, — сын даймё бросил хитрый взгляд в сторону Акико и вновь посмотрел на принцессу. — Я выпил противоядие, которое всего лишь скрывает симптомы, но не лечит. Я тоже умру сегодня с тобой, Хачими, только ты будешь страдать.

— Аники, не надо, — Хару попытался прижать его к себе, но от его объятий Асахи только застонал и закашлялся.

— Извини, что так вышло, Хару, я не хотел причинить тебе боль.

— Аники, тебе как-то можно помочь? — белый тэнгу не был готов сдаваться, однако Асахи разрушил все его надежды:

— Нет, Хару.

Вскоре принцесса Хачими замолчала совсем, её тело перестало вздыматься и просто неподвижно лежало. Асахи с сожалением взглянул на белого тэнгу и попытался улыбнуться:

— Наконец-то я смог отомстить.

— Аники...

— Мне жаль, что ты пострадал, Хару, — он говорил очень тихо, — и ты, Акико.

Девушка под села к ним поближе и положила белому тэнгу голову на плечо, погладила его по спине, стараясь успокоить. Она уже видела смерть, убивала и сама, а Хару тяжело такое переживал.

— Мы прощаем тебя, Асахи, — Акико улыбнулась, а золотистые глаза цвета ямабуки наполнились теплом. Услышав его историю, она просто не могла больше злиться на этого человека. Когда-то её саму простил Хару, теперь она не держала зла на его друга.

— Не говори так, мико, — в отчаянии воскликнул Хару, а Асахи в его руках закашлялся.

Его тяжёлое дыхание с хрипом ещё недолго доносилось до их ушей и вскоре стихло. Хару и Акико некоторое время неподвижно сидели в тишине, не издавали ни звука, пока жрица не выдержала. Она прикрыла глаза Асахи, после чего поднялась на ноги и протянула Хару руку:

— Вставай, Хару.

— Зачем? — беспомощно спросил он. — Я не оставлю аники.

— Мы похороним его со всеми почестями.

— Похороним? — непонимающе повторил он и с отчаянием в глазах посмотрел на Акико.

— Пойдём на воздух, нечего тут сидеть.

Она попыталась ухватить Хару за руку, но тот отклонился назад, не желая никуда идти. Пальцы Акико скользнули по красной ленте, как вдруг та поддалась и оказалась в руках жрицы. Хару и Акико смотрели на красную ткань, которую не смогло разрубить ни одно из лезвий, но стянули пальцы простой девушки.

— Как... — продолжая держать Асахи, Хару с подозрением прищурился. — Как ты это сделала?

— Не знаю, — Акико тоже с недоумением смотрела на ленту в своих руках.

Хару бережно обхватил Асахи за туловище, вылез из-под него и осторожно опустил на пол, а сам подошёл к жрице. Он наконец-то смог вернуть ноги в привычную человеческую форму и теперь босиком стоял на холодном каменном полу, залитом кровью.

— Теперь ты можешь вернуться домой.

Акико надеялась, что её слова прозвучат невозмутимо, однако не сумела скрыть тоску и горечь, которую испытывала в душе. Сжав ленту в пальцах, она отвернулась и осмотрела комнату, стараясь себя отвлечь. Труп Асахи, труп принцессы Хачими, труп бедняги Ёске. Сколько всего они пережили за эти дни...

Хару решительно схватил её за руку и потянул за собой, не глядя обошёл тела, на которые ему было больно и страшно смотреть, миновал треклятый «куст бессмертия» и оказался у дверей. Те поддались и отворились после одного сильного толчка, Хару поднялся по длинной лестнице из подвала и затем помчался по коридору, тяня за собой Акико. Жрица не спорила, а молча следовала за ним, вскоре подстроилась под его темп. Он оглядывался по сторонам, надеясь заметить окна, но не видел их, поэтому спешил дальше.

На одном из поворотов они столкнулись с Сотой и Хибики, которые в ужасе носились по замку семьи Хонда.

— Молодой господин! — воскликнули оба в один голос, а светлый тэнгу дополнил:

— Молодая госпожа перестала ощущать вас и забеспокоилась, что что-то случилось.

— Аники... — было единственным, что произнёс Хару, на большее у него не хватило сил. Он свёл брови, оттолкнул обоих тэнгу и помчался дальше, продолжая тянуть Акико за собой. Она беспомощно глянула назад, пожалала плечами и поспешила за ним.

Сота с Хибики переглянулись и тоже на месте не задержались. Наконец, Хару нашёл окно и выпрыгнул наружу; оказавшись на траве, он обратился крупным белым вороном и опустился перед Акико.

— Ты хочешь, чтобы я залезла тебе на спину? — удивилась она и с интересом дотронулась до мягких перьев, которые в таком состоянии не резали её.

— Да.

Она ловко взобралась на мягкую спину белого ворона, в то время как Сота и Хибики только успели их настичь. Лапы Хару оторвались от земли, тэнгу замахал крыльями, стремительно поднялся воздух и понёсся во дворец Кинью. Сота и Хибики обернулись птицами и полетели за ним, в шоке поглядывая на красную ленту в руках Акико, но не говоря ни слова.

Приятно было оказаться в небесах, поддаться порывам ветра, расправить крылья и лететь, но Хару спешил и не мог наслаждаться обретенной свободой. Не так давно он размышлял об этом понятии, оказавшись на рисовых полях, и гадал, сколько времени прошло с тех пор: всего несколько дней в реальности, а ощущалось как годы. Хибики думал, что молодому господину придётся показывать путь, однако тот сам чувствовал, куда лететь.

Вскоре облака расступились, и их взорам предстал огромный многоэтажный дворец белого цвета с золотыми крышами. В любой другой день Хару бы полетал вокруг него, наслаждался бы величественным видом, но сейчас он спешил.

— Отец! — крикнул Хару, как только переступил порог дворца, принял человеческий облик, поймал Акико, чуть сам не упав, но сумел устоять на ногах, после чего и её поставил на пол, крепко сжал руку и уверенно понёсся по дворцу. — Отец!

Джунъичи и Асами, родители Хару, расслышали голос сына и вмиг явились перед ним. Запыхавшаяся мать кинулась на шею Хару, стиснула в своих объятиях, прижала к груди, ему пришлось разжать руку и отпустить жрицу. Вслед за матерью прибежали сёстры Мию и Хотару, последняя сразу заметила Акико и с удивлением подбежала к ней, обрадовавшись вновь увидеть недавно обретенную подругу.

— Признаюсь, удивил ты меня, сын, что так быстро вернулся, — величественно заговорил Джунъичи, глава клана белых тэнгу, когда Асами наконец-то перестала сжимать Хару, но всё ещё продолжала осматривать.

— Он весь в крови! — с возмущением воскликнула она и сердито посмотрела на мужа.

— Аники погиб... — поникшим голосом пробормотал Хару, но Хотару слышала его.

— Асахи погиб?! — отказываясь верить своим ушам, повторила она, но поймала наполненный болью взгляд Хару и отвернулась.

— Отец, я так и не понял, почему красная лента упала, — Хару смотрел на отца, с трудом контролируя голос, чтобы тот не сорвался. — Какой урок вы хотели преподать мне?

Джунъичи закашлялся и отвернулся в сторону, после чего вновь взглянул на сына и спросил:

— Кому же удалось снять с тебя эту ленту?

— Акико, — Хару кивнул в сторону жрицы, которая стояла рядом с Хотару и утешала плачущую девушку. Та тоже всей душой любила Асахи и, как и Хару, не могла смириться с его смертью.

Джунъичи опять закашлялся и затем произнёс:

— Если честно, я не ожидал, что у кого-то получится её снять, и собирался забрать тебя через месяц.

— Что вы имеете в виду, отец?

Теперь уже Асами насторожилась:

— Почтенный супруг, что вы хотите этим сказать? Кто мог снять ленту с нашего Хару?

Вскоре в помещение зашёл и Масао, который тоже явился поприветствовать младшего брата. Джунъичи беспомощно посмотрел на жену, затем на сына, вздохнул и наконец-то ответил:

— Помимо меня, ленту могла снять лишь та, кто полюбила бы Хару и которой бы он сам отдал сердце.

Слова Джунъичи слышали все присутствующие, на некоторое время повисла тишина.

— Почтенный супруг! — крик Асами разнёсся по всему дворцу Кинъу. — Вы в детстве из гнезда рухнули и головой стукнулись?! Как вы додумались до такого?!

Мать Хару в бешенстве выпустила свои перья в сторону, её глаза горели от гнева, она сердито двигалась к Джунъичи, пока тот невинно пятился и махал руками, стараясь успокоить свою жену. Масао, Мию и Хотару решили убраться из зала, а Хару схватил Акико за руку и тоже поспешил вывести из дворца.

Ему было неловко смотреть в золотистые глаза цвета ямабуки, жрица тоже смущённо молчала. Они присели на белые ступени, Хару смотрел вдаль, а Акико с интересом оглядывалась по сторонам, рассматривала летающие вокруг них облака, любовалась чудесным видом. Она успела запомнить, что Хару не любил тишину, но сейчас, погружённый в тяжёлые переживания, он и не спешил открывать рот, поэтому Акико заговорила сама:

— Какие теперь планы, больше не бездомный тэнгу?

Она понимала, что, скорее всего, он останется во дворце Кинъу, продолжит жить своей жизнью, может, ещё раз спустится на землю, чтобы отдать почести покойному другу, но теперь у него будут другие заботы. И всё равно что-то сжималось внутри. Акико не хотела оставаться одна. Нет, она не желала расставаться именно с Хару.

— Вернуться в княжество Отаки, — тяжело вздохнул он. — Похор...

Он не смог произнести слово «похоронить», но Акико и так поняла, взяла его руку и мягко погладила, стараясь успокоить. Хару не спешил говорить дальше, поэтому через некоторое время Акико сама подала голос:

— Наверное, отсюда интересно наблюдать за звёздами.

— Владыка Звёздных Вод хочет остаться во дворце Кинъу? — вдруг сорвалось с губ Хару. Жрица вздрогнула и взглянула в киноварно-красные глаза, а на лице белого тэнгу теплилась добрая улыбка. Он изменился, как будто повзрослел после нескольких дней на земле. Акико тоже усмехнулась и показала свои острые клыки:

— Ты сам чего хочешь, Хару?

— Я вот думаю, — задумчиво произнёс он, а жрица наострила уши, — что мы так и не помогли поймать опасную змею, о которой говорили жители в деревне Неспящих Сов.

Жар прилил к щекам Акико, она смутилась, отвернулась, но почти сразу вновь повернулась. Пальцы сами сжались в кулак, запомнив, как это делал Хибики, она дала белому тэнгу подзатыльник и прикрикнула:

— Хару!

Он погладил ушибленное место и рассмеялся.

— А что лежало в мешке? — вспомнила Акико и попыталась перевести тему. Сама Хотару напоминала о нём перед тем, как улететь.

Хару и сам не знал. Нащупал его на поясе, положил на колени, чтобы и Акико видела, потянул за красную ленту, которая на этот раз легко поддалась и развязалась. Хару с предвкушением заглянул: внутри оказались рисовые шарики, перемазанные пастой из адзуки, которую он очень любил, должно быть, сёстры наспех приготовили это для него. Вот только из-за шуточек Хотару все шарики уже засохли.

Хару с Акико переглянулись и засмеялись.

Персонажи

Хару (春、はる、весна) — ёкай, тэнгу (белый ворон)

Акико (秋子、あきこ、осеннее дитя) — ёкай, змея (мамуси/восточный щитомордник)

Сота (颯太、そうた、внезапный ветер + большой) — ёкай, тэнгу (чёрный ворон)

Хибики (響、ひびき, эхо) — ёкай, тэнгу (японская овсянка)

Асахи (朝日、あさひ, утреннее солнце) — человек

Принцесса Хачими (八海、はちみ, восьмое море) — ёкай, кои

Ёске (洋介、ようすけ, океан + помощь) — ёкай, кои

Госпожа Фуку (福、ふく, счастье/удача) — ёкай, тэнгу (сова), хозяйка деревни Неспящих

Сов

Семья Хару (тэнгу, белые вороны)

Джунъичи (淳一、じゅんいち, чистый + первый) — отец

Асами (朝美、あさみ, утренняя красота) — мать

Масао (正雄、まさお, правильный герой) — старший брат

Мию (美夕、みゆう, красивый вечер) — старшая сестра

Хотару (蛸、ほたる, светлячок) — старшая сестра

Монах Цуёши (剛、つよし, твёрдый/сильный) — человек, державший Акико взаперти

Нобору (登、のぼる, восходить) — человек, младший брат Асахи